

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Asian-Pacific Region

Востоковедение

2019

orientalis

сотрудничество

international cooperation

philosophy

cultural exchange

relations

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Периодичность 4 выпуска в год

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 20. 01. 2020г. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ №____ Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства «Фэн» Академии наук РТ.

Вёрстка и допечатная подготовка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел./факс: (843) 292-49-14

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несет ответственности за содержание публикаций. Распространяется бесплатно.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Д.Е., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Р.М., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова А.Р., к-н ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Р.Р., к-н ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Ответственный секретарь: Балакин Д.А. (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии: Зайнуллин Г.Г., д-р филол.наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сторожук А.Г. – доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кобзев А.И. – доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Семенов А.В. – кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Репенкова М.М. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Усманова Л.Р. – PhD, кан. соц.наук (г. Москва, Россия)

Ко Ен Чоль – PhD, профессор (г. Казань, Россия)

Хабибуллина Э.К. – к.филол.н. (г. Казань, Россия)

Норихиро Наганава – (г. Саппоро, Япония)

Ким Джин Енг – (Республика Корея)

Чон Хенджу – (Республика Корея)

Ташансу Тюркер – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Экрем Калан – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Фан Куок Ань – PhD (культурология), профессор (г. Хошимин, Вьетнам)

Ян Кэ – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Кан Чэн – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Founder: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications

Certificate of registration ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Frequency 4 issues per year

Distribution area: Russian Federation, foreign countries

Publisher: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Publisher's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Prospekt Pobedy 226a, 420088

Editorial office's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Martyna Mezhlauka st., 3, of 117, phone +7(843) 22 133 21, 420008

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is published and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI)

Release date of publication: 20. 01. 2020. Offset paper. Digital printing. The format is 70x108 1/16. Circulation: 500 copies. Order №____ Printed from the layout possessed by "Fen" Publishing House of the Academy of Sciences RT.

Printing address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Baumana st., 20, 420111

Phone/Fax: (843) 292-49-14

Reprinting of journal's contents is allowed only with the written permission of the Editorial Board. Editorial Board is not responsible for the content of publications. Distributed free of charge.

EDITORIAL AND PUBLISHING BOARD:

Editorial director: Martynov D.E., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Science editor: Valeev R.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Chief editor: Alikberova A.R., Candidate of Historical Studies, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Release editor: Mukhametzyanov R.R. Candidate of Historical Sciences, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Executive secretary: Balakin D.A. (Kazan, Russia)

Chairman of the editorial board: Zaynullin G.G., Doctor of Philology, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

EDITORIAL BOARD:

Storozhuk A.G. – Doctor of Philology, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Kobzev A.I. – Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

Semenov A.V. – Candidate of Historical Sciences, Docent (Moscow, Russia)

Репенкова М.М. – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Usmanova L.R. – PhD, Candidate of Sociology (Moscow, Russia)

Ko Young Cheol – PhD, Professor (Kazan, Russia)

Khabibullina E.K. – Candidat of Philological Studies, Docent (Kazan, Russia)

Norihiro Naganawa – (Sapporo, Japan)

Kim Jin Young – (the Republic of Korea)

Chun Hyunju – (the Republic of Korea)

Tashansu Turker – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Ekrem Kalan – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Phan Quang Anh – PhD (cultural science), Professor (Ho Chi Minh, Vietnam)

Yang Ke – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

Kang Cheng – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Калита А. В. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ УМЕНИЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА – 4

Махваш аль-Садат Алави. СТЕПЕНИ ОЧЕВИДНОСТИ: АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ВВЕДЕНИЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ «ПОЭМЫ О СМЫСЛЕ» РУМИ – 10

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Сейед Салман Сафави. НОВЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ КОРАНА: СТРУКТУРА КОРАНА – 19

Маяцкий Д.И. «НОВИЗНА» И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КИТАЙСКИХ КАРТИН «СИНЬ НЯНЬХУА» – 32

ИСТОРИЯ

Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Мартынов Д.Е., Мухаметзянов Р.Р., Хайрутдинов Д.Р. ЭПИСТОЛЯРНАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ (РОЗЕН В.Р., БАРТОЛЬД В.В., КОКОВЦЕВ П.К., МИНОРСКИЙ В.Ф.) – 46

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. ДИНАСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В ИСТОРИИ КИТАЯ И ТАЙПИНСКОЕ ВОССТАНИЕ – 62

Сомкина Н.А. «ИЗОБРАЖЕНИЯ ДАННИКОВ ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ ЦИН» («ХУАН ЦИН ЧЖИ ГУН ТУ») КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVIII ВЕКЕ, ЦЗ.П1 – 85

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Халиков Р.И. МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ НА ФИЛИППИНАХ – 108

Акимова В.Г. ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И КНР – 118

Хузина А.И., Эскина Э.Е. ОБРАЗ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В СБОРНИКЕ ПАК ВАНСО «ДОБРАЯ ПОКХИ» – 122

ИНТЕРВЬЮ

Йошида Н., Асеев Р.Г., Эйдинов Д.Н., Лестев А.Е. ИНТЕРВЬЮ С СЭНСЭЕМ ЙОШИДА НОБУМАСА: ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МАСТЕРА – 126

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Kalita A.V. CRITICAL THINKING DEVELOPMENT TECHNOLOGY AND ITS FEATURES OF USING IN FORMING OF MONOLOGICAL SPEECH ABILITIES IN CHINESE LESSONS – 4

Mahvash al-Sadat Alavi. THE STAGES OF CERTAINTY: ANALYSIS AND INTERPRETATION OF THE POETIC INTRODUCTION OF THE SECOND BOOK OF THE RUMI'S MATHNAWĪ – 10

PHILOSOPHY AND CULTURE

Seyed Salman Safavi. NEW APPROACH TO UNDERSTANDING QUR'AN: UNDERSTANDING STRUCTURE OF QUR'AN – 19

Mayatsky D.I. A PROBE INTO THE "GATE" CULTURE IN CHINA — TAKING THE CONSTRUCTION PATTERN ON THE OLD CITY GATE IN BEIJING AS AN EXAMPLE – 32

HISTORY

Ramil M. Valeev, Roza Z. Valeeva, Oksana D. Vasylyuk, Dmitry E. Martynov, Rustem R. Mukhametzyanov, Dinar R. Khairutdinov. EPISTOLARY CHRONICLE OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES (ROSEN V. R., BARTOLD V. V., KOVOTSEV P. K., MINORSKY V. F.) – 46

Martynov D.E., Martynova Y.A. DYNASTIC CYCLE IN THE HISTORY OF CHINA AND TAIPING REBELLION – 62

Somkina N.A. "ILLUSTRATED TRIBUTARIES OF THE QING EMPIRE" (HUANG QING ZHIGONG TU) AS A SOURCE FOR STUDIES OF XVIII CENT. CENTRAL ASIA, VOL.II – 85

YOUNG SCIENTISTS

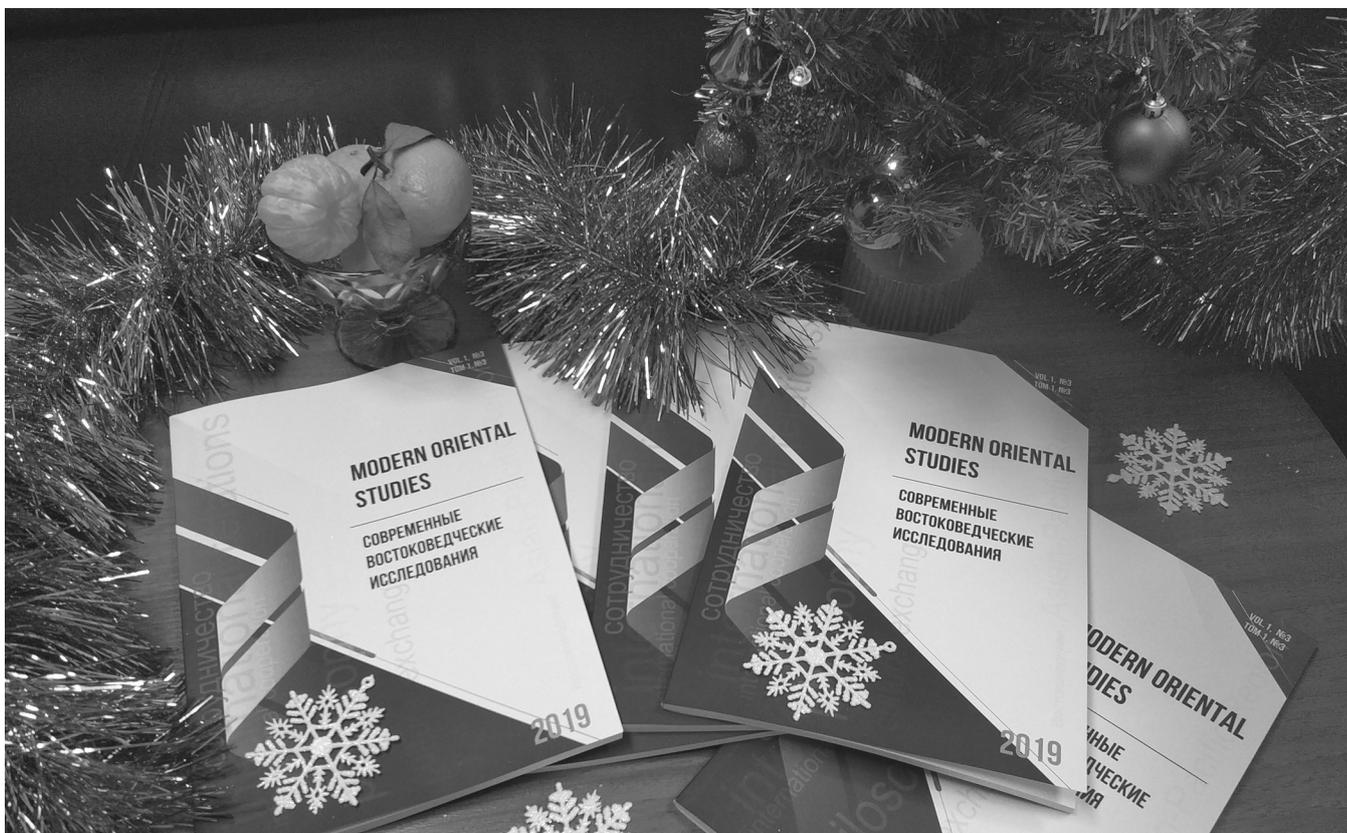
Khalikov R.I. INTER-CONFESSIONAL CONFLICT IN PHILIPPINES – 108

Akimova V.G. PROSPECTS FOR SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA – 118

Khuzina A.I., Eskina E.E. THE ARTISTIC IMAGE OF AN ELDERLY PERSON IN PARK WANSUH 'S STORYBOOK "GOOD POKHI" – 122

INTERVIEW

Yoshida N., Aseev R.G., Eidinov D.N., Lestev A.E. INTERVIEW WITH SENSEI YOSHIDA NOBUMASA: PART I. THE WAY OF THE MASTER – 126

ОТ РЕДАКЦИИ

Заканчивается 2019-й григорианский год, который сам по себе был чрезвычайно интересен в плане мировой ситуации, и принес немало результатов и достижений в науке. Для нашей редакции важнейшим итогом года является сам факт того, что новый журнал состоялся и оказался востребованным для коллег-востоковедов самых разных специальностей. Заметно увеличилось число статей коллег, которые занимаются ближневосточной проблематикой и регионом Юго-Восточной Азии. Впервые печатаются коллеги на персидском языке в столь сложной и многоаспектной теме, как восприятие коранической традиции. Отдельная рубрика для наших молодых коллег демонстрирует как общий высокий интерес к регионам Востока, так и общий уровень подготовки и «вчувствования» в суть и глубину проблемы.

Впереди нас ждут новые горизонты: коллегам желаем плодотворного нового года, ре-

зультаты которого выльются в статьи, присылаемые в нашу редакцию. Реальность столь сложна и многопланова, что нуждается не только в скорейшем отображении, но и осмыслении, что является достойной целью для наших магистров, аспирантов, а, иногда, и студентов. Редакция активно добивается того, чтобы журнал «Современные востоковедческие исследования» столь быстро, насколько это возможно, попал в список рецензируемых изданий ВАК, предоставив коллегам – соискателям ученых степеней и званий – удобную и доброжелательную площадку для дальнейшего продвижения.

С новым, 2020 годом!

Исполнения желаний и новых свершений!

*С уважением,
Редакционная коллегия журнала
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»*

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ
КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ УМЕНИЙ
МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА**

**CRITICAL THINKING DEVELOPMENT TECHNOLOGY AND ITS FEATURES
OF USING IN FORMING OF MONOLOGICAL SPEECH ABILITIES
IN CHINESE LESSONS**

Калита Анна Викторовна

Московский государственный педагогический университет

annapilnikova94@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Растущая популярность китайского языка как средства общения приводит к необходимости поиска новых путей совершенствования процесса обучения. Актуальность данного исследования связана не только с введением ЕГЭ по китайскому языку, но и обусловлена практической необходимостью общества в личности, обладающей свободой мышления, подразумевающей его критическую направленность. Данная статья посвящена использованию технологии развития критического мышления в процессе обучения монологической речи на китайском языке, которая может позволить учащимся научиться не просто порождать высказывания на иностранном языке, а генерировать мысли на требуемом языке, не прибегая к их переводу. В статье также отмечается, что формирование умений говорения на иностранном языке – это довольно сложный, многоуровневый комплекс навыков, которые могут делиться на навыки внутреннего планирования, то есть формирование и формулирование мысли, а так-

ABSTRACT

The growing popularity of Chinese language as a means of communication leads to the need to find new ways to improve the learning process. The relevance of this study is associated not only with the introduction of the Unified State Exam in Chinese language, but also due to the practical necessity of society in a person with freedom of thought, implying its critical orientation. This article is devoted to the use of critical thinking development technology in the process of teaching monologue speech in Chinese, which can allow students to learn not only to generate statements in a foreign language, but to generate thoughts in the desired language without resorting to translation. The article also takes into account the fact that the formation of speaking skills in a foreign language is a rather complex, multi-level set of skills that can be divided into internal planning skills, the formation and formulation of thoughts, as well as external implementation skills. Considering the features of monologic speech, such features of monologic utterance as compositional complexity,

же на навыки внешней реализации. Рассматривая особенности монологической речи, были учтены и такие особенности монологического высказывания, как композиционная сложность, необходимость в завершенности мысли, строгом соблюдении грамматических правил, логики и последовательности изложения информации.

Ключевые слова и фразы: говорение, китайский язык, критическое мышление, монологическая речь, формирование умений.

Для цитирования: Калита А.В. Особенности использования технологии развития критического мышления при формировании умений монологической речи на уроках китайского языка. *Современные востоковедческие исследования*. 2019; 1(4): 4-9.

the need for completeness of thought, strict adherence to grammatical rules, logic and sequence of presentation of information were also taken into account.

Key words and phrases: speaking, Chinese, critical thinking, monologue, skill formation.

For citation: Kalita A.V. Critical thinking development technology and its features of using in forming of monological speech abilities in Chinese lessons. *Modern oriental studies*. 2019; 1 (4): 4-9.

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы значительно возрос интерес к китайскому языку как средству общения. В современной методике преподавания иностранного языка существует проблема отработки и формирования определенных умений, в частности, умений монологической речи. Так как на сегодняшний день также возникает потребность в улучшении качества подготовки учащихся и формировании у них иноязычной коммуникативной компетенции, необходимо искать новые пути совершенствования процесса обучения устной монологической речи. В данной статье будет рассмотрена обоснованность использования технологии развития критического мышления (далее – ТРКМ) в процессе обучения монологической речи на китайском языке.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общеизвестно, что обучение иноязычной монологической речи связано с рядом трудностей. Также существует проблема в формировании у обучающихся умений сформулировать и выразить свои мысли на иностранном языке с эмоциями и отношением к высказыванию. Наряду с этим, данные умения являются чрезвычайно важными для осуществления полноценного акта коммуникации [Абазовик, 2017, С. 368]. Это связано с этапами речевой деятельности, где за формированием речевой интенции следует построение внутренней программы высказывания, грамматическая реализация программы, выбор слов и внешнее оформление высказывания [Круглов, 2017, С. 308].

Сложность порождения монологического высказывания также объясняется его особенностями как вида речевой деятельности: высказывание определяется интенцией говорящего, содержанием высказывания, языковым оформлением, контекстом ситуации. Зачастую ввиду небольшого объема языковых знаний и недостаточного развития умений говорения эта задача становится особенно сложной, несмотря на то, что словарный запас учащихся и количество освоенных ими грамматических форм достаточно обширны.

Монологическое высказывание может вызывать трудности как при порождении высказывания, так и при его восприятии: требуется высокая концентрация внимания реципиента, достаточное владение лексико-грамматическим материалом и развитый навык языковой догадки. Языковая догадка также напрямую связана с процессом анализа иноязычной речи, что позволяет определить значение неизвестного слова или выражения по контексту.

Рассматривая монологическую речь в рамках обучения китайскому языку, нельзя не отметить дополнительные трудности ввиду особенностей языка:

1) трудность высказывания с точки зрения грамматики, выраженная необходимостью использования большего, нежели в русском языке, числа глаголов или иных частей речи в глагольной функции, что необходимо для высокого уровня динамизма китайской речи;

2) трудность обеспечения связности высказывания, вызванная меньшим количеством формально-грамматических средств связи;

3) трудность отождествления и реализации интонационных средств китайского языка;

4) трудность говорения в нормальном для китайского языка темпе речи [Кочергин, 2000, С. 26].

Стоит сразу отметить, что обучение говорению на китайском языке осложняется спецификой самого языка (высокая степень омонимии, тоны, наличие звуков-аффрикат, вызывающих трудности при их произношении) и отсутствием в учебных пособиях разработанной системы упражнений по обучению говорению на китайском языке. В этой связи обучение иноязычному говорению на китайском языке можно назвать трудоемким и малоэффективным [Масловец, 2012, С. 34].

Помимо этого, для формирования практических навыков и умений зачастую недостаточно лингвистической теоретической базы учащихся. Данный факт приводит к трудностям, связанным с синтаксисом китайского языка: например, синтаксическая роль частей речи в китайском языке определяется их позицией в предложении. Так, учащимся необходимо четко спланировать и проанализировать свое будущее высказывание, чтобы выбрать наиболее подходящие языковые средства.

На Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку особо внимание уделяется, именно, устной части. Школьникам представляется возможность разыграть реальное ток-шоу на китайском языке. Моделирование китайского ток-шоу готовит ребят к реальной коммуникации с носителями китайского языка и китайской культуры, организует их на последовательное и аргументированное общение,

аккумулирует коммуникативные навыки, полученные на занятиях китайского языка [Круглов, 2018, С. 678].

Таким образом, в процессе обучения монологической речи необходимо не только сформировать умение построение грамматически правильного, логичного и последовательного высказывания, но и научить высказывать собственное аргументированное мнение, которое представляется возможным сформулировать только путем оценки, анализа и выводов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В данной статье мы рассмотрим пример упражнений по теме 入乡随俗, в основе которых лежат приемы развития критического мышления. Данные упражнения могут быть задействованы на разных этапах урока. Например, прием «Кластер» предусматривает такое задание: необходимо записывать слова или предложения, предложенные учащимися, вокруг основного понятия. Слова или словосочетания должны отражать идеи, факты, образы по данной теме. По ходу записи, появившиеся слова соединяются линиями с ключевым понятием. У каждого из «спутников» в свою очередь тоже появляются «спутники», устанавливаются новые логические связи.

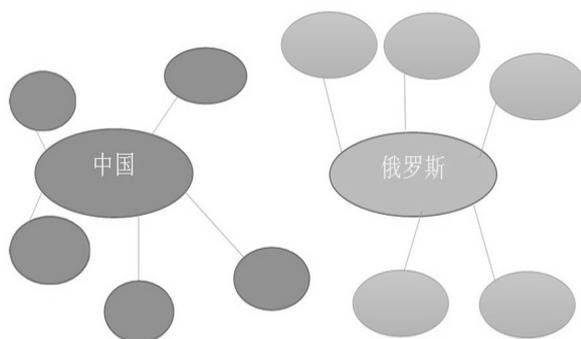

Рис.1: Прием «Кластер»

Следующий приём, который целесообразно использовать, это приём «Верите ли вы?». Данная технология состоит в том, что учитель записывает на доске ряд вопросов и просит учащихся (индивидуально или в группах) попробовать на них ответить, аргументируя свои предположения. Учащиеся анализируют вопросы и высказывают свое мнения, опровергая неверную информацию.

На стадии осмысления и рефлексии, работая с новой информацией, учащиеся проверяют правильность первоначального выбора.

Мы считаем, что если ученику предоставить возможность проанализировать то, что он уже знает об изученной теме, или принять решение в соответствии с имеющимся у него опытом, то это создаст дополнительный стимул для формулировки им собственных целей мотивов.

Так, по данной теме вопросы могут быть следующими:

- 1.你相信中国人总是吐痰吗?
- 2.你相信中国人不遵守别的风俗习惯吗?
- 3.你相信中国人在酒席上发挥得淋漓尽致吗?
- 4.在中国如果客人喝得越多,主人就越高兴,说明客人看得起自己,不是吗?
- 5.你相信俄罗斯人不礼貌地对待对待外国人?

На заключительном уроке по теме в качестве подведения итогов можно применить прием «Перекрестная дискуссия». Данный прием предполагает заполнение учащимися таблицы, работая в парах, где они должны сформулировать и высказать свои мнения «за» и «против»

поставленного вопроса. В ходе работы учащиеся, используя правила, отмечают уже сделанные аргументы и добавляют наиболее значимые из предложенных в классе. Таким образом, разнообразие мнений в классе увеличит количество доводов, что может даже изменить исходную точку зрения и привести к иным итогам работы. В конечном счете, необходимо прийти к единой точке зрения. По завершению заполнения таблицы учащиеся должны записать и озвучить аргументированный вывод.

Таблица 1. Образец задания с использованием приема «Перекрестная дискуссия»

保持	问题	否定
	入乡一定要随俗吗? 你认为哪些方面应该入乡随俗? 哪些方面不用入乡随俗? 入乡随俗, 出国你要注意哪些问题?	
结论:		

ВЫВОДЫ

Таким образом, комбинируя различные приемы, учителя могут адаптировать приемы к конкретной теме и к уровню развития учащихся, при этом сохраняя дидактическую ценность и эффективность задания.

На основании вышесказанного становится возможным сделать вывод о важности правильной организации обучения монологической речи, а также о необходимости формирования

критического мышления, которое является неотъемлемой частью развитой личности, умеющей формировать и аргументировать мнение, анализировать информацию, в том числе другие мнения, и принимать их во внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абазовик Е.В. Лингвостилистические особенности английской эмоционально окрашенной монологической речи и обучение монологической речи учащихся старших классов // XXI Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции, (25-26 апреля 2017 г., Санкт-Петербург) / СПб, 2017. С. 368–372.
2. Кочергин И.В. Очерки методики обучения китайскому языку. Москва, 2000. 336 с.
3. Круглов В.В. Методика обучения фонетике китайского языка // Россия – Китай: История и культура. Сборник статей и докладов участников X международной научно-практической конференции. 2017. С. 307–310.
4. Круглов В.В. Устная часть Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку. Методика подготовки школьников к межкультурной коммуникации // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII международной научно-практической конференции (Благовещенск — Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21-28 мая 2018 г.) / Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. С. 677–681.
5. Масловец О.А. Методика обучения китайскому языку в средней школе. Благовещенск, 2012. 160 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Abazovik, E.V. (2017) Lingvostilisticheskie osobennosti anglijskoj emocional'no okrashennoj monologicheskoy rechi i obuchenie monologicheskoy rechi uchashchihsya starshih klassov [Linguistic-stylistic features of English emotionally colored monologue speech and teaching monologue speech in high school students]. // XXI Carskosel'skie chteniya»: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, (25-26 aprelya 2017 g., Sankt-Peterburg) . pp. 368-372.
2. Kochergin, I.V. (2000) Ocherki metodiki obucheniya kitajskomu yazyku [Essays on Chinese Language Teaching Methods]. Moskva. 336 p.
3. Kruglov, V.V. (2017) Metodika obucheniya fonetike kitayskogo yazyka [Methods of teaching the phonetics of Chinese language] // Rossiya – Kitay: Istoriya i kultura. Sbornik statey i dokladov uchastnikov X mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. [Russia – China: History and Culture. Collection of articles and reports of participants of the X international scientific-practical conference]. pp. 307-310.
4. Kruglov, V.V. (2018) Ustnaya chast' Vserossijskoj olimpiady shkol'nikov po kitajskomu yazyku [The oral part of the all-russian chinese language olympiad as a method of preparing pupils for intercultural communication] // Rossiya i Kitaj: Istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Blagoveshchensk — Hejhe, Chanchun', Shen'yan, 21-28 maya 2018 g.). [Russia and China: History and Prospects for Cooperation: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk - Heihe, Changchun, Shenyang, May 21-28, 2018)]. pp. 677-681.
5. Maslovec, O.A. (2012) Metodika obucheniya kitajskomu yazyku v srednej shkole [Methods of teaching Chinese in high school]. Blagoveshchensk. 160 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anna Kalita

Moscow State Pedagogical University

Moscow, Russia

annapilnikova94@mail.ru

Submission Date: 2019.12.10

Принята к публикации: 10.12.2019 г.

THE STAGES OF CERTAINTY: ANALYSIS AND INTERPRETATION OF THE POETIC
INTRODUCTION OF THE SECOND BOOK OF THE RUMI'S MATHNAWĪ

СТЕПЕНИ ОЧЕВИДНОСТИ: АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО
ВВЕДЕНИЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ «ПОЭМЫ О СМЫСЛЕ» РУМИ

مراتب یقین؛ آنالیز و تفسیر مقدمه منظوم دفتر دوم مثنوی معنوی مولوی¹

Mahvash al-Sadat Alavi
Махваш аль-Садат Алави
مهوش-السادات علوی

London Academy of Iranian Studies, UK
Лондонская Академия иранистики, Великобритания
آکادمی مطالعات ایرانی لندن

АННОТАЦИЯ

«Поэма о смысле» Мавланы Джалал ад-Дина Мухаммада Балхи Руми Хурасани (1207-1273 гг.) является шедевром мистической литературы. В этой статье представлено анализ поэтического введения второй книги «Маснави» Руми на основе синоптического подхода.

Во второй книге «Маснави» говорится о «разных типах и этапах уверенности (йакин)» и «разных типах и этапах дружбы». В исламской мистической традиции уверенность состоит из трех этапов, называемых: 1. «Знание очевидности» (ilm al-yaqin); 2. «Око очевидности» (ayn al-yaqin); и 3. «Истина очевидности» (haqq al-yaqin).

Во время духовного пути, на этапе 'ilm al-yaqin, мистик открывает Познаваемого (ma'lum) посредством интеллектуальных рассуждений; на этапе 'ayn al-yaqin мистик является свидетелем Познаваемого, а на этапе haqq al-yaqin – мистик достигает союза с Познаваемым, в данном случае – с Аллахом. Последние две степени очевидности являются результатом раскрытия и духовного видения, и эта очевидность описывается как «Свет», который входит в сердце мистика.

Ключевые слова: «Поэма о смысле», Маснави Руми, определенность, дружба, шак, истина, совершенный человек, свет.

Для цитирования: Махваш аль-Садат Алави. Степени очевидности: анализ и интерпретация поэтического введения ко второму тому «Поэмы о смысле» Руми. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(4): 10-18.

ABSTRACT

The Mathnawī of Mawlānā Jalāl al-Dīn Muḥammad Balkhī Rūmī Khurāsānī (1207-1273) is the masterpiece of The Mystical Literature. In this article, the Poetic Introduction of The Second Book of The Rumi's Mathnawī has been analysed, based on The Synoptic Approach.

The Second Book of the Mathnawī speaks of the "different types and stages of Certainty (Yaqīn)", and the "different types and stages of Friendship." In the Islamic mystical tradition, certitude has three stages, called: 1. "The Knowledge of Certainty" ('Ilm al-Yaqīn); 2. "The Eye of Certainty" ('Ayn al-Yaqīn); and 3. "The Truth of Certainty" (Ḥaqq al-Yaqīn).

During spiritual wayfaring, at the stage of 'Ilm al-Yaqīn, the mystic discovers the known (ma'lūm) through intellectual reasoning; at the stage of 'Ayn al-Yaqīn the mystic witnesses the known directly, and at the stage of Ḥaqq al-Yaqīn, the mystic achieves union with the known, in this case, Allāh. The final two degrees of certainty are the result of unveiling and spiritual vision, and this certainty is described as a "Light" which enters the heart of the mystic.

Key words: Rumi's Mathnawī, Certainty, Friendship, Ḥaqq, Truth, Perfect human, Light.

For citation: Mahvash al-Sadat Alavi. *The Stages of Certainty: Analysis and Interpretation of the Poetic Introduction of The Second Book of The Rumi's Mathnawī. Modern oriental studies. 2019; 1(4): 10-18.*

¹ آرایه شده در کنفرانس سپتامبر ۲۰۱۹ مسکو.

چکیده:

مظاهر "تسامح"، "تساهل"، "دوستی"، "صمیمیت"، "صلح" و "صفا"، چنان در آثار مولانا و به ویژه مثنوی معنوی انعکاس یافته که برای همه انسان‌ها فارغ از زبان و فرهنگ قابل درک است. بدین سان آثار مولانا از اختلافات موهوم فراتر رفته، در مغرب‌زمین نیز در شمار پر فروش‌ترین کتب قرار گرفته است. حضرت مولانا در آثار خویش مثنوی را با القاب گوناگون از جمله "جامع اصول دین"، "فقه الله اکبر"، "طریق روشن" و "دلیل آشکار" توصیف کرده است. شعر مولانا همواره الهام بخش سنت تفسیری چشم‌گیری بوده است. برخی تفسیرهای مثنوی به تنهایی گسترده و از جنبه‌های مختلف قابل دسته‌بندی است:

۱. از جنبه رویکرد: عرفانی، ادبی، فلسفی و تطبیقی.

۲. از جنبه حوزه جغرافیایی: ایران، ترکیه، شبه قاره هند و غرب.

۳. از نظر کمی: شرح دیباچه، شرح گزیده، شرح بیت به بیت، تفسیرهای موضوعی و تفسیر کامل.

۴. از جنبه موضوعی.

۵. از جنبه صوری: شرح منظوم و شرح مثنوی.

در تفاسیری که با رویکردهای متفاوت بر مثنوی نگاشتند؛ اشاره‌ای به سنت هفتصد ساله علم و دانش در زبان‌های فارسی و ترکی، برای توضیح آموزه‌های عمیق معنوی مثنوی نشد و ساختار رسمی آن هم چنان به عنوان یک راز باقی ماند. در سال 2003 دکتر سید سلمان صفوی با ارائه تئوری نوینی در رساله دکترای خویش با عنوان "ساختار معنایی دفتر اول مثنوی- معنوی"؛ ساختار اسرارآمیز شاهکار مولانا را مورد تجزیه و تحلیل قرار داد. این تئوری در ایران و غرب با استقبال اندیشمندان مثنوی‌شناس نظیر پروفیسور سیدحسین نصر، پروفیسور ویلیام چیتیک، پروفیسور جیمز موریس، پروفیسور محمد استعلامی، پروفیسور توفیق سبحانی، پروفیسور محمدجعفر یاحقی، دکتر سیدعلی موسوی گرمارودی، کبیر هلمسکی و دیگر صاحب‌نظران مواجه شد.

مثنوی معنوی جلال‌الدین محمد مولوی - مولانا (۱۲۷۳-۱۲۰۷م) شاهکار ادبیات عرفانی است. در این مقاله مقدمه منظوم دفتر دوم مثنوی مولانا جلال‌الدین محمد رومی با رویکرد کل نگر تحلیل شده است. دفتر دوم مثنوی مولوی در باره "انواع و مراتب یقین" و هم چنین "انواع و مراتب دوستی" بحث می‌کند. از دیدگاه عرفا "یقین" شامل سه مرتبه است: ۱. "علم‌الیقین"، ۲. "عین‌الیقین" و ۳. "حق‌الیقین". سالک طی سلوک عرفانی؛ در مرتبه "علم‌الیقین" با استدلال عقلی "معلوم" را درمی‌یابد، در مرتبه "عین‌الیقین" مستقیماً "معلوم" را مشاهده می‌کند و در مرتبه "حق‌الیقین" به اتحاد با "معلوم" یعنی حضرت حق نائل می‌آید. "یقین" در مراتب دوم و سوم؛ حاصل مکاشفه و مشاهده معنوی است. این "یقین" که بر قلب سالک وارد می‌گردد به عنوان "نور" توصیف می‌شود.

کلمات کلیدی: مثنوی، یقین، دوستی، حق، حقیقت، انسان کامل، نور.

مقدمه

مولانا جلال‌الدین محمد بلخی رومی خراسانی مشهور به رومی یا مولانا؛ شاعر و عارف بزرگ مسلمان و سراینده مثنوی معنوی در قرن هفتم هجری- قمری / سیزدهم میلادی می‌زیست. مثنوی یکی از مشهورترین آثار ادبیات عرفانی جهان و یکی از رفیع‌ترین قله‌های زبان فارسی (زبان مادری حضرت مولانا) به شمار می‌رود. مثنوی شامل شش دفتر و حدود 26,000 بیت است. مولانا با تقسیم هر دفتر به بخش‌هایی با تعداد ابیات متفاوت، به هر بخش عنوانی اختصاص داده است.

آثار حضرت مولانا به ویژه مثنوی تبلوری از شخصیت عرفانی اوست. مثنوی معنوی "اسفار عارفان" و "شرح احوال و مقامات معنوی اولیاءالله" است. مثنوی معنوی کتابی تعلیمی و حاصل دوران پختگی و صحو مولانا است، برخلاف "غزلیات شمس" که حاصل بی‌خودی و فنای اوست. مثنوی شرح سفرهای معنوی و تجربیات مولانا است. عارفان بر این باورند که مرید و مراد هم چون آینه، تصویر یکدیگر را انعکاس می‌دهند.

می‌شود. کشف ساختار مثنوی راه را برای درک بهتر متن، ایده‌های عمیق و درس‌های موجود در آن هموار می‌سازد.

پس از بررسی دفتر دوم به عنوان یک کل؛ به تجزیه و تحلیل تبیین روابط حکایات و گفت‌مان‌ها با یکدیگر می‌پردازیم. این تجزیه و تحلیل؛ سازمان-دهی مراتب یقین و تحول و تعالی تدریجی "یقین" (علم‌الیقین، عین‌الیقین و حق‌الیقین) و "دوستی" (دوستی با ابلیس، اولیاء و خداوند) را در طریقت معنوی آشکار می‌سازد که اساس طرح سازمان‌دهی حکایات با رویکرد متوالی است. بدین ترتیب آشکار می‌شود مثنوی معنوی که به قول مولانا در دیباچه عربی دفتر اول؛ "کشاف القرآن" است، تحت تأثیر فرم قرآنی سروده شده است. از طریق مطالعه بدین روش درمی‌یابیم که مثنوی به طور سیستماتیک و پیچیده طراحی و سازمان‌دهی شده و ساختار و فرم دوگانه متوالی و کل نگر را با پیام کلی قرآن در هم آمیخته است که: "جهان مشتمل است بر ظاهر و باطن و شهادت و غیب".

ساختار کل نگر دفتر دوم مثنوی معنوی

(نمایش شماره ابیات درون پرانتز و تعداد بخش‌های هر گفت‌مان در کروشه)

	گفت‌مان اول: در ندیدن حقیقت (۱۱۲-۵۸۴) [۱۲]
بلوک اول: علم‌الیقین	گفت‌مان دوم: ابلیس مفلس و آزمون غلام توسط پادشاه (۵۸۵-۱۰۴۶) [۷]
	گفت‌مان سوم: عالم آشفته و دیوانگی ذوالنون (۱۰۴۷-۱۶۰۰) [۹]
بلوک دوم: عین‌الیقین	گفت‌مان چهارم: کوری‌های متفاوت و موسی و شیان (۱۶۰۱-۱۹۳۱) [۷]
	گفت‌مان پنجم: اعتماد ابله به خرس (۱۹۳۲-۲۱۴۰) [۸]
	گفت‌مان ششم: حضرت محمد(ص) و صحابی بیمار (۲۱۴۱-۳۶۰۳) [۱۴]
	گفت‌مان هفتم: ابلیس و معاویه (۳۶۰۴-۲۷۹۲) [۱۴]
بلوک سوم: حق‌الیقین	بخش رابطه: هدایت نادرست و گریختن دزد (۲۷۹۳-۲۸۲۴) [۱]
	گفت‌مان هشتم: مسجد ضرار (۲۸۲۵-۳۰۲۶) [۸]
	گفت‌مان نهم: ترس، ظاهر و واقعیت (۳۰۲۷-۳۲۰۹) [۷]
	گفت‌مان دهم: ابراهیم ادم و دیگران (۳۲۱۰-۳۴۲۳) [۷]
	گفت‌مان یازدهم: درویش متهم به دزدی و دیگران (۳۰۲۴-۳۵۷۲) [۵]
	گفت‌مان دوازدهم: در دیدن واقعیت (۳۵۷۳-۳۸۱۰) [۱۲]

این اثر با تأکید بر خلاقیت مولانا و بینش باطنی او و مبانی عرفان نظری، پس از هفت‌صد سال عدم ساختار در مثنوی معنوی را که همواره مورد اتفاق اندیشمندان این حوزه بود به نقد کشید و با "رویکرد کل‌نگر به متن" و استفاده از "روش هرمنوتیکی" و "ساختار شناسی" و تطبیق دو اصل نقد ادبی "پاراللیسم" و "انعکاس متقاطع" ساختار بدیع، پیوسته و منسجم مثنوی را در قالب شانزده دیاگرام اثبات کرد.

کتاب "رمزگشایی دفتر دوم مثنوی معنوی"؛ تأویل و تبیین ساختار دفتر دوم مثنوی با رویکرد کل‌نگر است. ساختار دفتر دوم مثنوی شامل 3810 بیت، 111 بخش و 61 حکایت برای نخستین بار در تاریخ مطالعات مثنوی-شناسی مورد بررسی دقیق قرار می‌گیرد. بدین ترتیب که با تجزیه و تحلیل هر یک از 111 بخش و تعیین روایی یا موضوعی بودن بخش‌ها و تعیین پاراگراف‌ها، بخش‌های مرتبط جهت ایجاد واحدهای بزرگ تر به نام "گفت‌مان" مشخص می‌شوند.

دفتر دوم مثنوی با رویکرد ساختاری کل‌نگر؛ شامل 12 گفت‌مان بلند در سه بلوک است. در هر یک از این گفت‌مان‌ها عنصر "وحدت موضوعی" قوی است، بر خلاف دفتر اول؛ عنصر "وحدت روایی" در گفت‌مان‌های دفتر دوم کمتر است. پس از مشخص کردن واحدهای بزرگ تر (گفت‌مان‌ها)، رابطه بین بخش‌های یک گفت‌مان و ارتباط موضوعی آنها با یکدیگر مورد تجزیه و تحلیل قرار می‌گیرد که در نهایت به کشف مهم این تحقیق یعنی "کشف ساختار معنایی و پنهان دفتر دوم مثنوی معنوی" می‌انجامد.

بخش‌های هر گفت‌مان یکی پس از دیگری قرار گرفته‌اند و از یک ساختار خطی ساده پیروی نمی‌کنند، بلکه به صورت "کل نگر" و با استفاده از تکنیک‌های ساختاری "پاراللیسم"، "انعکاس متقاطع" و "سیکل هرمنوتیکی" سازمان‌دهی شده‌اند. مثنوی با رویکرد قرائت متوالی؛ فاقد نظم و متنی آشفته و نامربوط به نظر می‌رسد، اما با رویکرد قرائت کل‌نگر و توجه به ساختار و فرم؛ ساختار زیبا، بدیع و سازمان یافته حاکم در کل اثر پدیدار

لَهُوَ حَقُّ الْيَقِينِ: این همان حق و یقین است. "فَسَبِّحْ بِاسْمِ رَبِّكَ الْعَظِيمِ": پس به نام بزرگ خدای خود تسبیح گوی. "وَإِنَّهُ لَحَسْرَةٌ عَلَى الْكَافِرِينَ": "و آن واقعاً بر کافران حسرتی است". "وَإِنَّهُ لَحَقُّ الْيَقِينِ": "و این قرآن بی شبهه حقیقتی یقینی است".

خلاصه مقدمه منظوم دفتر دوم (ابیات ۱-۱۱۱)

(a) (۷-۱) تأخیر در سرایش مثنوی، به خاطر مهلتی جهت تبدیل خون به شیر بود که تنها با تولد فرزندی جدید تحقق می‌یابد. با بازگشت حسام‌الدین از معراج (عروج معنوی) جریان سرایش ابیات مثنوی بار دیگر آغاز شد. آغاز این سرایش سال ۶۶۲ هجری بود.

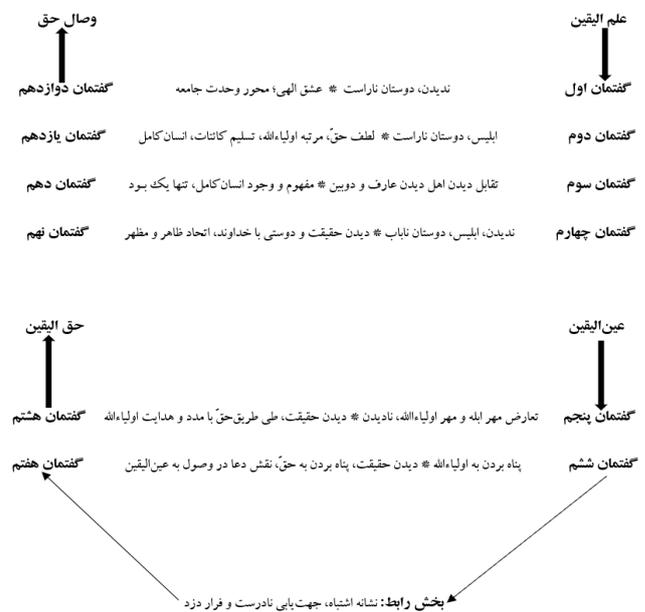
(b) (۸-۹) او به سان بلبلی از عالم صورت هجرت کرد و هم چون بازی جهت صید معانی گهربار از عالم معنا بازگشت. باشد که دروازه‌های عالم معنا همواره به روی آدمیان گشوده باشد.

(c) (۱۰-۱۴) آفت این دروازه، شهوت و هوای نفس است. این موانع، مانع درک حقایق عالم معنا توسط غافلان می‌گردند. نور جاودان و باقی با عالم مادی هم جوار است، هم چون هم‌جواری شیر و جوی خون. مراقب شیر معنوی خویش باش؛ مبادا در اثر آمیزش با خون نفسانی به خون بدل گردد.

(d) (۱۵-۱۹) آدم(ع) تنها با نهادن یک گام در مسیر هوای نفس از بهشت رانده شد و به واسطه لقمه ناچیزی نان، فرشتگان هم چون یک دیو از او گریختند. اگرچه گناه آدم(ع) به ناچیزی مویی در چشم بود، اما از آن جهت که او در حکم دیده نور قدیم (حق تعالی) بود؛ این مو به سان کوهی عظیم می‌نمود. اگر آدم(ع) مشورت می‌کرد؛ ناچار به عذرخواهی نمی‌شد.

(e) (۲۰-۲۵) یاری عقل‌ها با همدیگر مانع گفت و سخن شر می‌گردد؛ چنان‌که عقل جزوی در اثر اتحاد دو نفس از خیر و شر باز می‌ماند. چون از تنهایی نومید شوی، در سایه انسان کامل به سان خورشید می‌گردی. در جستجوی یاری الهی باش تا خدا یار تو گردد. خلوت نشینی را باید از پیر طریق آموخت که دوری از اغیار باید، نه از محبوب.

پدیاگرام ساختار متوالی و کل‌نگر دفتر دوم مثنوی معنوی

مقدمه‌ای بر دفتر دوم مثنوی معنوی مولوی

دفتر دوم مثنوی در باره "انواع و مراتب یقین" و هم‌چنین "انواع و مراتب دوستی" بحث می‌کند. از دیدگاه عرفا، "یقین" شامل سه مرتبه است: "علم-الیقین"، "عین‌الیقین" و "حق‌الیقین". سالک طی سلوک عرفانی، در مرتبه "علم‌الیقین" با استدلال عقلی "معلوم" را درمی‌یابد، در مرتبه "عین‌الیقین" مستقیماً "معلوم" را مشاهده می‌کند و در مرتبه "حق‌الیقین" به اتحاد با "معلوم" یعنی حضرت حق نائل می‌آید. "یقین" در مراتب دوم و سوم؛ حاصل مکاشفه و مشاهده معنوی است. این "یقین" که بر قلب سالک وارد می‌گردد، به "نور" توصیف می‌شود.

"امام رضا(ع) می‌فرماید: "عین‌الیقین و حق‌الیقین، فراتر از "تقوی"، "ایمان" مرتبه‌ای فراتر از "اسلام"، "تقوی" مرتبه‌ای فراتر از "ایمان" و "یقین" فراتر از تقوی است. هیچ چیز کمتر از "یقین" بین مردم تقسیم نشده است." اصطلاح "یقین" و مراتب آن از قرآن کریم اخذ شده است: "علم‌الیقین" در آیه ۵ سوره "تکواثر"، "عین‌الیقین" در آیه ۷ سوره "تکواثر" و "حق‌الیقین" در آیات ۹۵-۹۶ سوره "واقعه" و آیات ۵۰-۵۱ سوره "الحاقه" آمده است: "إِنَّ هَذَا

(i) (۶۰-۵۶) روح یار و همراه عقل است و با عالم قیل و قال هیچ سنخیتی ندارد. بار الها؛ موحدان و مشبهان، مبهوت و حیران تجلیات تواند. خداوند؛ تجلیات بی شمارت گاه مشبه را موحد و گاهی موحد را سرگشته و حیران می سازد. عارف شیفته در حال سُکر و مستی گاهی حق را محبوبی جوان با پیکری زیبا خوانده، گاه از وجود مجازی خویش رهایی یافته، با رویت جمال بی مثال حق تعالی به وصال می رسد.

(j) (۷۲-۶۱) دارندگان دیده حس، شهود حق را انکار می کنند، اما دارندگان عقل به شهود حق تعالی ایمان دارند. معتزلی اسیر دام حواس است، در حالی که اهل بینش از این دام گریخته اند. اگر آدمی هم چون حیوان تنها حواس ظاهری داشت؛ چه سان می توانست گرامی و ارجمند شده، محرم اسرار الهی گردد؟ آدمی تا از اسارت صورت و کثرت رهایی نیابد، برای حق تعالی قائل به فرم و صورت است. تنها کسانی که از سیطره حواس ظاهری رسته اند، به حقیقت رسیده اند و قادر به شهود خداوندند. بر نابینا تکلیفی نیست، تو اگر بینایی؛ سالک طریق حق باش و بر سختی ها صبوری کن که صبر کلید فلاح و رستگاری است. صبر پرده های تاریک جهل را برطرف نموده، جهل و غفلت را از دل زدوده، سینه آدمی را گشاده می دارد.

(k) (۸۳-۷۳) سالک با تطهیر آئینه دل هم نقش را می بیند، هم نقاش را؛ هم فرش را و هم گستراننده فرش را. یاری چون ابراهیم در عالم خیال به صورت بت جلوه گر می شود، گرچه بت شکن است. (سالک با خیال این یار، از هوی و هوس می گریزد). سپاس خدای را که با پدیدار شدن این یار در عالم خیال جانم صورت خیالی خویش را در آئینه وجود آن یار رویت کرد. خاک در گهت مرا به وجد آورده است. اگر لایقم؛ ریاضت های وصال را به جان می پذیرم و اگر خودبین و نالایقم؛ آن یار مرا به سُخره گرفته، بر من می خندد. چاره این است که در حال خویش بنگرم که آیا درخور مهر و لطفم یا لایق تمسخرم. خداوند زیباست و زیبایی را دوست دارد هم چنان که هر پدیده خوب، جاذب خوبی است. هر پدیده پدیده

(f) (۳۵-۲۶) همراهی عقل ها سبب افزونی نور و آشکار شدن طریق سلوک می گردد. نفس های همدم گرچه شاد و خندانند، اما بر ظلمت می افزایند و موجب نماندن صراط حق می شوند. یار دیده توست، او را میازار. مؤمنان آئینه همدیگرند، از این رو چهره یار صالح از هر آلودگی مبراست. یار آئینه روح توست و از آندوه تو آندوهگین است، با کلام ناصواب او را میازار تا از تو رخ نماند. خاک از هم نشینی بهار، روشنی می یابد و درختان در اثر همدمی با این یار و هوای لطیف بهاری، شکوفه باران می گردند، اما در خزان سر فرورده، روی نماند.

(g) (۴۶-۳۶) یار بد هم چون بلایی است که برای آسودگی از شر او باید هم چون "اصحاب کهف" به خواب رفت. خواب توأم با معرفت؛ عین بیداری است. وای بر بیداری که هم نشین جاهل گردد. در زمستان که ایام بیداری و جنبش زاغان است؛ بلبلان نمانده، خاموشی می گزینند. غیبت خورشید مرگ بیداری را به همراه دارد، لیکن آفتاب معرفت بدون غروب است و همواره از کرانه روح و عقل طلوع می کند، به ویژه خورشید انسان-کامل که همیشگی و بدون غروب است. چون به مطلع خورشید که عالم عقل و جان است در آیی؛ به هر سو رو کنی، مشرق می شود.

(h) (۵۵-۴۷) حس خفاشی تو روی به جانب مغرب دارد، لیکن حس باطنی ات روی به جانب طلوع حقیقت دارد. حواس باطنی ارزشی هم چون طلای سرخ دارند، در حالی که حواس ظاهری هم چون مس، فاقد ارزش اند. اهل معنا در بازار عالم روح هرگز مس را به جای زر نمی خرند. حواس جسمانی از تاریکی و ظلمت و حواس معنوی از آفتاب درخشان تغذیه می کنند. ای انسان کامل؛ تو حواس مادی را به عالم معنا برده، خویش را به صفات الهی آراسته ای، در حالی که آفتاب تنها یکی از صفات بی شمار الهی را داراست. تو گاه خورشید و گاهی دریا، گاه کوه قاف و گاهی سیمرخ می شوی، لیکن در ذات خویش، هیچ یک از اینها نیستی. تو برتر از اوهام و خیالات، از بیش هم بیش تری.

یافته، از این رو سرای هستی است، نه خیالات پوچ. تا به اندازه تار مویی، تصورات باطل در پیش چشم دل متصور باشد؛ در خیالت گوهر را سنگ خارا می‌بینی. با گذر از عالم خیال؛ سنگ را از گوهر باز می‌شناسی. اینک به حکایتی گوش فرا دار تا واقعیت را از خیالات بازشناسی، نه از طریق قیاسات و استدلال‌های نظری.

تجزیه و تحلیل مقدمه منظوم دفتر دوم مثنوی معنوی

مقدمه منظوم دفتر دوم مثنوی دارای ۱۱۱ بیت است که به ۱۴ پاراگراف و ۳ بخش اصلی تقسیم شده است. تعداد پاراگراف‌ها با گفتمان‌های ۶ و ۷ (هر یک با ۱۴ بخش) متناظر است و سه بخش اصلی مقدمه منظوم نیز با ساختار کلی دفتر دوم (با ۱۲ گفتمان؛ مشکل از ۳ بخش) متناظرند. ابیات ۱ تا ۹ به منزله مقدمه دیباچه و در حکم پاراگراف اول و شامل دو محور اصلی مقدمه و کل دفتر دوم است. محور اول معرفت شهودی از مراتب برجسته یقین است و محور دوم دوستی و مودت عمیق انسان‌های الهی با همدیگر است که در رابطه مولانا و حسام‌الدین تجلی می‌یابد.

ابیات ۱۰ تا ۱۹ شامل پاراگراف‌های ۳ و ۴ حاوی مباحث مربوط به دوستی با ابلیس و نفس است که عواقب وخیم آن در هبوط تاریخی و نمادین آدم از بهشت جلوه‌گر می‌شود. ابیات ۲۰ تا ۵۵ شامل پاراگراف‌های ۴ تا ۷ به مباحث مربوط به انسان کامل، ضرورت دوستی و ارتباط و تعلیم گرفتن از او و تبیین جایگاه برجسته او می‌پردازند. ابیات ۵۶ تا ۱۱۱ شامل پاراگراف‌های ۸ تا ۱۴ مباحث مربوط به دوستی با خداوند و ثمرات آن را تبیین می‌کنند. رابطه محبی و جمالی بین محبوب و عارف (اللَّهُ جَمِيلٌ وَ مُجِيبٌ الْجَمَالِ. بیت ۷۹) در پاراگراف ۱۱ (پاراگراف مرکزی بخش سوم) بیانگر نقش مرکزی چنین رابطه‌ای در مرادوه بین خداوند و عارف است. مولانا در بیت ۷۹ دفتر دوم مثنوی می‌سراید:

”او جمیل است و محبٌ للجمال کی جوانِ نو گزیند پیر زال؟“

بدین سان بخش‌های ۱ و ۳ در تقابل با یکدیگرند. بخش ۱ حکایت هبوط آدم به خاطر غفلت از خداوند و دوستی با ابلیس و بخش ۳ برعکس؛

هم‌جنس و هم‌ساز خود را جذب می‌کند. اهل باطل جاذب باطلان و اهل حق جاذب حق طلبان و حق باوران‌اند. اهل آتش جاذب دوزخیان و اهل نور و هدایت جاذب طالبان نور و هدایت‌اند.

(l) (۸۴-۹۸) با بستن چشم اندوهگین می‌شوی، زیرا نور چشم طاقت جدایی از نور روز را ندارد. اگر با چشمان گشاده نیز غمگین شوی، بدان که دلت بسته است. بی‌درنگ دلت را بگشا تا آرام و قرار یابی که دل خواهان نور بی‌قیاس حق است. فراق نور چشم دل و نور حق اندوهناک و بی‌قرارت می‌سازد؛ هم‌دمی و هم‌راهی آنها را پاس دار. در آن حال که او مرا می‌خواند؛ به خویشتن می‌نگرم که آیا در خور یارم، یا یار بر من می‌خندد؟ چه زمان می‌توانم در روی حقیقی خویش بنگرم که آیا چون روزِ روشنم، یا همانند شب تاریک و ظلمانی‌ام؟ بارها نقش روح و جانم را جستم، لیکن کسی را نیافتم که واقعیت را برای من آشکار سازد و در آئینه جان خویش مرا بنمایاند. آئینه آگاهی‌دهنده از چیستی و کیستی است، اما نمایانگر ظاهر، بیش نیست. در حالی که آئینه جان جز روی یار نیست، یاری از دیار عشق و حقیقت الهی. ای دل؛ آئینه‌ای کلی بجوی و به جانب دریا برو که از جزء کاری بر نمی‌آید.

(m) (۹۹-۱۰۲) بنده از اثر این طلب به کوی حق رسید و چون دیده حق دیده دلش گردید؛ غرقه در آن از نادیده فارغ آمد. آئینه کلی و ابدی را یافته؛ نقش خویش را در چشمان او دیدم. حقیقت خود را یافته؛ در چشمان یار طریق روشن حق را یافتم. صدایی وهمی به من گفت: این خیالی بیش نیست، این نقش؛ ذات حقیقی تو نیست. گرچه در در مقام وحدت، تو من هستی و من تو. چرا که در چشم روشنگر من حقایق بی‌زوال‌اند و خیال را به آنها راهی نیست.

(n) (۱۰۳-۱۱۱) یار گفت: اگر خیال خویش را در چشم دیگری دیدی، آن نقش را خیال و مردود بدان. آنها که هوی و هوس به دل راه می‌دهند از طریق شیطان پیروی می‌کنند و چشم آنها سرای خیال و نیستی است؛ لذا نیستی را هست می‌پندارند. چشم من از بارگاه باشکوه حق زینت

رهنمون می‌شود، به آرامش می‌رسد. سالک برای خلوت‌گزینی باید از غیر حق خلوت‌گزیند و محضر انسان کامل را دریابد که محضر خداوند است. طریق سلوک الی‌الله با نزدیکی به عقل‌های خداجو بر سالک عیان می‌گردد، اما همراهی با نفس‌های عوامانه سبب اختفای طریق سلوک می‌شود. انسان-کامل دیده معنوی سالک است، از این رو موجب رنجش او نمی‌گردد مبادا از سالک طریق معنوی روی بگرداند. "حضرت مولانا می‌فرماید: "یک نام الله تعالی مؤمن است و بنده را هم. "الْمُؤْمِنُ مِرَاتُ الْمُؤْمِنِ" گویند. یعنی "تَجَلَّى فِيهَا رَبِّهِ". الله در آینه بنده مؤمن تجلی می‌کند، اگر رؤیت الله را می‌خواهی؛ در آن مرآت درآ تا ببینی."

خاک از باد بهاری جان یافت، تو مگر کمتر از خاکی که از انوار فیض الهی بی‌بهره مانده‌ای؟ درختان در بهاران اسرار خویش را آشکار نموده، سرسبز و شاداب، جلوه‌گری می‌کنند، لیکن در خزان و ایام بادهای ناموافق روی نهان می‌دارند. از هم‌نشینی با یار بد، کمال معنوی نصیب سالک نمی‌گردد و دوری‌گزیدن از او سزااست هم‌چون اصحاب کهف که در خزان حکومت دقیانوس برای حفظ دین و آیین و عزت خویش در غاری نهان شدند، دیده بر جهان معقول بستند و حدود سه قرن به خواب رفتند. خواب عارفان که توأم با معرفت به اسرار است در حکم بیداری و هم‌نشینی با دنیاوستان عین ویرانی و تباهی است. خواب توأم با دانایی بسی برتر از نماز جاهلانه است. هم‌چون بلبان که با گردهم آیی زاغان در زمستان خاموشی می‌گزینند، حق طلبان خداجوی نیز با غلبه جاهلان و غافلان خلوت می‌گزینند. "هر جا طالب کمال حقیقی و استعداد دانش و معرفت و تمیز مابین عارف و عامی و حق و باطل وجود نداشته باشد؛ عرصه به دست شایدان ناپاک و جُهال بی‌باک می‌افتد و پاکان صاحب‌دل و رهنمایان عارف روی از خلق می‌پوشند و جهان را در تیرگی نادانی و گمراهی می‌گذارند."

اهل معرفت همان آفتاب حقیقت‌اند که روح و حقیقت آنها پس از مرگ باقی مانده، همواره از مشرق عقل و جان در تابش است به ویژه پیروی که خورشید کمال است و به عالم غیب تعلق دارد. وجود پیر در اثر همت

صعود و بازگشت به مبدأ اعلی و وصال محبوب است. بخش ۲ (بخش مرکزی) نیز به بحث در باره انسان کامل و تبیین نقش محوری و جایگاه او در رابطه انسان و خدا و بازگشت به جانب محبوب جمیل می‌پردازد.

دیگرام مقدمه منظوم دفتر دوم مثنوی معنوی

بخش اول: هبوط آدم به خاطر غفلت از خداوند و دوستی با ایلیس. (ایات ۱-۱۹) - علم‌الیقین.
بخش دوم (بخش مرکزی): انسان کامل و تبیین نقش محوری و جایگاه او در رابطه انسان و خدا و بازگشت به جانب محبوب جمیل. (ایات ۲۰-۵۵) - عین‌الیقین.
بخش سوم: صعود و بازگشت به مبدأ اعلی و وصال محبوب. (ایات ۵۶-۱۱۱) - حق‌الیقین.

تفسیر مقدمه منظوم دفتر دوم مثنوی معنوی

ادراک حقایق و الهام اسرار و معارف به اراده الهی و در موعد مقدر امکان بروز می‌یابد، چنان‌که سرایش دفتر دوم مثنوی معنوی نیز هم‌چون نزول وحی قرآنی چندی به تأخیر افتاد. سرایش مجدد مثنوی در روز رجعت حسام‌الدین از دریای استغراق به ساحل آفاق (در سال ۶۶۲ هجرت) و گشایش درهای رحمت الهی و شکفتن شکوفه‌های حقایق و معانی در باغ دل بود. او که با حال مُحب به معراج رفته بود، پس از طی مقامات و ارتقا به مرتبه ارشاد و تکمیل، به سان باز محبوب شاه جهت صید معانی بازگشت. هوای نفس و شهوت دو آفت ادراک معارف و معانی غیبی‌اند. سالک با ترک لذات جسمانی به شهود جهان معنا نائل می‌گردد. دنیا چون عالم برزخ گذراست، لیکن طریقی به دوزخ است. در برزخ دنیا علم حقیقی با مادیات هم‌جوار است. روح مادامی که در عالم تن زندانی است در معرض آلودگی خواهش‌های نفسانی قرار دارد. مثال آدم (ع) اثبات این امر است که اگر با عقل کل مشورت می‌کرد از بهشت رانده نمی‌شد.

اتحاد عقول سبب نیکویی می‌گردد، در حالی که حاصل قرابت نفوس، حیرانی و پریشانی عقل جزئی است. "علاج این بیماری در امور باطنی؛ تربیت و مصاحبت یار خدایی است. مقصود از یار خدایی؛ نهادن دست خویش در دست شیخ و همراهی با پیر روشن‌ضمیر است." سالک نومید و تنها، با خدمت و ارادت به محضر مرشد کامل که او را به رحمت الهی

ظاهر گشوده است، نشانه بسته بودن چشم دل است. چشم دل بگشا که فراق این دو نور پایدار و دائمی "علم به ذات و صفات و افعال خدا و علم متعلق به عمل" بی‌قراری می‌آورد.

چون یار مرا به جانب خویش فراخواند؛ در خویش می‌نگرم که لایقم یا نه؟ چرا که دعوت انسان کامل، دل‌های صالحان را به جانب خویش فرا می‌خواند. آن آئینه جان که زشتی و زیبایی را می‌نمایاند، جز روی یاری از عالم لاهوت نیست، گرچه ظاهراً مقیم عالم ناسوت است. "اعظم مجاهدات؛ آمیختن است با یارانی که روی به حق آورده‌اند و از این عالم اعراض کرده‌اند، که دیدن ایشان گدازش و فنای آن نفس است".

بنده در آغاز به واسطه طلب و دیگر بار برای دیدن زشتی و زیبایی روح خویش به درگاه او روی می‌آورد که انسان کامل "آئینه کلی" است که هم چون دریا "سیمای جان" را می‌نمایاند. چون رویت یقین تو (حسام-الدین) به دل رسید در حقیقتی که دید غرقه شد. تو را آئینه کلی و ازلی (حقیقت روح محمدی) دیده، با مشاهده صورت حقیقی خویش در چشم راه روشن را یافتیم. "اشارت است به شهود ذات حق در آئینه شیخ که بعد از فنای فی‌الشیخ دست می‌دهد. خود را عین تو و تو را عین خود یافتیم یعنی یک ذات را در دو تعین جلوه گر دیدم".

"آئینه دل اهل حق، حق است که از خود هیچ ندارند. وجود و کمالات وجود همه از حق است. فانی فی‌الله و باقی بالله‌اند. باید دانست که اشیاء به وجهی آئینه حق‌اند و به وجهی حق، آئینه اشیاء است". به چشمی که از حقایق الهی روشنی ابدی یافته خیال راه نمی‌یابد. لذا چون نقش حقیقت خویش را در چشم دیگری دیدی آن را خیالی بیش ندان که مشاهده نیستی‌های هست‌نما حاصل صورت‌های شیطانی است. تا آن زمان که به اندازه تار مویی از هستی موهوم در نظرت باقی است؛ گوهر حقیقت را از خیال باز نمی‌شناسی. تنها با محو هستی فانی خویش و گذر از وادی خیالات، حق را از باطل باز می‌شناسی. "ای بندگان من، خیال‌ها را (از دل خویش) پاک کنید که جایگاه و مقام من است".

معنوی، مطلع خورشید شده، وجودش کانون انوار تجلیات حق می‌گردد. حس ظاهری همانند خفاش قادر به رویت حقیقت نیست، اما حس باطنی جویای نور خورشید حقیقت است. انسان کامل محرم اسرار غیب، متعلم به اسماء الحُسنى و صفات حق تعالی و آفتاب معرفت الهی است. روح انسان-کامل به عظمت خورشید، بیکرانگی دریا و استواری و احاطه کوه قاف است که او مظهر تجلی هویت الهی است. گرچه "تو نه این باشی نه آن که ذات روح از همه تعینات منزله است. روح انسان کامل آیت کبرای حق جلّ-جلاله و مظهر اعظم اوست. انسان کامل پرتو اسماء تنزیهیه و تشبیهیه حق است".

معزله؛ اسیر حس ظاهر و منکر شهودند و خویشان را مؤمن می‌خوانند، لیکن عارفان واصل به شهود حق در هر دو سرا (این عالم و جهان آخرت) معتقدند. سالک تا از تسلط حواس و اوهام رها نگردد به حقیقت استعالی الهی دست نمی‌یابد. بر اسیر حس که از رویت حقیقت حق محروم است، تکلیفی نیست، اما چون سالکی با چشم باطن در طریق سلوک الی‌الله شکیبایی ورزد، رهایی می‌یابد که "الصَّبْرُ مِفْتَاحُ الْفَتْحِ". صبر حجاب‌های دیده دل را زدوده سینه را گشاده می‌دارد. چون آئینه دل از زنگار و سوسه-های نفسانی تطهیر گردد؛ سالک با چشم دل، نقش و نقاش (عالم صورت و حق تعالی) و فرش و فراش (عالم مثال و خداوند) را رویت می‌کند.

حضرت مولانا می‌فرماید: صورت نقش بسته از یار (حسام‌الدین) در خیالم بت، لیک در واقع بت‌شکن است که جانم خیال و جمال خویش را در آئینه خیال او دیدم. دلم فریفته خاک درگاه اوست. اگر شایسته عشق او باشم محبانه پذیرایم می‌گردد و چون مهری در وجودم نباشد به سخره‌ام گرفته بر زشتی‌ام می‌خندد. "خداوند صاحب‌جمال است و دوست دارد جمال را که دل کاملین باشد، که آئینه جمال ذی‌الجلال‌اند. در حقیقت عاشق جمال خویش است که در آن آئینه است". باطلان همدیگر و نوریان و هدایت یافتگان نیز یکدیگر را جذب می‌کنند. جدایی نور چشم و نور روز سبب اضطراب می‌گردد. البته اضطراب دل حتی زمانی که چشم

منابع تحقیق

ارجاعات:

قرآن کریم.

اکبرآبادی، ولی محمد. شرح مثنوی مولوی (مخزن الاسرار). تصحیح: نجیب مایل هروی. تهران. نشر قطره. 1384.

پارسا لاهوری، خواجه ایوب. اسرار الغیوب (شرح مثنوی معنوی). تصحیح: محمدجواد شریعت. تهران. اساطیر. 1377.

سبزواری، حاج ملا هادی. شرح اسرار. تهران. انتشارات وزارت فرهنگ و ارشاد اسلامی. 1374.

صفوی، سیدسلیمان. ساختار معنایی مثنوی معنوی. ترجمه: مهوش السادات علوی. مؤسسه میراث مکتوب. تهران. 1388.

کلینی، ابوجعفر محمد ابن یعقوب. اصول کافی. تهران. أسوه. 1380.

مولوی، جلال الدین محمد. مثنوی معنوی. انتشارات امیرکبیر. تهران. 1336.

مولوی، جلال الدین محمد. فیہ ما فیہ. ترجمه: آرتور جان آربری.

ریچموند. نشر کِرن. 2004.

همای، جلال الدین. تفسیر مثنوی مولوی. تهران. هما. 1374.

. کلینی، ابوجعفر محمد ابن یعقوب. اصول کافی. تهران. أسوه. 1380 ج 2. ص 51.

. قرآن کریم. سوره واقعه. آیه 95.

. قرآن کریم. سوره واقعه. آیه 96.

. قرآن کریم. سوره حاقه. آیه 50.

. قرآن کریم. سوره حاقه. آیه 51.

. همای، جلال-الدین. تفسیر مثنوی مولوی. تهران. هما. 1374. پیشگفتار. ص 33.

. پارسا لاهوری، خواجه ایوب. اسرار الغیوب (شرح مثنوی معنوی). تصحیح: محمدجواد شریعت. تهران. اساطیر. 1377. ج 1. ص 297.

. همای، جلال-الدین. تفسیر مثنوی مولوی. تهران. هما. 1374. پیشگفتار. ص 34.

. سبزواری، حاج ملا هادی. شرح اسرار. تهران. انتشارات وزارت فرهنگ و ارشاد اسلامی. 1374. ج 1. ص 229.

. سبزواری، حاج ملا هادی. شرح اسرار. تهران. انتشارات وزارت فرهنگ و ارشاد اسلامی. 1374. ج 1. ص 232.

. سبزواری، حاج ملا هادی. شرح اسرار. تهران. انتشارات وزارت فرهنگ و ارشاد اسلامی. 1374. ج 1. ص 232.

. مولوی، جلال-الدین-محمد. فیہ ما فیہ. ترجمه: آرتور جان آربری. ریچموند. نشر کِرن. 2004. ص 241.

INFORMATION ABOUT ATHOUR

Mahvash al-Sadat Alavi

London Academy of Iranian Studies, UK

Принята к публикации: 10.12.2019 г.

Submission Date: 2019.12.10

Alavi, Mahvash al-sadat. *Decrypting Rumi's*

London Academy of Iranian Studies *Mathnawi*.

Press. London). First Edition. 2015.

НОВЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ КОРАНА: СТРУКТУРА КОРАНА

NEW APPROACH TO UNDERSTANDING QUR'AN: UNDERSTANDING STRUCTURE OF QUR'AN

روش جدید فهم قرآن: ساختارشناسی قرآن

Сейед Салман Сафави

Лондонская академия иранистики, Великобритания

Seyed Salman Safavi

London Academy of Iranian Studies, UK

دکتر سید سلمان صفوی

آکادمی مطالعات ایرانی لندن

АННОТАЦИЯ

За последние 1300 лет большинство подходов к интерпретации Корана, предполагающих филологический, повествовательный (с опорой на хадисы), теологический, философский, мистический и социальный комментарий имеют одну общую особенность – это толкование коранического текста от стиха к стиху (последовательное толкование). Но метод последовательной интерпретации или поэтапной интерпретации не способен объяснить порядок в композиции длинных сур Корана.

В представленной статье анализируется новый метод понимания Корана: структура Корана используется для объяснения порядка и системы сур через призму синоптического подхода.

Вопрос о том, что такое текст, это филологический вопрос. Структурная методология – это философский ответ на вопрос о тексте Корана.

Благодаря структурному подходу, суры Корана и органические взаимосвязи между различными стихами суры, несмотря на кажущуюся разрозненность стихов, воспринимаются как единое целое.

Методология структуризма и синоптический подход не только способствуют живому пониманию различных вопросов, они позволяют исследователям сформировать новый и творческий подход к анализу стихов, представление, в котором учитываются общие структурные элементы, компоненты суры

ABSTRACT

Most interpretive schools of the Qur'an, such as literary, narrative (hadith), theological, philosophical, mystical and social commentary over the past 1300 years, have one thing in common: the interpretation of verse to verse (sequential interpretation). But the method of sequential interpretation or verse-to-verse interpretation is incapable of explaining the order of the system of Qur'an's long surahs.

But this article analyses the new method of understanding the Qur'an: the structure of the Qur'an to explain the order and system of Qur'anic surahs via synoptic view.

The question of what is the text, is a philosophical question. Structural methodology is a philosophical response to the text of the Qur'an.

Through the structuralist approach, a systematic understanding of the Qur'anic surahs and the organic relationship between the various verses of a surah, despite the apparent dispersion of the verses, is understood as a single whole.

In addition to assisting in the dynamic understanding of the issues, the Structuralism methodology and synoptic approach empowers researchers in shaping a new and creative approach to the verses, a view in which the generalities, components of the Surah, and the interrelationships of these components are more carefully considered.

Structural methodology is the process of cognition based on analysis and synthesis to achieve a complete and

и взаимосвязи всех этих компонентов.

Структурная методология – это процесс познания, основанный на анализе и синтезе для достижения полного и всестороннего понимания суры в едином пространстве коранического текста. Такой подход стремится к пониманию целого (системы) и его компонентов, отношений между компонентами и целым, а также отношений между целым (сура) и его контекстом – всем Священным Кораном.

Смыслы, заключающиеся в композиции суры, не только раскрывают общую логику суры, но и дополняют значения отдельных слов, кроме того они обнаруживают значения, выходящие за пределы буквального смысла слова.

На протяжении всего текста суры, благодаря обнаруженным связям между словами, айатами и их формой, также выявляются, прочитываются и получают невероятное развитие новые концепции, которые ранее не были видны.

Структурализм – это способ раскрыть литературное, основообразующее и структурное чудо Корана, потому что раскрытие структуры объясняет философию точного и мудрого упорядочения слов Корана, что является одним из аспектов чуда. Это чудо может быть рассмотрено в двух отношениях: 1. Как порядок слов в каждом предложении и изучение предложения с учетом последовательности слов в нем. 2. Как способ организации предложений и последовательность предложений рядом друг с другом в суре, то есть как микроструктура и макроструктура.

Достижение нового понимания сур Корана в свете раскрытия их структуры является наиболее важным преимуществом метода структурализма, который невозможен при последовательной или линейной интерпретации.

Несмотря на кажущуюся разрозненность и отсутствие связанности айатов в суре, скрытый порядок и сакральная структура сур раскрываются посредством методологии структурализма через их целостную интерпретацию

Ключевые слова и фразы: структурализм, интерпретация Корана, структурная интерпретация Корана, синоптический подход.

Для цитирования: Сейед Салман Сафави. Новый подход к пониманию Корана: структура Корана. *Современные востоковедческие исследования*. 2019; 1(4): 19-31

comprehensive understanding of a surah in the overall environment of the Qur'an as a single matter. This type of thinking seeks to understand the whole (the system) and its components, the relationships between the components and the whole, and the relationships between the whole (surah) and its environment, the entire Holy Quran.

In addition to discovering the whole logic of the surah, structural meanings are also added to the meaning of words, and meanings beyond the literal sense are also found. Also, through the whole text of the surah, and the connections and conjunctions of the words and verses and their form, new concepts beyond the appearance of the surah are discovered, read and interpreted in the surah, and develops tremendously.

Structuralism is a way of discovering the literal, thematic, and structural miracle of the Qur'an, because the discovery of structure explains the philosophy of the precise and wise ordering of the words of the Qur'an, which is one of the aspects of the miracle. This miracle can be examined in two respects: 1. The order of the words in each sentence and the examination of the sentence in terms of its word composition. 2. The order of the sentences and the order of the sentences next to each other in a surah called micro-structure and macro structure.

Coming to a new understanding of the Qur'anic surahs in the light of structure discovery is the most important benefit of the structuralist method which is not possible in sequential or linear interpretation.

By the structuralist method, the hidden order and the sacred organism of Surah are revealed through their holistic approach, despite their dispersed and unrelated appearance.

Key words and phrases: Structuralism, Quran Interpretation, Structural Interpretation of the Quran, Synoptic approach.

For citation: Seyed Salman Safavi. Approach to Understanding Qur'an: Understanding Structure of Qur'an. *Modern oriental studies*. 2019; 1(4): 19-31

ساختارشناسی روشی برای کشف اعجاز لفظی، موضوعی و ساختاری قرآن است، زیرا کشف ساختار، فلسفه ترتیب دقیق و حکیمانه کلمات قرآن را که یکی از وجوه اعجاز است، تبیین می‌کند. این اعجاز از دو جنبه قابل بررسی است: 1. نظم کلمات موجود در هر جمله و بررسی جمله از جنبه ترکیب الفاظ آن. 2. نظم جملات و ترتیب قرار گرفتن جملات کنار همدیگر در یک سوره که در ساختارشناسی ساختار خرد و ساختار کلان نامیده می‌شود.

وصول به فهم نوینی از سوره‌های قرآن در سایه کشف ساختار، مهم‌ترین فایده روش ساختارشناسی است که در روش تفسیر متوالی یا خطی ممکن نیست. در واقع سوره‌های بلند هم‌چون جنگل است که مفسران به خاطر غرق شدن در نگریستن به تک‌تک درختان (آیات) از دیدن پرسپکتیو کلی جنگل (سوره) باز می‌مانند.

با روش ساختارشناسی؛ نظم پنهان و ارگانیسم قدسی سوره بر خلاف ظاهر پراکنده و نامربوط آن از طریق روش قرائت غیرخطی و کل‌نگر آشکار شده، پاسخ سؤال مستشرقین ناقد به ظاهر پراکنده قرآن کریم نیز بیان می‌شود.

واژگان کلیدی: ساختارشناسی، قرآن، تفسیر قرآن، تفسیر ساختاری قرآن.

مقدمه

قرآن کلام الله است که بر محمد مصطفی (ص) وحی شده است. قرآن کریم در ساختن فرهنگ و تمدن جهانی به طور عام و تمدن اسلامی به طور خاص؛ نقش اساسی داشته است. قرآن حکیم مهم‌ترین منبع اسلام‌شناسی است. کتاب مقدس قرآن کریم مشتمل است بر مسائل اصلی مربوط به مبدأ و معاد، هستی‌شناسی، شناخت‌شناسی، جهان‌شناسی، انسان‌شناسی، معرفت عقلی و قلبی، احوالات و مأموریت‌های انبیای الهی، تیپ‌شناسی انسان بر اساس ایمان و عمل (متقین، مؤمنین، مخلصین، مجاهدین و صالحین در برابر فاسقین، کفار، مشرکین، منافقین و قاعدین)، فقه‌الجوارح، فقه‌النفس، فقه اخلاق، فقه الله اکبر، تیپ‌شناسی جوامع و نظام اقتصادی، سیاسی، اخلاقی، ایمانی و اجتماعی اسلام.

بر اساس قرآن کریم؛ فرهنگ و تمدن اسلامی طی پانزده قرن ساخته شده و همواره در ابعاد مختلف زندگی بشریت در حوزه ایمانی، اجتماعی، سیاسی، اقتصادی، هنری اخلاقی، معنوی، عقلی، علمی، روابط بین‌الملل و معادلات جهانی قدرت تأثیری شگرف داشته است.

روش جدید فهم قرآن: ساختارشناسی قرآن^۱

دکتر سید سلمان صفوی

آکادمی مطالعات ایرانی لندن

چکیده:

اکثر مکاتب تفسیری قرآن مانند تفسیر ادبی، روایی، کلامی، فلسفی، عرفانی و اجتماعی در طول ۱۴۰۰ سال گذشته یک وجه مشترک دارند که عبارت است از تفسیر آیه به آیه قرآن؛ اما روش تفسیر خطی یا تفسیر آیه به آیه عاجز است از تبیین نظم و سیستم در سوره‌های بلند قرآن. اما در این مقاله روش جدید فهم قرآن: ساختارشناسی قرآن برای تبیین نظم و سیستم سوره‌های قرآن تحلیل می‌شود.

پرسش از چیستی متن، پرسشی است فلسفی. متودلوژی ساختارشناسی پاسخی است فلسفی به چیستی متن قرآن.

با استفاده از روش ساختارشناسی؛ فهم سیستماتیک از سوره‌های قرآن کریم حاصل می‌شود که بیانگر رابطه ارگانیک بین آیات متنوع یک سوره است و یک سوره علیرغم پراکندگی ظاهری آیات، به عنوان یک کل واحد درک می‌شود.

روش ساختارشناسی علاوه بر کمک در فهم دینامیکی مسائل، محققان را در شکل‌دهی یک رویکرد نوین و خلاقانه در سیر آیات توانمند می‌سازد؛ نگرشی که در آن کلیات امور، اجزای سوره و روابط متقابل این اجزا با دقت بیشتری مورد توجه قرار می‌گیرند.

روش ساختارشناسی، فرآیند شناخت مبتنی بر تحلیل و ترکیب جهت‌دستیابی به درک کامل و جامع یک سوره در محیط کلی قرآن به عنوان امر واحد است. این نوع تفکر درصدد فهم کل (سیستم) و اجزای آن، روابط بین اجزاء و کل و روابط بین کل (سوره) با محیط آن یعنی کل قرآن کریم است.

از طریق روش ساختارشناسی علاوه بر کشف منطق کل سوره، به معنای واژه‌ها نیز اضافه شده، معانی فراتر از معنای لغوی نیز یافت می‌شود. هم‌چنین مجدداً از طریق متن کل سوره و ارتباطات و پیوستگی‌های واژه‌ها و آیات و فرم آنها مفاهیم جدیدی ورای ظاهر سوره کشف شده، خواندن و تفسیر سوره بسط و پیشرفت فوق‌العاده می‌یابد.

² Micro composition, macro composition .

¹ ارایه شده در کنفرانس مسکو، ۲۲-۲۴ سپتامبر ۲۰۱۹.

می‌شود که بیانگر رابطه ارگانیک بین آیات متنوع یک سوره است. و یک سوره علیرغم پراکندگی ظاهری آیات، به عنوان یک کل واحد درک می‌شود.

روش ساختارشناسی علاوه بر کمک در فهم دینامیکی مسائل، محققان را در شکل‌دهی یک رویکرد نوین و خلاقانه در سیر آیات، توانمند می‌سازد؛ نگرشی که در آن کلیات امور، اجزای سوره و روابط متقابل این اجزا با دقت بیشتری مورد توجه قرار می‌گیرند و منجر به فهم جدیدی از آیات و سوره‌های قرآن می‌گردد. ساختارشناسی اثبات ساحتی از اعجاز قرآن به روش مدرن و فلسفی است و پاسخی است به نقد برخی مشتشرقین غربی راجع به عدم انسجام قرآن.

عموم کتب و متخصصین علوم قرآنی نظیر «نظم الدرر فی تناسب الآیه و السور»، تألیف برهان‌الدین بقاعی، «الاتقان فی علوم القرآن» اثر جلال‌الدین سیوطی (911-849 ه.ق.)، «البرهان فی علوم القرآن» تألیف بدرالدین زرکشی (794-745 ه.ق.)، «التمهید فی علوم القرآن» تألیف محمدهادی معرفت (1386-1309 ه.ش.) متفق‌اند که تفسیر قرآن کریم به صورت واژه به واژه بدون توجه به سایر آیات قرآن ممکن نیست. متخصصین علوم قرآنی به برخی انواع پیوندها بین واژه‌های قرآنی و آیات و سوره‌های قرآنی در کتب علوم قرآنی اشاره کرده‌اند.

حداقل پیوندهای معنایی بین آیات قرآن عبارتند از: 1. پیوند واژگانی، 2. پیوند ساختاری، 3. پیوند موضوعی نظیر پیوند عموم و خصوص⁵، پیوند مطلق و مقید⁶، پیوند مجمل و مبین⁷، پیوند حقیقت و مجاز⁸، پیوند ناسخ و منسوخ⁹، پیوند اجمال و تفصیل و پیوند لف و نشر است. 4. پیوند محکم و مشابه¹⁰ و 5. پیوند سیاقی. توجه به ساختار و سیکل هرمنیوتیکی¹¹ نقش مهمی در کشف معانی پنهانی آیات قرآن دارد.

امروزه فرهنگ و تمدن قرآنی یکی از موضوعات اصلی روابط بین‌الملل، دیپلماسی و ساختار جهانی قدرت است. قرآن حکیم در این دوران؛ بیش از هر زمان دیگری زنده و پویاست و در آینده جهان و روابط بین‌الملل نقش تعیین‌کننده دارد.

قرآن به صورت ۱۱۴ سوره کوتاه متوسط و بلند، تدوین شده است. بلندترین سوره قرآن، سوره بقره است حاوی ۲۸۶ آیه و کوتاه‌ترین آن سوره کوثر است با ۳ آیه. محمد عیاشی (۳۲۰ق) در تفسیر عیاشی با اسناد خویش از جابرین عبدالله انصاری روایت کرده است: «از امام محمدباقر(ع) در موردی از تفسیر قرآن پرسش نمودم امام(ع) پاسخی دادند. بار دوم نیز سوال کردم پاسخ دیگری دادند. سپس عرض کردم: فدایتان شوم روز قبل در این مورد پاسخی غیر از پاسخ امروز فرمودید. امام(ع) فرمودند: ای جابر؛ قرآن بطنی دارد و بطن آن بطنی. ظاهری دارد و ظاهر آن نیز ظاهری. چیزی دورتر از عقول و اندیشه‌های مردمان در مورد تفسیر قرآن نیست؛ گاهی اول آیه پیرامون یک چیز و آخر آن در مورد چیز دیگر است، در حالی که یک کلام بیوسته است، اما بر وجه متعدد متصرف می‌گردد»³.

در طول هزار و چهارصد سال گذشته مکاتب مختلف تفسیر قرآن تاسیس شده است همچون تفسیر روایی، ادبی، کلامی، عرفانی، فلسفی، اجتماعی و تفسیر اجتهادی، اما وجه مشترک اکثر تفاسیر گذشته، تفسیر خطی یا آیه به آیه قرآن با تکیه بر لغت‌شناسی و معنی‌شناسی واژگان هر آیه است. اما روش تفسیر خطی عاجز است از تبیین نظم و سیستم در سوره‌های بلند قرآن (مانند بقره، آل عمران، نسا، مائده) که ظاهراً آیات آن فاقد انسجام هستند و همین موضوع اسباب اشکال برخی مستشرقین نظیر گلندزیهر⁴ و نولدکه به قرآن شده است.

اما در این مقاله روش جدید فهم قرآن، یعنی «ساختارشناسی» تبیین می‌گردد. با استفاده از روش ساختارشناسی؛ فهم سیستماتیک از سوره‌های قرآن کریم حاصل

³ تفسیر عیاشی. جلد 1. باب الناسخ و المنسوخ. ص 12.

⁴ «در میان کتاب‌های تشریحی، هیچ کتابی پیدا نمی‌شود مانند قرآن که دچار پیریشانی متن باشد.» (گلندزیهر، مذهب تفسیر اسلامی، بیروت، ۱۴۱۳، ص ۴). نولدکه، تیودور، تاریخ القرآن، بیروت، ۲۰۰۴.

⁵ بن: سیوطی، جلال‌الدین، الاتقان فی علوم القرآن، بیروت، دارالکتب العربیه، ۲۰۱۶، صص: ۵۰۷-۵۱۲.

⁶ بن: سیوطی، جلال‌الدین، الاتقان فی علوم القرآن، بیروت، دارالکتب العربیه، ۲۰۱۶، صص: ۵۴۱-۵۴۳.

⁷ بن: سیوطی، جلال‌الدین، الاتقان فی علوم القرآن، بیروت، دارالکتب العربیه، ۲۰۱۶، صص: ۵۱۳-۵۱۶.

⁸ بن: سیوطی، جلال‌الدین، الاتقان فی علوم القرآن، بیروت، دارالکتب العربیه، ۲۰۱۶، صص: ۵۵۱-۵۶۳.

⁹ بن: سیوطی، جلال‌الدین، الاتقان فی علوم القرآن، بیروت، دارالکتب العربیه، ۲۰۱۶، صص: ۵۱۷-۵۳۲.

¹⁰ بن: سیوطی، جلال‌الدین، الاتقان فی علوم القرآن، بیروت، دارالکتب العربیه، ۲۰۱۶، صص: ۴۷۵-۵۰۰.

¹¹ ارجاع جزء به کل و ارجاع کل به جزء.

حاصل مناسبات خاص درونی بین اجزای مختلف آن ساختار است؛ معانی جدیدی و برای ظاهر متن پدید می آید و معنای نهان، آشکار می گردد.

بر اساس اصول ساختارشناسی؛ مناسبات، تفاوتها و تقابل های اجزای متن به نشانه های متفاوت شکل و معنی می بخشد و با مرتبط ساختن مجموعه ای از عناصر صوری یا یکدیگر؛ امکان ساخته شدن عباراتی با معانی نوین از راه هم نشینی عناصر گوناگون فراهم می گردد. با تعمق و تدبیر در روابط پاراگرافها و بخش های مختلف یک اثر می توان به محتوای اصلی یک داستان یا کل اثر پی برد. ساختارشناسی به طرح ابیات و پدیدارها فراتر از جنبه های ظاهری آنها می پردازد و آشکار می سازد که طرح یک عنصر (آیه، پاراگراف، بخش و حکایت) در رابطه آن با سایر عناصر است. کلیه این روابط که سازنده یک ساختار یا سیستم نهایی است؛ به کشف محتوای اصلی نهان اثر کمک می کند. در این روش رابطه بین دال و مدلول به تنهایی از اهمیت خاصی برخوردار نیست؛ بدین معنا که صرف این پندار که برای مثال کلمه «الله» در سوره فاتحه الکتاب اسم جامع الهی و «رحمان» و «رحیم» اسماء الحسنى و بیانگر رحمت عام و خاص الهی اند، اهمیتی ندارد، بلکه کیفیت و چگونگی رابطه یک دال با دال دیگر دارای اهمیت است. هیچ دالی به دال خودش ارجاع نمی شود، بلکه در زنجیره دالها جای می گیرد. دال در این زنجیره معنا می یابد. دلالتها نیز باید در همین پیوستگی دالها به شمار آیند.

موضوع اصلی همواره در ظاهر اثر نهان است. تفسیر تک تک آیات به معنای راهیابی به مفهوم کل سوره، داستان یا اثر نیست. رشته ارتباط دالها با یکدیگر از طریق فرم، ساختار، تاویل و ارجاع جزء به کل و کل به جزء کشف می شود.

البته ما به آن معنا که در فضای فرهنگی روسیه یا فرانسه پس از جنگ جهانی دوم مطرح شد، فرمالیست یا ساختارگرا نیستیم. بدین معنا که به دیدگاه های ساختارگرایان¹⁶ معروف نظیر «میخائیل باختین» و «لویی اشتراوس» متعهد مطلق نیستیم و یا پیرو مطلق «بوریس آخن باوم» و «رومن یاکوبسن» (فرمالیست های

در «تفسیر ساختاری قرآن» روش ساختارشناسی مدرن، و تکنیک «دور هرمنیوتیکی»¹² برای کشف حقایق حقایق و لایه های پنهان سوره های قرآن به کار گرفته شده است. هدف ما در ساختارشناسی هرمنیوتیک قرآنی نزدیک شدن به فهم نیت و قصد مولف (خدا خالق کلام الله مجید) است.

سلمان صفوی روش ساختارشناسی را بار اول برای کشف ساختار مثنوی معنوی مولوی بکار گرفت که به نتایج خیره کننده ای رسید و در سال ۲۰۰۳ منتشر گردید¹³، پس از آن مشغول ساختارشناسی قرآن شده است و تاکنون ساختار همه ۱۱۴ سوره قرآن را کشف کرده است و به صورت ۱۱۴ مقاله در «دانشنامه معاصر قرآن کریم»¹⁴ منتشر شده است، همچنین کتاب «تفسیر ساختاری سوره حمد»¹⁵ مستقلاً چاپ شده است و کتب ساختارشناسی سوره بقره نیز در سال ۲۰۲۰ منتشر می گردد.

اصول ساختار و تاویل در متون کلاسیک:

ساختار (Structure) به معنای چارچوب تعیین کننده مناسبات درون عناصر یا اجزای یک سوره، یا متن است که به مفهوم «هم خوانی ارگانیک بین اجزای اثر» باز می گردد. ساختار شبیه نقشه یک ساختمان است. مثلاً با عدم اطلاع از چگونگی نقشه مترو در کلان شهرهایی نظیر مسکو، پاریس، لندن و نمی توان از شبکه مترو استفاده کرد و به مقصد رسید، زیرا نه راه ورود را می دانید، نه راه خروج را. کشف ساختار متن به معنای یافتن نقشه متن (شبه نقشه یک بنا) است. نقطه ورود به یک بنا و دریافت چگونگی وضعیت قسمت های مختلف بنا نسبت به همدیگر، صرفاً با آگاهی از نقشه آن بنا امکان پذیر است. کشف نقشه متن نیز کاری مشکل است. اهمیت فهم ساختار در جهت فهم متن، رویکردی فلسفی به متن است. برای فهم عمیق یک متن؛ روش متعارف یا علی بررسی تک تک آیات، ابیات یا پدیدارها مکفی نیست. تفسیر متن باید بر اساس تحلیل مجموعه مناسبات بین اجزای ساختار یک متن صورت گیرد. از خُرده ساختارهای یک کل که خود،

¹⁴ صفوی، سلمان، دانشنامه معاصر قرآن کریم، قم، انتشارات سلمان آزاد، ۱۳۹۶.

¹⁵ صفوی، سلمان، تفسیر ساختاری سوره حمد، قم، انتشارات سلمان آزاد، ۱۳۹۷.

¹⁶ See: Harland, Richard, Literary Theory From Plato to Barthes, New York, Palgrave, 1999; Russian Formalism, pp:146-155. French Structuralism, pp: 219-237. And also: Culler, Jonathan, Literary Theory, Oxford, Oxford University Press, 2011: (Structuralism)Pp: 137- 139.

¹² . See: Bruns, Gerald, Hermeneutics Ancient & Modern, Yale University Press, 1992. And see also: Forster, Michael N. and Kristin Gjesdal, The Cambridge Companion to Hermeneutics (Cambridge Companions to Philosophy), Cambridge, Cambridge University Press, 2019.

¹³ صفوی، سلمان، ساختار معنایی مثنوی، معنوی، ترجمه مهوش علوی، تهران، میراث مکتوب، ۱۳۸۸.

کل به هنگام خواندن متن است، زیرا واژه آگاهانه معادل لاتین کل نگر یونانی است، اگر چه رویکرد متوالی رایج است. بدین ترتیب توجه بین توالی آشکارسازی مطالب نوین از یک سو و بسط زمینه‌های ساختار، طرح و یا بحث از سوی دیگر تقسیم می‌شود. هر عنصر نوین ویژگی خاص خود را داراست که هنگام پیوستن به زمینه بسط تر، آن ویژگی را به خاطر عنصر بعدی از دست می‌دهد، گر چه در برخی آثار کلاسیک اهمیت خاص و گاه منطق خود اثر در ساختار کلان جلوه گر شده است، بدین معنا که این گونه آثار به عنوان کل‌های اساسی؛ سازمان‌یافته‌اند و به روش کل نگر طراحی و سروده شده‌اند. این سازمان‌دهی به طور معمول در سطح بالاتر متوالی نیست و از انواع ارتباطات غیرمستقیم استفاده می‌کند، از این رو چنین اثری باید با رویکرد کل نگر مطالعه شود. مطالعات اخیر آشکار ساخته که این طرح بسیار رایج‌تر از آن بوده که این زمان مورد تردید واقع شود.^{۱۸}

ارتباط غیرخطی بین دو قسمت متن در ژانر مذکور «پاراللیسم» خوانده می‌شود. «این اصطلاح اولین بار در قرن هجدهم استفاده شد و اینک تقریباً به عنوان شاخصه ادبیات جهان در نظر گرفته می‌شود.»^{۱۹} پاراللیسم یک نظریه ادبی نیست، بلکه استفاده ادبی از ارتباطات است. شیوه‌های بسیاری برای ارتباط عناصر ادبی نظیر آواشناسی، واژه‌شناسی، معانی و بیان و ارتباط موضوعی با یکدیگر وجود دارد. زمینه استفاده از این طرح بسیار گسترده است. پاراللیسم موضوعی «قافیه فکر»^{۲۰} نیز خوانده می‌شود.

Ringkomposition bei Herodot (= Squadasmata 25 Hildesheim, 1971 -- Katicic, R., "Die Ringkomposition im ersten Buche des thukydeischen Geschichtswerkes", Wiener Studien 70, 1957 - - Tatum, J., Xenophon's Imperial Fiction, Princeton University Press, Pinceton. 1985 -- Craven, T., Artistry and Faith in the Book of Judith, Society of Biblical Litreture Dissertation Series 70, Chico, California, 1983 -- Damon, P., "The Middle of things: Narrative Patterns in The Iliad, Roland and Beowulf", in Niles, J. D., (ed) Old English Litre Context, Cambridge University Press, 1980 -- McMahon, R., Augustine's Prayerful Acent, University of Georgia Press, Athens and London, 1989 -- Weightman, S.C.R., "symbolism and Symmetry: Shaykh Manjhan,s Madhumalaty Revisited" in Lewisohn and Morgan (eds) The Heritagw of Sufism, Vol III, One world, Oxford, 1999 -- Duckworth, G.G., Structure Patterns and proportions in Virgil's Aeneid: A Study in Mathematical Composition, University of Michjgan Press, Ann Arbor, 1962.

¹⁹. See: Fox, J.J., "Roman Jakobson and the Comparative Study of Parallelism", in Roman Jakobson: Echoes of this Scholarship, Peter de Ridder Press, Lisse, 1977 pp. 59-90.

²⁰. See: Anderson, G.W., "Characteristics of Hebrew Poetry" in the New Oxford Annotated Bible with the Apocrypha, Oxford University Press, Oxford, 1977 pp. 1523-1528.

روس) نیز نیستیم، بلکه بر خلاف فرمالیست‌ها و ساختارگرایان می‌خواهیم از صورت یا فرم به محتوا برسیم. آنچه برای ما اهمیت دارد؛ محتواست نه فرم. البته معتقدیم برای فهم محتوا باید فرم را کشف نمود و از طریق گفتگو بین فرم و محتوا، معنای باطنی اثر را دریافت.

این روش ساختارشناسی مبتنی بر رویکرد کل نگر (Synoptic) است؛ نه رویکرد خواندن متوالی یا آیه به آیه (Sequential). این روش هم‌چنین بر اساس پاراللیسم (Parallelism)، انعکاس متقاطع (Chiasmus) و سیکل هرمنیوتیکی (Hermeneutic Circle) یا ارجاع جزء به کل و کل به جزء است. بر اساس این روش؛ تفسیر و رویکرد آیه به آیه مفید است اما کافی نیست، زیرا با تفسیر آیه به آیه؛ غرض و هدف کل سوره معلوم نمی‌شود.

کشف ساختار قرآن رویکردی فلسفی به چستی متن قرآن با روش مدرن ساختارشناسی است.

رویکرد کل نگر (Synoptic) و دو اصل ساختاری پاراللیسم (Parallelism)

و انعکاس متقاطع (Chiasmus)

واژه کل نگر (Synoptic)^{۱۷}، ریشه در زبان یونانی دارد و به معنای «با هم دیدن» و «به صورت یک کل دیدن» است. رویکرد کل نگر به معنای آگاهی از ساختار

¹⁷ "Synoptic", from the Greek, means seeing together, seeing as a whole. To read synoptically is to be aware of the organisation of the whole as one reads. It is to read consciously, since 'consciously' is the Latin equivalent of the Greek 'synoptically'. The familiar way of reading is sequential: the attention is split between the unfolding sequence of new material, on the one hand, and the larger developing contexts of structure, plot or argument on the other. Each new discrete element successively encountered is briefly allowed its own self-identity before surrendering it as the element itself become part of the enlarged context for the next element. In a number of pre-modern works, however, additional and particular significance, sometimes the rationale of the work itself, was embodied in the macro-compositional structure, which is, they were designed and composed synoptically, as organic, organised wholes. This higher organisation is not usually sequential; it makes use of various types of non-linear relatedness, and it requires a synoptic reading. Recent studies have begun to reveal that works so designed were far more common than had hitherto been suspected.

¹⁸. برای نمونه، نک:

Stanely, K, The Shield of Homer; Narrative Structure in the Iliad, Princeton University Press, Princeton, 1993 -- Beck, I., Die

صبحی صالح در «مباحث فی علوم القرآن»، مناع القطان در «مباحث فی علوم القرآن»، مصطفی مسلم در «مباحث فی تفسیر الموضوعی»، آیت الله معرفت در «التمهید فی علوم القرآن» و سعید حوی در «الاساس فی التفسیر»، بی آزار شیرازی در «تفسیر کاشف» و خامه گرد در «تفسیر ساختاری قرآن»، نیل رابینسون در «Discovering Qur'an» و ریموند فرین در «Structure and Qur'anic Interpretation».

قواعد مهم پیش نیاز ساختارشناسی قرآن کریم:

تهذیب نفس، انس با قرآن کریم، مطالعه کامل قرآن حداقل چهل مرتبه و آشنایی با انواع روش های تفسیر کلاسیک قرآن اعم از روش های ادبی، روایی، فلسفی، عرفانی، اجتهادی، اجتماعی، تفسیر قرآن به قرآن و علم اجمالی به علوم قرآنی از ضروریات ورود به مبحث ساختارشناسی قرآن کریم است.

قواعد و اصول پیش نیاز جهت ساختارشناسی قرآن کریم عبارتند از: وجوه و نظایر، قواعد مربوط به ضمائر^{۲۲}، قاعده در تعریف و تکثیر^{۲۳}، قاعده در افراد و جمع^{۲۴}، ترادف مانند خوف و خشیت، سبیل و طریق، عمل و فعل، تمام و کمال^{۲۵}، قاعده رابطه سؤال و جواب^{۲۶}، قاعده در خطاب بنام و خطاب به فعل^{۲۷}، قاعده در مصدر^{۲۸}، قاعده در عطف^{۲۹}، محکم و متشابه، مقدمه و موخره، مجمل و مبین، ناسخ و منسوخ، مطلق و مقید، منطوق و مفهوم، وجوه مخاطبه، حقیقت و مجاز، تشبیه و استعاره، کنایات و تعریضات، حصر و اختصاص، ایجاز و اطناب، خبر و انشاء و فواتح و خواتم سوره ها. بدایع قرآن^{۳۰} نظیر: مجاز، استعاره، تشبیه، کنایه، ارداف، تمثیل، ایجاز، اتساع، اشاره، مساوات، بسط، ایغال، تسمیم، تکمیل، احتراص، استقصا، تذلیل، تردید، تکرار، تفسیر، ایضاح، مناقضه، تمکین، توشیح، تسهیم، تصدیر، توریه، استخدام، التفات، اطراد، انسجام، ادماج، افتتان، استدراک، استثناء، تفویف، تقسیم، تدبیح، تنکیت، تجرید، تعدید، ترتیب، تضمین، جناس، حسن النسق، عکس، عنوان، فرائد، قسم، لف و نشر، مشاکله، مزاجه، مبالغه، مطابقه، مراجعه، نزاهت، ابداع، حسن ابتداء، حسن ختام، حسن تخلص، استطراد، ایهام، انسجام و تناسب آیات و سوره^{۳۱}. آشنایی با روش های ساختارشناسی، سمیوتیک، نشانه شناسی، هرمنیوتیک، پدیدارشناسی، فلسفه زبان و کلام جدید برای ارائه فهم

«انعکاس متقاطع» به معنای تکرار زنجیره در جهت مخالف است. به طور مثال A, A*, B, C, C*, B*, A* سه حرف انتهایی، تصویر معکوس سه حرف اول، اما معمولاً در سطحی بالاتر است. این زنجیره معنایی به صورت A, B, C, D, C*, A*, B* است. هر گاه تعداد آیات و یا عناصر موجود در زنجیره به صورت فرد باشد، این ترتیب برقرار می شود. اصل بر این است که عنصر میانی در بر دارنده پیام واقعی درونی کل است. پیام مرکزی توسط عناصر انعکاس متقاطع و پارالل طراحی و پشتیبانی می شود.^{۲۱}

برای فهم تصویر و هندسه باطنی سوره با رویکرد کل نگر و روش ساختارشناسی، در وهله اول آیات پاراگراف بندی شده اند و سپس آیات و پاراگراف های هم سیاق و دارای وحدت موضوعی یا حکایتی به صورت یک بخش معین می کردند و سپس روابط بین بخشهای سوره به صورت خطی، متقارن و حلقوی تبیین میشود. مبحث تناسب آیات به عنوان پیش نیاز ساختارشناسی مدرن، به صورت پراکنده در بسیاری از تفاسیر و کتب علوم قرآنی مورد بحث قرار گرفته است. نخستین کسی که در مورد وجه تناسب آیات به ظاهر غیر مرتبط و نیز مناسبت بین سوره های قرآن کریم به بررسی جدی پرداخت، ابوبکر نیشابوری (قرن پنجم ه.ق.) بود. پس از او برهان الدین ابراهیم بن عمر بقاعی (قرن نهم ه.ق.) کتاب «نعم الرحمن فی تناسب آیات القرآن» را تألیف نمود و سپس خلاصه آن را تحت عنوان «دلاله البرهان القویم علی تناسب آیات القرآن العظیم» و پس از آن با عنوان «نظم الدرر فی تناسب الآیات و السور» ارائه کرد. پس از بقاعی، سیوطی کتاب های «تناسق الدرر فی تناسب السور» و «مراصد المطالع فی تناسب المقاصد و المطالع» را تألیف نمود. سیوطی در «الاتقان فی علوم القرآن» که یکی از مشهورترین کتب علوم قرآنی است، فصل بزرگی را به دانش مناسبات آیات قرآن اختصاص داده است.

در دوره معاصر نیز برخی از مفسرین این روش را پی گرفتند از جمله: آلوسی در «روح المعانی»، سید قطب در «فی ظلال القرآن» و «التصویر الفنی فی القرآن»، علامه طباطبایی در تفسیر «المیزان»، حجازی در «التفسیر الواضح و الوحده الموضوعیه»، شلتوت در «تفسیر القرآن الکریم» و «الی القرآن الکریم»، مراغی در «تفسیر المراغی»، زحیلی در «التفسیر المنیر»، عبدالعلی بازرگان در «نظم قرآن»،

27. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. ص ۴۷۰.
28. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. ص ۴۷۲.
29. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. ص ۴۷۲.
30. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. صص ۶۶۴-۶۷۱.
31. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. ص 695.

21. صفوی، سید سلیمان. ساختار معنایی مثنوی معنوی. صص ۳۷-۳۸ / ۴۳-۴۷.
22. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. ص ۴۴۸.
23. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. ص ۴۵۴.
24. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. ص ۴۵۹.
25. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. صص ۴۶۳-۴۶۶.
26. سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. ص ۴۶۶.

ورای ظاهر سوره کشف شده، خواندن و تفسیر سوره بسط و پیشرفت فوق العاده می یابد.

کشف ارتباط موارد غیر مرتبط:

در شیوه ساختارشناسی؛ با طرح دو نوع ارتباط خطی با توالی حلقه ای (نه عمودی به شیوه مشهور) و ارتباط غیرخطی از طریق پاراللیسم و انعکاس مقاطع، موارد غیر مرتبط به آیات یک سوره نیز با همدیگر ارتباط یافته، معنا می یابند.

فلسفه تکرارها و گسیختگی آیات:

در روش ساختارشناسی با توسل به دو نوع ارتباط خطی و غیر خطی فوق، فلسفه تکرارهای فراوان و گسیختگی ظاهری آیات آشکار می شود. گاهی موضوع باید متوقف شود تا در بخش دیگر سوره یا قرآن گسترش یابد، یا تفصیل توضیحی یابد. گاه تکرار حاکی از معانی و ابعاد جدید یک موضوع یا مفهوم است. تکرار واژه ها یا آیات برای تأکید، تعظیم، تکریم و توضیح است که در رویکرد کل نگر ساختاری نمایان می شود.

اعجاز قرآن کریم:

ساختارشناسی روشی برای کشف اعجاز لفظی، موضوعی و ساختاری قرآن است، زیرا کشف ساختار فلسفه ترتیب دقیق و حکیمانه کلمات قرآن را که یکی از وجوه اعجاز است، تبیین می کند. این اعجاز از دو جنبه قابل بررسی است: 1. نظم کلمات موجود در هر جمله و بررسی جمله از جنبه ترکیب الفاظ آن. 2. نظم جملات و ترتیب قرار گرفتن جملات کنار همدیگر در یک سوره که در ساختارشناسی ساختار خرد و ساختار کلان نامیده می شود (میکرو کامپوزیشن و ماکرو کامپوزیشن)، البته کشف ساختار کلی سوره بسیار مشکل تر از دریافت ساختار خرد کلمات و آیات است.

تبیین فلسفه تکرار قصص قرآن کریم:

تبیین اسرار قصص تکراری قرآن از اثرات دیگر روش ساختارشناسی است. برخی از داستان های قرآن به ویژه داستان موسی (ع)، فرعون و قوم بنی اسرائیل بارها در

عصری از قرآن کریم با تکیه بر ترکیب روش های کلاسیک و مدرن ضروری و سازنده است.

فواید ساختارشناسی:

فهم سیستماتیک سوره:

بررسی و تحقیق پیرامون قرآن کریم با رویکرد قرائت و تفسیر خطی به این امر منتج می شود که اکثر سوره های قرآن مشتمل بر آیات و داستان های به ظاهر نامربوط اند، اما با استفاده از روش ساختارشناسی؛ فهم سیستماتیک از سوره های قرآن کریم حاصل می شود که بیانگر رابطه ارگانیک بین آیات متنوع یک سوره است و یک سوره علیرغم پراکندگی ظاهری آیات، به عنوان یک کل واحد درک می شود. تفکر سیستماتیک علاوه بر کمک در فهم دینامیکی مسائل، محققان را در شکل دهی یک رویکرد نوین و خلاقانه در سیر آیات توانمند می سازد؛ نگرشی که در آن کلیات امور، اجزای سوره و روابط متقابل این اجزا با دقت بیشتری مورد توجه قرار می گیرند.

فهم سیستماتیک، فرآیند شناخت مبتنی بر تحلیل و ترکیب جهت دستیابی به درک کامل و جامع یک سوره در محیط کلی قرآن به عنوان امر واحد است. این نوع تفکر درصدد فهم کل (سیستم) و اجزای آن، روابط بین اجزاء و کل و روابط بین کل (سوره) با محیط آن یعنی کل قرآن کریم است. در نهایت تفکر سیستماتیک ساختاری اصطلاحات خاص خود را دارد که به کمک آن به شرح مسائل دینامیکی می پردازد. اصطلاحاتی نظیر پاراللیسم، میکرو کامپوزیشن³²، ماکرو کامپوزیشن³³، روابط حلقوی³⁴، سیر نزول و صعود، تکامل، تقابل، تقارن لفظی و تقارن معنوی، توضیح، «اجمال و تفصیل»، «عام و خاص»، «مطلق و مقید»، تناسب آیات.³⁵

کشف منطق کل سوره:

از طریق روش ساختارشناسی علاوه بر کشف منطق کل سوره، به معنای واژه ها نیز اضافه شده، معانی فراتر از معنای لغوی نیز یافت می شود. هم چنین مجدداً از طریق متن کل سوره و ارتباطات و پیوستگی های واژه ها و آیات و فرم آنها مفاهیم جدی

³⁴ Ring composition.

³⁵ برای اصطلاحات مربوط به علم تناسب آیات نگاه کنید به سیوطی، جلال الدین. «الاتقان فی علوم القرآن». «النوع الثانی و الستون فی مناسبه الايات و السور». دارالکتب

العربیة، بیروت، ۲۰۱۶. صص ۶۹۵-۶۹۹.

³² Micro composition.

³³ Macro composition.

با روش ساختارشناسی؛ نظم پنهان و ارگانیک قدسی سوره بر خلاف ظاهر پراکنده و نامربوط آن از طریق روش قرائت غیرخطی و کل نگر آشکار شده، پاسخ سؤال مستشرقین ناقد به ظاهر پراکنده قرآن کریم نیز بیان می شود.

کاهش مشکلات تفسیری:

ساختارشناسی به مثابه «کشف محجوب» یا «کشف حقایق پنهان» یک سوره است؛ به ویژه در مورد آیاتی که ظاهراً با آیات ماقبل هیچ ارتباطی ندارند و برخی مفسران به دلیل کم توجهی به این علم در مورد آنها حیرت کرده اند. کشف معانی جدید نیز در سایه نظم نهان سوره صورت می گیرد.

فواتح و خوانم سوره ها:

با روش ساختارشناسی؛ ارتباط بین افتتاح و اختتام هر سوره به وضوح تحلیل و تعلیل می شود. نظیر افتتاح سوره مؤمنون: «قَدْ أَفْلَحَ الْمُؤْمِنُونَ» (سوره مؤمنون: آیه 1) و اختتام سوره: «إِنَّهُ لَا يَفْلِحُ الْكَافِرُونَ» (سوره مؤمنون: آیه 118) که به قاعده «تعرف الأشياء باضدادها» یا «بضدها تبين الأشياء» اشارت دارد.

کشف منطوق و مفهوم:

بحث منطوق و مفهوم از مباحث مهم علوم قرآنی و علم اصول فقه است. با روش ساختارشناسی این موضوع مهم که آثار بسیاری در فقه و کلام دارد بهتر کشف می شود. مفهوم و منطوق از مباحث مربوط به دلالت الفاظ است. «منطوق» معنایی است که مستقیماً از کلام فهم می شود، موضوع آن در جمله ذکر شده و «مفهوم» معنایی است که در کلام بیان نشده، اما با توجه به ساختمان ترکیبی آن فهم می شود و موضوع آن نیز در جمله ذکر نشده است. مفهوم به دو قسم «مفهوم موافق» و «مفهوم مخالف» تقسیم می شود. مفهوم به معنای چیزی است که مقابل منطوق باشد. در اصطلاح علم اصول می گویند: آیا فلان جمله دارای مفهوم است یا نه؟ که این معنی از مفهوم مراد است.

سیوطی در «الاتقان فی علوم القرآن» در نوع پنجاهم با عنوان «در مفهوم و منطوق قرآن» در مورد اقسام منطوق گوید: اگر فقط یک معنی محتمل باشد و بر غیر آن منطبق نگردد؛ «نص» نامیده می شود مانند: «فَصِيَامُ ثَلَاثَةِ أَيَّامٍ فِي الْحَجِّ وَ سَبْعَةَ إِذَا رَجَعْتُمْ تِلْكَ عَشْرَةٌ كَامِلَةٌ»: پس روزه سه روز در حج و هفت روز در بازگشت است هر گاه بازگشتید آن ده روز کامل است. اگر معنی دیگری نیز به طور مرجوح محتمل باشد آن را «ظاهر» گویند مانند: «فَمَنْ أَضْطَرَّ غَيْرَ بَاغٍ وَلَا عَادٍ»، زیرا باغی بر

سوره های متعدد قرآن تکرار شده، اما برخی محققین متوجه معنای جدید این حکایت در هر تکرار مجدد در سوره جدید نشده اند، زیرا این امر با روش قرائت و تفسیر خطی قرآن قابل توجه نیست. در صورتی که بر اساس روش ساختارشناسی؛ این داستان در سوره جدید دارای معنایی متفاوت از معنای قبل در سوره های دیگر است. داستان در سوره جدید با الفاظ جدید یا همانند تکرار می شود تا مستندی بر مطالب همین سوره باشد و هر چند اصل رویداد یکسان است، اما ابعاد مختلف آن از زاویه های متفاوت تبیین می شود.

تبیین فلسفه حکایت و قاعده و اصول تعلیمی:

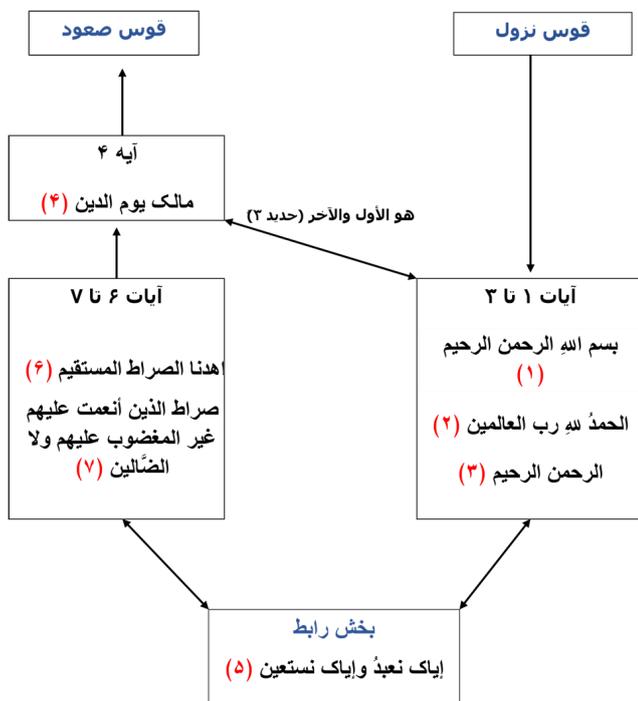
یکی از مختصات قرآن کریم آمیختگی سوره های قرآن با آیات تعلیمی و داستانی، نظری و عملی، امور متافیزیکی و مادی، فردی و اجتماعی است. این آشفته گی ظاهری به ویژه در قرآن اسباب سر درگمی خواننده می شود و فلسفه تنظیم آیات بدین ترتیب در کنار همدیگر به سهولت آشکار نمی شود، اما با روش ساختارشناسی؛ با تکیه بر بخش بندی و بلوک بندی در هر سوره، فلسفه نظم و تناسب و ارتباط آیات از طریق پاراللیسم، انعکاس متقاطع و سیکل هرمیو تیکی با روش کل نگر تبیین می شود که به طور مثال این سوره در صدد بیان یک قاعده کلی است و طرح این حکایت به منظور حمایت عینی از قاعده کلی با تجربه عینی در بستر تاریخی است، یا با انواع پارالل تکمیلی، توصیفی، توضیحی و متناقض؛ روابط آیات و داستان های به ظاهر پراکنده و نامربوط به ویژه در مورد سوره های بلند نظیر «بقره»، «آل عمران»، «نساء»، «مائده»، «اعراف»، «أنفال»، «توبه»، «یونس»، «هود»، «یوسف» و «رعد» آشکار و یا حکم جدید استنتاج می شود. موارد فوق در کتاب «تفسیر ساختاری قرآن» که ساختار همه سوره های قرآن کریم پس از کشف مشخص شده، به طرز فنی و موشکافانه تبیین شده است.

فهم جدید از سوره و قرآن کریم:

«وصول به فهم نوینی از سوره های قرآن در سایه کشف ساختار» مهم ترین فایده روش ساختارشناسی است که در روش تفسیر متوالی یا خطی ممکن نیست. در واقع سوره های بلند هم چون جنگل است که مفسران به خاطر غرق شدن در نگریستن به تک تک درختان (آیات) از دیدن پرسپکتیو کلی جنگل (سوره) باز می مانند.

کشف نظم پنهان سوره:

نمودار قوس نزول و صعود

نمودار ساختار کلی سوره حمد

جاهل و ظالم (هر دو) اطلاق می شود، اما در معنی دوم اظهر و اغلب است.^{۳۶} مفهوم را نیز به دو قسم «مفهوم موافق» و «مفهوم مخالف» تقسیم کرده اند. موافق منطوق را به دو قسم «فحوای خطاب» و «لحن خطاب» تقسیم کرده اند. مفهوم مخالف را نیز به چهار نوع تقسیم کرده اند: «مفهوم صفت»، «مفهوم شرط»، «مفهوم غایت» و «مفهوم حصر». احتجاج این مفاهیم محل اختلاف مفسرین و علمای علم اصول فقه است.^{۳۷} اکثر اصولیون شیعه معتقدند جمله شرطیه مفهوم دارد و مهم ترین دلیل آنها نیز «تبادر» است.

بدرالدین بقاعی و جلال الدین سیوطی از پیشگامان اهمیت دادن به مناسبات آیات و رای روش خطی و واژه به واژه در فرهنگ علوم قرآن و تفسیر قرآن به شمار می روند. سیوطی در «تناسق الدرر و التناسب السور» علاوه بر بحث های کلی در باره روابط و مناسبات کلی آیات با یکدیگر، پیام کلی سوره ها را با «رویکرد کل-نگر» بیان کرده است.

کشف رابطه ساختار، صدا و معنی:

بالانس، هارمونی و انسجام سوره از طریق توجه هم زمان به ساختار، صدا و ریتم کلمات و معنی سوره آشکار می شود. پروفیسور آرتور آربری و پروفیسور نیل رابینسون در این مورد تحقیقات قابل توجهی دارند. رابینسون سوره های ۷۸، ۱۰۳ و ۱۰۴ قرآن کریم را در رابطه با این موضوع تحلیل کرده است.^{۳۸} البته هارمونی بین ریتم و ساختار و معنی در متن عربی قرآن کریم بهتر از ترجمه قرآن به زبان های دیگر آشکار می شود.

دیاگرام های سوره حمد:

دیاگرام ۱: قوس نزول و صعود

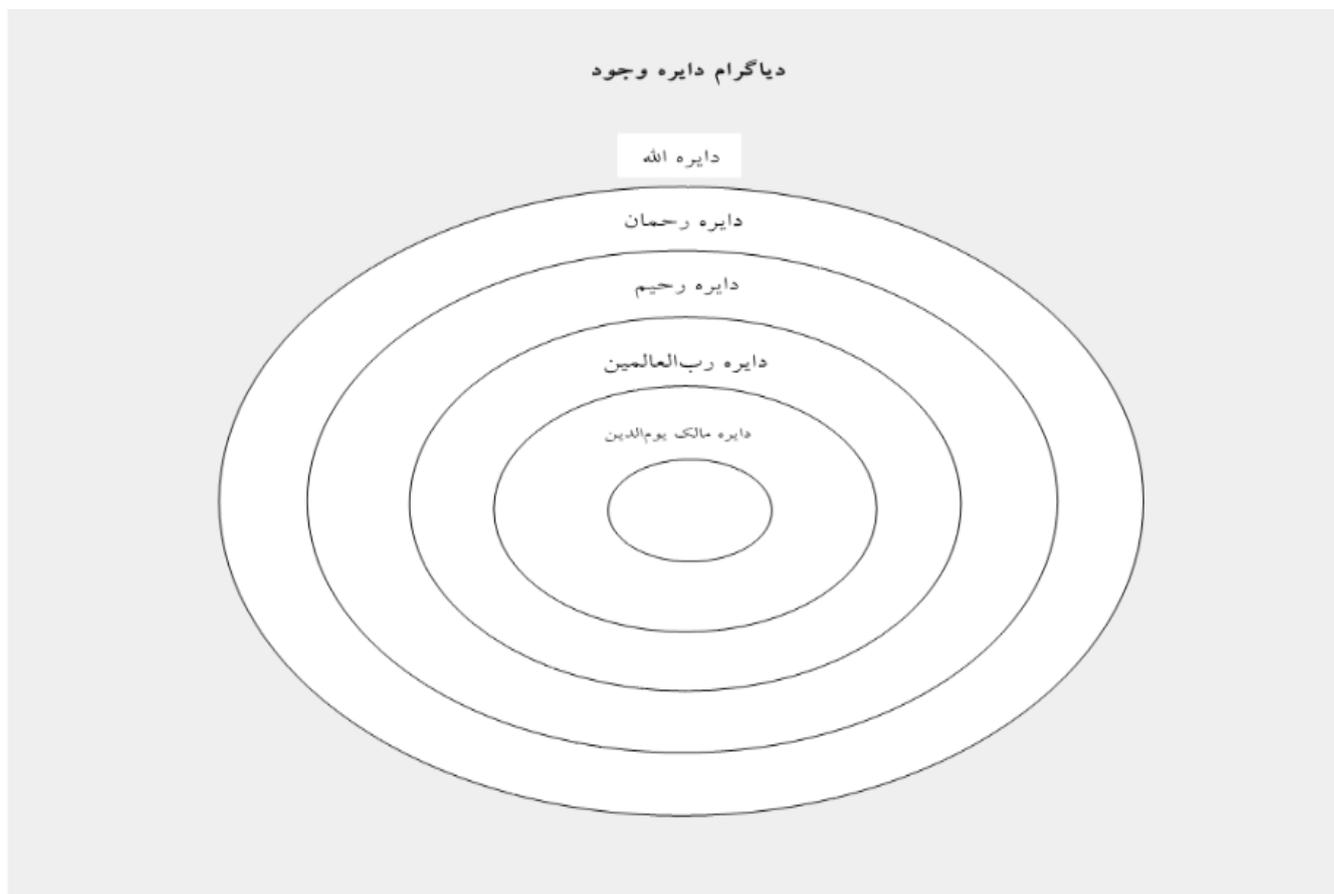
^{۳۶} سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. ص ۵۴۳.

^{۳۷} سیوطی، جلال الدین. الاتقان فی علوم القرآن. صص ۵۴۳-۵۴۴.

^{۳۸} Robinson, Discovering the Quran, 2003, pp.162-176.

^{۳۹} صفوی، سلمان، تفسیر ساختاری سوره حمد، ص ۱۱۲.

دیاگرام ۲: دیاگرام دایره وجود

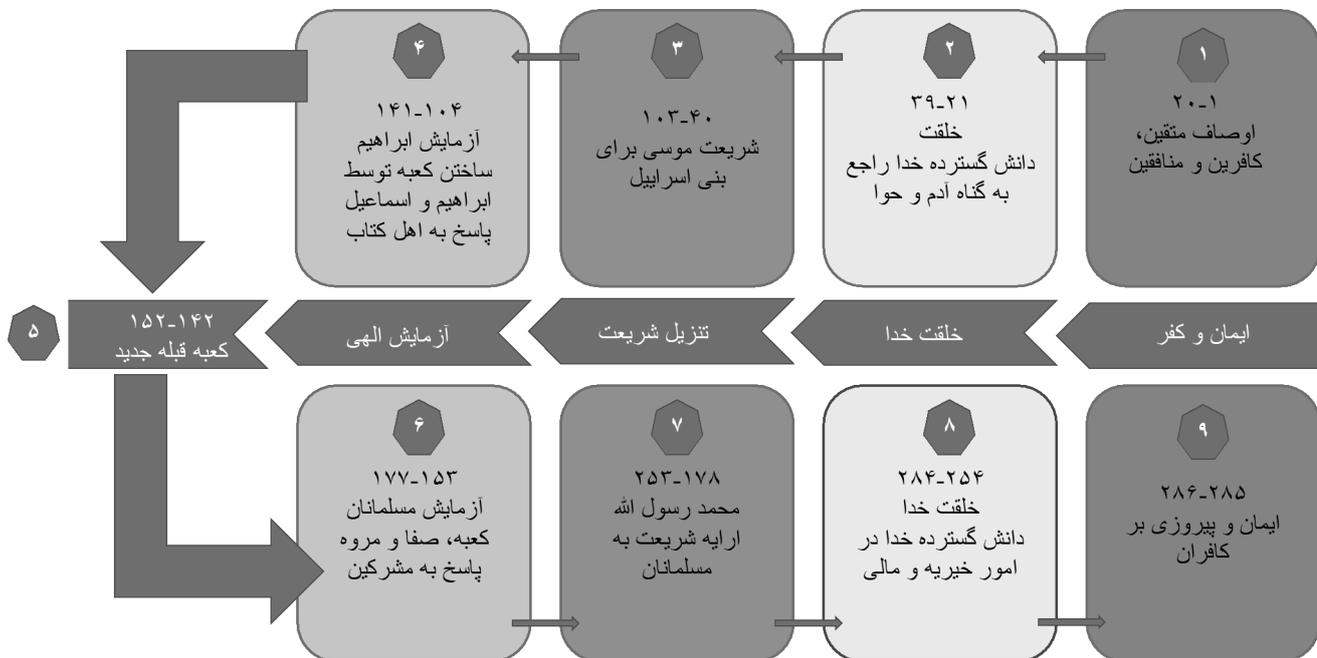
ساختار سوره حمد:

بر اساس رویکرد کل نگر و روش ساختار شناسی، سوره حمد بیانگر دایره وجود است که اجمالاً قوس نزول و صعود را تبیین کرده است و مشکل از دو بلوک و سه بخش است، هر بخش مشکل از یک یا چند آیه است که با هم دیگر وحدت موضوعی دارند.^{۳۹}

دیاگرام سوره بقره

دیاگرام ساختار حلقوی سوره بقره:

ساختار سوره بقره تحلیل اجمالی:

سوره بقره که طولانی ترین سوره قرآن است و دارای ۲۸۶ آیه است، دارای دو ساختار تقارنی و حلقوی است. سوره بقره علیرغم ظاهر پراکندگی آیات و موضوعات آن، دارای وحدت مفهومی، پیوستگی، انسجام و نظم درونی است که از طریق رویکرد کل نگر و ساختار شناسی قابل کشف است. نتیجه این رویکرد و روش آن است که خواننده هم به اجزا و هم به کل پیام سوره توجه نماید و هویت کلی سوره را دریابد.

برای فهم تصویر و هندسه باطنی سوره با رویکرد کل نگر، در وهله اول آیات پاراگراف بندی شده اند و سپس آیات و پاراگراف های هم سیاق و دارای وحدت موضوعی یا حکایتی به صورت یک بخش معین شده اند.

با رویکرد کل نگر سوره بقره دارای پانزده بخش است که روابط بخش ها الزاما خطی نیست بلکه به صورت پارالل یا انعکاس متقاطع و یا ترکیب حلقوی^{۴۰} است.

ساختار سوره بقره بر اساس پاراللیسم بدین صورت است که روابط بین بخش های متعدد سوره فقط خطی نیست بلکه به صورت پارالل (مقارن) بین دو بخش است. بخش مقارن دوم، بخش اول را تکرار (جهت تعظیم و تاکید)، کامل، تایید، توسعه، استكمال، یا تفسیر می نماید. ساختار حلقوی دارای نه بخش است^{۴۱}، در هر دو ساختار تقارنی^{۴۲} و ساختار حلقوی^{۴۳} سوره بقره، پیام مرکز اعلان تاسیس امت و وسط یعنی ملت اسلام بر اساس پیام آخرین وحی الهی به حضرت محمد(ص) و گفتگوی محترمانه بین ادیان است.

⁴⁰ Ring composition.

⁴¹ Farrin, Raymond, Surat al-Baqarah – A Structural Analysis, Kuwait, 2010.

⁴² Parallel structure.

⁴³ Ring composition.

جمع بندی:

منابع انگلیسی:

1. Bruns, Gerald, *Hermeneutics Ancient & Modern*, Yale University Press, 1992.
2. Culler, Jonathan, *Literary Theory*, Oxford, Oxford University Press, 2011.
3. Farrin, Raymond, *Surat al-Baqarah – A Structural Analysis*, Kuwait, 2010. *Structure and Quranic Interpretation*, Oregon, White Cloud Press, 2014.
4. Forster, Michael N. and Kristin Gjesdal, *The Cambridge Companion to Hermeneutics (Cambridge Companions to Philosophy)*, Cambridge, Cambridge University Press, 2019.
5. Harland, Richard, *Literary Theory From Plato to Barthes*, New York, Palgrave, 1999.
6. Robinson, Neal, *Discovering the Quran*, London, SCM Press, 2003.

روش تفسیری قرآن تا به حال تفسیر واژگانی و آیه به آیه بوده است. این روش، روش بسیار خوبی است؛ اما کافی نیست و ما برای فهم بهتر سور قرآنی به رویکرد کل نگر و ساختار شناسی هم احتیاج داریم.

با روش ساختار شناسی، ما نظم و انسجام پنهان سوره های قرآن را کشف می نماییم. ساختار شناسی به ما کمک می کند تا برخی معانی پنهان سوره را در سایه کشف ساختار سوره دریابیم. با این روش نشان داده میشود که سوره های بلند علیرغم ظاهر پراکندگی آیات و موضوعات آن (مانند سوره بقره) دارای وحدت مفهومی، پیوستگی، انسجام و نظم درونی است که از طریق رویکرد کل نگر و ساختار شناسی قابل کشف است. نتیجه این رویکرد و روش آن است که خواننده هم به اجزا و هم به کل پیام سوره توجه نماید و هویت کلی سوره را دریابد.

با رویکرد کل نگر و ساختار شناسی معلوم میگردد که روابط آیات و بخش ها، الزامات خطی نیست بلکه به صورت پارالل یا انعکاس متقاطع و یا ترکیب حلقوی هم است.

منابع:

منابع فارسی و عربی:

سیوطی، جلال‌الدین، الاتقان فی علوم القرآن، بیروت، دارالکتب العربیه، ۲۰۱۶.

صفوی، سلمان، ساختار معنایی مثنوی معنوی، ترجمه: مهوش السارات علوی، تهران، انتشارات میراث مکتوب، ۱۳۸۸.

صفوی، سلمان، دانشنامه معاصر قرآن کریم، تهران، انتشارات سلمان آزاده، ۱۳۹۶.

صفوی، سلمان، تفسیر ساختاری سوره حمد، تهران، انتشارات سلمان آزاده، ۱۳۹۷.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Seyed Salman Safavi

London Academy of Iranian Studies, UK

Принята к публикации: 10.12.2019 г.

Submission Date: 2019.12.10.

«НОВИЗНА» И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КИТАЙСКИХ КАРТИН «СИНЬ НЯНЬХУА»¹

“NOVELTY” AND THE TRADITIONALISM OF CHINESE PAINTINGS “XIN NIANHUA”

Маяцкий Дмитрий Иванович

Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета

d.mayatsky@spbu.ru, taishan@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Настоящая публикация посвящена исследованию небольшого собрания китайских картин «синь няньхуа», хранящихся в коллекции изобразительных материалов Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Коллекция была обнаружена автором недавно и о ее наличии в СПбГУ прежде не было известно. Данная статья призвана ввести в научный оборот университетское собрание «синь няньхуа». Автор объясняет специфику картин жанров «няньхуа» и «синь няньхуа», приводит данные по истории их изучения в России и за рубежом, раскрывает ключевые различия между жанрами, характеризует их неодинаковое функциональное предназначение, тематическое своеобразие, разное техническое исполнение, наполненность неодинаковыми деталями, символами и прочими особенностями. При этом основное внимание уделяется описанию картин синь няньхуа из фондов библиотеки СПбГУ. Автор осуществляет анализ структуры и тематического содержания собрания, дополняет его обзором ряда картин. На их примере исследу-

ABSTRACT

The article explores the Chinese “xin nianhua” pictures, stored in the Scientific Library of St. Petersburg State University. The author explains the specifics of the paintings in “nianhua” and “xin nianhua” genres, provides brief data on the history of their study in Russia and abroad, reveals the key differences between the pictures of both genres, characterizes their unequal functional purpose, thematic originality, production technology, as well as fullness of dissimilar details, symbols and other features. At the same time, the author focuses on the description of “xin nianhua” paintings found in the funds of St. Petersburg State University. The author carries out a cultural analysis of a number of representative illustrations, and he tries to find out a genetic relationship between the “old” and “new” “nianhua” pictures. He concludes that although “xin nianhua” differs a lot from “nianhua” (the difference was manifested primarily in the high actualization and politicization of the content of “xin nianhua”, solving the issue of authorship etc.), their creators nevertheless clearly borrowed from “nianhua” and Chinese medieval painting many easily recognizable traditional ideas,

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-59-52001, название: «Торговля, народные верования, искусство и культура на традиционной ксилографической картине Китая из малоисследованных коллекций России и Тайваня».

дуются проблема соединения в «синь няньхуа» нового содержания с элементами «старых» «няньхуа», китайской средневековой живописи и приметами традиционной культуры Китая. Автор осуществляет культурологический анализ ряда репрезентативных иллюстраций, пытается установить генетическую связь между «старыми» и «новыми» няньхуа. Он приходит к выводу, что хотя «синь няньхуа» и отличаются от «няньхуа» кардинально (что проявляется прежде всего в высокой актуализации и политизации содержания «синь няньхуа», преодолении в них проблемы авторства и т.д.), тем не менее их создатели все же явно заимствуют у «няньхуа» и из культуры старого Китая множество узнаваемых традиционных идей, форм, образов, символов и деталей. Свои наблюдения автор подтверждает примерами из задействованных им иллюстративных материалов.

Ключевые слова: китайская народная картина, новогодняя картина, няньхуа, новые няньхуа, детали, приемы, содержание.

Для цитирования: Маяцкий Д.И. «Новизна» и традиционализм китайских картин «синь няньхуа». *Современные востоковедческие исследования.* 2019; 1(4): 32-45

ВВЕДЕНИЕ

Китайские народные картины няньхуа 年画 достаточно хорошо известны китаеведам и специалистам, занимающимся изучением этнографии Китая и китайского простонародного искусства. В томе «Искусство» энциклопедии «Духовная культура Китая» в статье одного из авторитетнейших исследователей китайского простонародного искусства академика Б. Л. Рифтина (1932-2012), дается такое определение этого жанра: «Няньхуа (букв. «новогодняя картина») – китайские народные лубочные картины, отпечатанные ксилографическим (в 20-30-е годы XX в. и литографским) способом» [Рифтин, 2010, С. 681]. Они получили

название «новогодних», потому что подавляющее большинство таких произведений изготавливалось и продавалось перед китайским Новым годом, традиционно отмечающимся в Китае во второй половине января или первой половине февраля. Как правило, они были связаны с новогодней тематикой, содержали благопожелательные образы и использовались для украшения помещений. Но существовали народные картинки и с другим тематическим содержанием, создававшиеся по иным поводам (например, в канун праздников Начала лета и Середины осени, по случаю свадьбы и других торжественных событий, для религиозных целей) и имевшие иное функциональное предна-

Key words: Chinese folk painting, New year pictures, nianhua, new nianhua, details, art techniques, content

For citation: Maiatskii D.I. "Novelty" and the traditionalism of Chinese paintings "Xin nianhua". *Modern oriental studies.* 2019; 1(4): 32-45

значение. Поэтому использующийся для их обозначения термин носит скорее условный характер. Няньхуа были широко популярны среди низших слоев китайского населения с XI или XII века, когда распространение получил ксилографический метод печатания, до первых десятилетий XX века. Несмотря на то, что народные лубки в Китае были известны уже давно, сам термин «няньхуа», по словам академика Б. Л. Рифтина, впервые возник в середине XIX века, когда был введен в оборот Ли Гуантином (李光廷, 1812-1880) в его книге «Деревенские разговоры под смех» (Сян янь цзе и 乡言解颐), а в широкий обиход вошел только в 1920-30-е годы [Рифтин, 2010, С. 681].

«Новые няньхуа» (или «новые новогодние картины», синь няньхуа 新年画) – разновидность художественных гравюр, создававшихся в Китае в 1930-50-е годы в рамках «движения за новые новогодние картины» (синь няньхуа юньдун 新年画运动) с целью идеологической пропаганды и массовой популяризации важных с точки зрения тогдашнего китайского руководства идей. Исследовательница И. Ф. Муриан называет их «современными китайскими лубками» [Муриан, 1960, с. 90]. По сути, они представляли собой соединение китайского традиционного и массового вида искусства – изготовления лубков – с техниками западной плакатной живописи и новыми сюжетами, наполненными актуальным ярко выраженным политическим содержанием. Производство картинок довольно быстро переместилось в типографии, где стали использоваться современные печатные технологии. Массовость, низкая затратность, материальная и содержательная доступность бесхитростных и схематичных синь няньхуа должны были поз-

волить максимально быстро сформировать в умах китайского крестьянства и представителей других низовых слоев населения, служивших важнейшей опорой для Коммунистической партии Китая, необходимый уровень политического сознания, задать нужный вектор развития общества. Картинки впервые начали создаваться в 1938 году в яньнаньской Академии искусств имени Лу Синя и обрели исключительную популярность в период антияпонской (1937-1945) и гражданской войны в Китае (1927-1936 и 1946-1950 гг.) и первые годы после образования КНР [Муриан, 1960, с. 92-94].

В России основоположником научного изучения искусства няньхуа был в начале XX века академик В. М. Алексеев (1881-1951). Ему принадлежит ставшая хрестоматийной фундаментальная книга «Китайская народная картина» [Алексеев, 1966], в которой он в серии статей осуществил многостороннее изучение китайского народного изобразительного искусства с позиций историка, лингвиста, этнографа и культуролога.

После академика В. М. Алексеева няньхуа исследовала М. Л. Рудова (Пчелина, 1927-2013). Она занималась изучением ленинградских коллекций картин, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии, Российской национальной библиотеки и Государственного музея истории религии. В своих публикациях особое внимание уделяла религиозным, театральным и историческим сюжетам [Рудова, 1958, С. 238-251], [Рудова, 1960, С. 38-41], [Рудова, 1961, С. 286-298], [Рудова, 1971, С. 105-118], [Китайская, 2003]. В 1968 году ею была защищена кандидатская диссертация на тему «Народная картина няньхуа как источник для изучения духовной культуры Китая».

Одновременно с М. Л. Рудовой, но в Москве (по материалам собрания Музея народов Востока) картину няньхуа изучала И. Ф. Муриан. В 1960 году она издала книгу, где раскрыла истоки няньхуа и проследила основные этапы в истории развития этого вида искусства вплоть до начала 1950-х годов [Муриан, 1960]. Отдельную главу автор уделила синь няньхуа. И. Ф. Муриан впервые осуществила искусствоведческий анализ ряда картин конца XIX – первой половины XX века.

Многое для изучения няньхуа сделали академик Б. Л. Рифтин и Т. И. Виноградова. Т. И. Виноградова в 2000 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Китайский народный театр на китайской народной картине (театральные няньхуа как источник изучения традиционной культуры Китая)» и опубликовала ряд статей, в которых изучает петербургские коллекции няньхуа, анализирует картинки на литературные и театральные сюжеты ([Виноградова, 1986, С. 50-55], [Виноградова, 1986, С. 109-113] и т.д.).

Картины синь няньхуа становились объектом специального исследования Н. А. Червовой, написавшей работу «Современная китайская гравюра. 1931-1958» [Червова, 1960]. К близкой теме обращалась Г. С. Гультьева, защитившая в 2007 году кандидатскую диссертацию по истории различных жанров няньхуа XX в. [Гультьева, 2007], включая современные лубки. Отдельный аспект, связанный с влиянием политической ситуации в КНР на узкую группу синь няньхуа – так называемые «крестьянские картины» – исследуется в статье сотрудницы СПбГУ П. А. Комаровской [Комаровская, 2013, С. 287-299]. Проблемам жанра синь няньхуа посвящена также недавняя статья Т. И. Виноградовой [Виноградова, 2015, С. 390-401].

Изучением синь няньхуа в западном мире в разное время занимались Джон Ласт [Lust, 1996], Хун Чантай [Hung, 2000], Джеймс Флэт [Flath, 2004], Шэнь Куйи [Shen, 2009] и другие специалисты. В изданной в 2004 году Джеймсом Флэтом монографии основное внимание уделяется политическим и сельскохозяйственным сюжетам, проблеме отражения в синь няньхуа событий новейшей истории Китая, а также особенностям взаимоотношений между государством и обществом [Flath, 2004].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ хранятся три папки гравюр антологии «Собрание избранных новых няньхуа» (Синь няньхуа сюань цзи 新年画选集), отпечатанных типографским способом в Пекине в первый год после образования КНР [Собрание, 1950]. Эти альбомы имеют общий шифр хранения – О-III 1733. В действительности они представляют собой два одинаковых альбома разной комплектации. Один альбом полон и состоит из двух папок (папки «шан» 上 и «ся» 下) с 30 листами в каждой. Второй альбом имеет в своем составе лишь 30 картинок в папке «шан». Сопоставление картинок обеих папок «шан» показало, что они абсолютно идентичны. Таким образом, выходит, что в совокупности в трех папках представлены 90 синь няньхуа, причем неповторяющихся картинок – 60. Собственно все эти картинки, видимо, и образуют коллекцию синь няньхуа СПбГУ, поскольку других лубков данного жанра обнаружить в университетских фондах пока еще не удалось.

Согласно записям в инвентарной книге Восточного отдела библиотеки СПбГУ, оба альбома в той же степени сохранности были получены

от Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (советская общественная организация, существовавшая в 1925-1958 гг. и занимавшаяся популяризацией зарубежной культуры в СССР и советской культуры за рубежом) и поступили на хранение в 1951 году [Инвентарная книга, 1951].

Произведем кодикологическое описание комплекта из 60 картинок. Все картинки цветные, исполнены на тонкой рисовой или уплотненной бумаге. В папке «шан» 29 картинок имеют размер листа 24.9 X 33.8 см., одна картинка («В защиту мира» Дэн Шу) – 38.6 X 47.8 см. В папке «ся» 26 картинок с размером 24.9 X 33.8 см., одна («Прекрасные посеы» Ван Сюэхуа) – 29.2 X 45.6 см., одна («Хэбо женится» Ван Цюаньхуэя) – 46.2 X 55 см., одна («Работы четырех сезонов» Би Шэна и Ван Цзюэцзо) – 34 X 49.9 см.

Визуальное ознакомление с иллюстрациями позволило увидеть их некоторые особенности. За исключением одной картинки («Великий парад на воде в Шанхае»), все работы авторские: под каждым изображением указано название, имя художника и место создания картины. Стоит отметить, что авторство впервые появляется только у новых няньхуа, на традиционных няньхуа могли ставить клейма мастреских, и то – не часто, об указании имен авторов не могло быть и речи. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство художников творили в северных районах Китая. Двенадцать авторов работали в Пекине, девять – в окружающей Пекин провинции Хэбэй, восемь – в Шанхае, семь – в Дунбэе, по пять – в Шаньси и Внутренней Монголии, три – в Ухани, по два – Ханчжоу и Шаньдуне, по одному – в Сиане, Тяньцзине, Цинхае и Яньани. Ряд гравюр имеет тексты, дополняющие содержание изображений. Они могут быть исполнены

в прозе, стихах или в виде параллельных строк. Названия некоторых лубков авторов из Внутренней Монголии дублируются на монгольском языке, авторов из Цинхая – на тибетском языке.

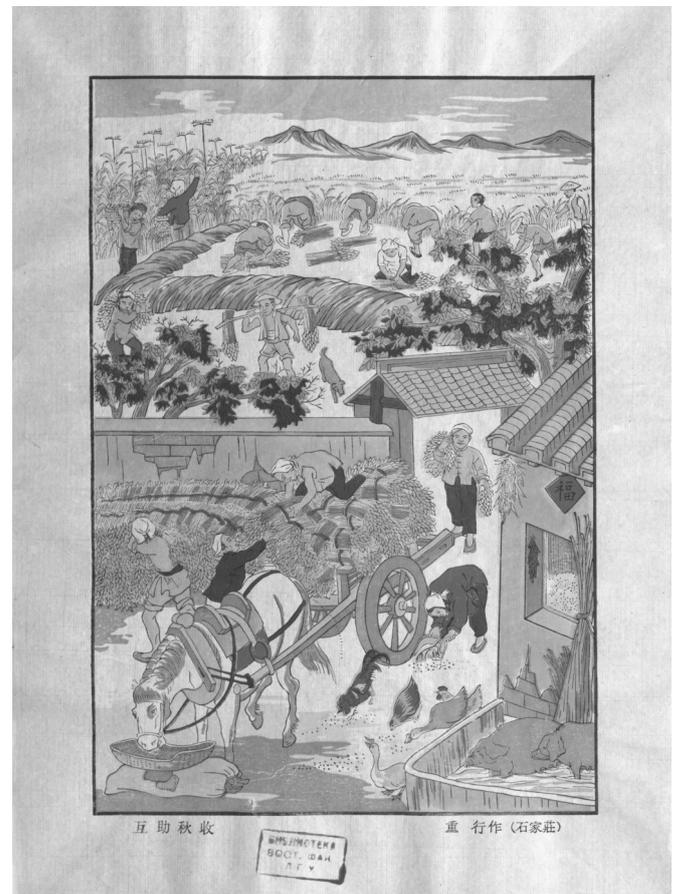
Большинство картинок исполнены в горизонтальной плоскости по одной на листе. Три лубка – вертикальные. Семь листов содержат от двух до шестнадцати иллюстраций. Среди них два лубка двойные (на листе отпечатаны по два изображения), один – тройной, один – с четырьмя изображениями, один – с пятью, один – с шестью и один – с шестнадцатью.

Детальное ознакомление с лубками позволило разделить их по содержанию на следующие основные тематические группы (названия некоторых из них могут носить условный характер): 1) сельское хозяйство (20 лубков); 2) учеба (шесть лубков); 3) народ и армия (шесть лубков); 4) празднование дня образования КНР (четыре лубка); 5) новые герои (четыре лубка); 6) единство нации (два лубка); 7) советско-китайская дружба (три лубка); 8) чествование Мао Цзэдуна (три лубка); 9) промышленное производство (три лубка); 10) народные выборы (два лубка); 11) гражданская война (два лубка); 12) борьба с империализмом (один лубок); 13) дверные картинки (один лубок); 14) народное празднество (один лубок); 15) народное предание (один лубок); 16) борьба за мир (один лубок).

Мы видим, что тематика картинок довольно разнообразна. Главным образом, в них нашли отражение важнейшие события, происходившие в Китае и мире в 1949-1950 годы.

Безусловно важнейшими событиями в стране стали победа в гражданской войне (1946-1949), объединение нации, рождение единого многонационального государства, утверждение в стране мира, развитие промыш-

ленности и сельского хозяйства. Причем, подавляющее большинство лубков, как видно из классификации, тематически связаны именно с бурным подъемом села. Изображая сцены сельской жизни, художники воспевают успехи аграрной реформы, дают селянам нехитрые наглядные рекомендации и сулят им богатые урожаи, с которыми неизменно связываются благополучие и счастливая жизнь китайцев. Ведь китайское население тогда преимущественно состояло из крестьян. Доля городских жителей была ничтожно мала. Государству предстояло в первую очередь решить именно аграрный вопрос и проблему обеспечения многомиллионного населения продовольствием. Для этого создавались производственные кооперативы, государственные хозяйства, присылалась в село техника (тракторы и грузовые автомобили). Техника стала одним из символов новой жизни. Для овладения ею необходима грамотность. Отсюда и отдельные повторяющиеся в разных вариациях сюжеты с призывом к учебе и самообразованию. Через многие лубки лейтмотивом проходит идея коллективизма – на них везде присутствует обилие персонажей, занятых общим делом. Люди вместе трудятся, осваивают сельхозтехнику, обсуждают производственные планы, отдыхают, учатся, отмечают праздники, ходят на выборы, подписывают Стокгольмское воззвание. Именно такими выглядят селяне на картинах «Сортировка семян» Син Ляня, «Работы четырех сезонов» Би Шэна и Ван Цзюэ, «Взаимопомощь при сборе осеннего урожая» Чун Сина, «Экскурсия в госхоз» Дин Юя, «Чтение газеты» У Вэя и т. д. Часто труженникам села помогают солдаты, отзывчиво включающиеся в сельхозработы (картинка «Народная армия» Ту Кэ).

Илл. 1. «Взаимопомощь при сборе осеннего урожая» Чун Сина

Мы рассмотрим два произвольно отобранных типичных, на наш взгляд, лубка. На небольшой по размеру картине «Взаимопомощь при сборе осеннего урожая» Чун Сина (Илл. 1) показано обширное полотно, которое композиционно можно разделить на две основные части. В одной показаны крестьяне, вяжущие в поле снопы, на другой – доставляющие их во двор хозяйства и укладывающие вдоль стены. Вместе с тем на гравюре присутствует обилие мелких деталей – все снопы обмотаны красной веревкой, перевозящая их лошадь ест корм из корыта, поставленного на наполненный, видимо, им же мешок. В углу двора в специальном загоне развалились свиньи. По двору бегают петухи, куры и гуси – они клюют рассыпанный по земле корм. За воротами видна направляющаяся

во двор собака. Вдалеке два крестьянина собирают кукурузу. На одной из сельхозпостроек висит иероглиф «счастье», под ним висит связка красных перцев. В действительности многие детали важны и несут смысловую нагрузку. Со времен поэмы «Персиковый источник» 《桃花源》 Тао Юаньмина 陶渊明 (IV век н.э.) пение петухов и лай собак символизируют зажиточность села. На то же указывают богатство урожая, сытая живность, красные ленты, знак «счастье». В совокупности эти и другие детали создают общую атмосферу сельской идиллии и счастья, которая может быть обобщена в устойчивом выражении «живут в покое и радостно трудятся» 安居乐业. Эта черта делает похожими синь няньхуа на канонические картины гэнчжиту 耕织图 о сельском труде.

Похожим образом организована картина «Работы четырех сезонов» (Илл. 2). Она носит

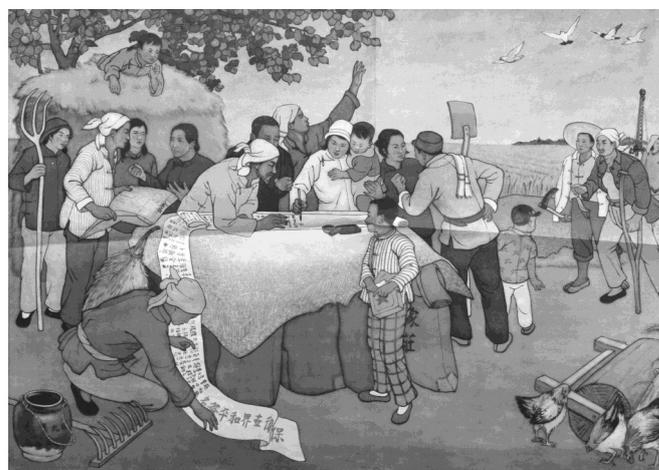
повествовательный характер. Состоит из четырех вертикальных частей, описывающих повседневную жизнь в деревне и разные виды сельскохозяйственных работ, актуальных для каждого времени года. Везде заметны идеи трудовой идиллии, коллективизма и благополучия, нашедшие отражение в картине Чун Сина. Единственное отличие состоит в том, на лубках Би Шэна и Ван Цзюэ время показано в движении. На небольшом по объему пространстве авторам удалось уместить содержательный материал, показать десятки персонажей и множество деталей. Каждый лубок словно сделанный с высоты птичьего полета снимок, изнутри показывает населенные пункты и окружающие его пространства с полями, садами, реками, дорогами. Первая часть показывает, как крестьяне весной готовят семена и плуги, везут их на поля, пашут, сеют. Кто-то кормит кур и свиней, кто-то носит на кухню воду. Дверь в кухню при-

Илл. 2. «Работы четырех сезонов» Би Шэна и Ван Цзюэ

открыта – видно, как девушка готовит пищу на печи-кане. И это – немаловажная деталь, потому что она сигнализирует о том, что люди не только трудятся, но и хорошо питаются. На втором изображении показан летний сюжет. Крестьяне пропалывают рис. В обеденное время женщины приносят им еду, и они, собравшись под деревом, принимают пищу, бурно обсуждая, видимо, рабочие моменты. На третьем изображении мы видим осень. Часть крестьян собирает в полях хлеб, часть – доставляет его в хозяйство, часть – укладывает в скирды, рушит и просеивает. На четвертом «зимнем» эпизоде жители села ссыпают зерно в мешки, взвешивают, грузят в поезд и повозки, отправляют в город. Каждая из четырех частей дополнена стихотворным описанием. В стихах к четвертому эпизоду разъясняется важность отправки зерна в город: оно идет на нужды промышленного строительства, что необходимо для обеспечения того же села нужной продукцией и достижения самодостаточности страны.

Особо выделяется картина «Сбор подписей под Стокгольмским воззванием» художницы Дэн Шу (Илл. 3). Лубок откликается на Стокгольмское воззвание – документ, принятый Постоянным комитетом Всемирного конгресса сторонников мира (впоследствии переименован во Всемирный совет мира) по инициативе Нобелевского лауреата и выдающегося французского физика Фредерика Жолио-Кюри (1900-1958) во время сессии конгресса, проходившей в столице Швеции с 15 по 19 марта 1950 года. В документе было зафиксировано обращение общественности к правительствам мира с требованием о запрете применения ядерного оружия против человечества. Тогда воззвание подписали свыше 270 миллионов человек, представлявших государства Европы,

Илл. 3. «Сбор подписей под Стокгольмским воззванием» Дэн Шу

Азии и Американского континента. Эта картинка единственная, чье название дублируется на английском языке (Villagers signing the Stockholm peace appeal). Видимо, она изначально предназначалась для распространения не только в Китае, но и за рубежом.

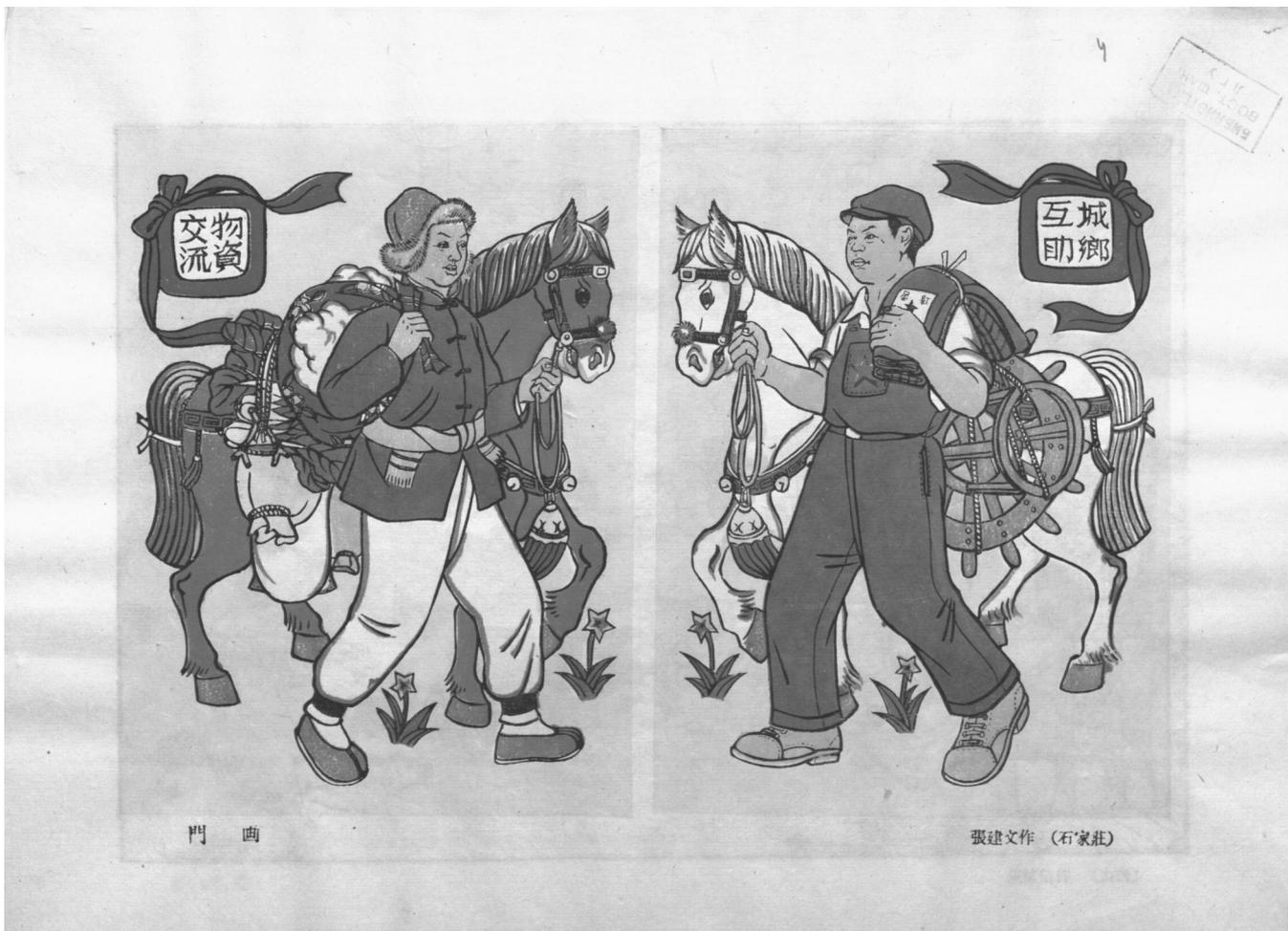
На картине Дэн Шу показана сцена, случившаяся на окраине одного из многочисленных в Китае полей – к крестьянам принесли на подписание длинный свиток с коротким текстом «Сбор подписей в защиту мира». Они сооружают из мешков стол и, сгрудившись вокруг, по очереди ставят свои подписи. Видно, что это люди разных возрастов – от мала до велика. Кто-то, оживленно жестикулируя, бурно обсуждает происходящее. Кто-то машет рукой и подзывает других крестьян, издали устремляющихся к столу. Среди последних заметно выделяется мужчина с перевязанной головой и костылем, напоминающий отставного раненого солдата. Он тоже спешит к столу. Сцена выглядит живой и натуральной. Жесты и лица людей показаны выразительно. Заметно, что они относятся к событию серьезно, придают ему немалое значение.

Невзирая на то, что со времени образования КНР ко времени публикации альбома прошел только год, эти гравюры наполнены оптимизмом и уверенностью в том, что страна идет по правильному пути развития и ее ждет счастливое будущее. В каком-то роде синь няньхуа выглядят благожелательными, так как в них показано то состояние общества, которое кажется авторам идеальным, которое если еще не достигнуто, то будет достигнуто.

Многие картины имеют ярко выраженную связь с традиционной живописью *гохуа* и народным лубком. Она проявилась в использовании авторами некоторых деталей (благожелательные надписи на красных полотнах, иероглифы «счастье», выкрашенные в красный цвет тыквы, обилие детей и красного цвета),

структурных и композиционных приемов (текстовый и изобразительный параллелизм, подписывание изображений стихами, создание смысловых деталей), позаимствованных у более ранних няньхуа и традиционных картин.

Например, «Дверные картинки» Чжан Цзяньвэня (Илл. 4) представляют собой стилизацию под изображения «духов ворот» мэншэней, вешавшихся на створки входных дверей и охранявших китайское жилище от нечистой силы и зла. Картина Чжан Цзяньвэня состоит из двух изображений, показывающих устремленных друг к другу рабочего и крестьянина, одетых в типичную для жителей города и села того времени одежду и ведущих на поводу коней. Примечательно то, что кони принадлежат по-разному окрашенным мастям – белой и ко-

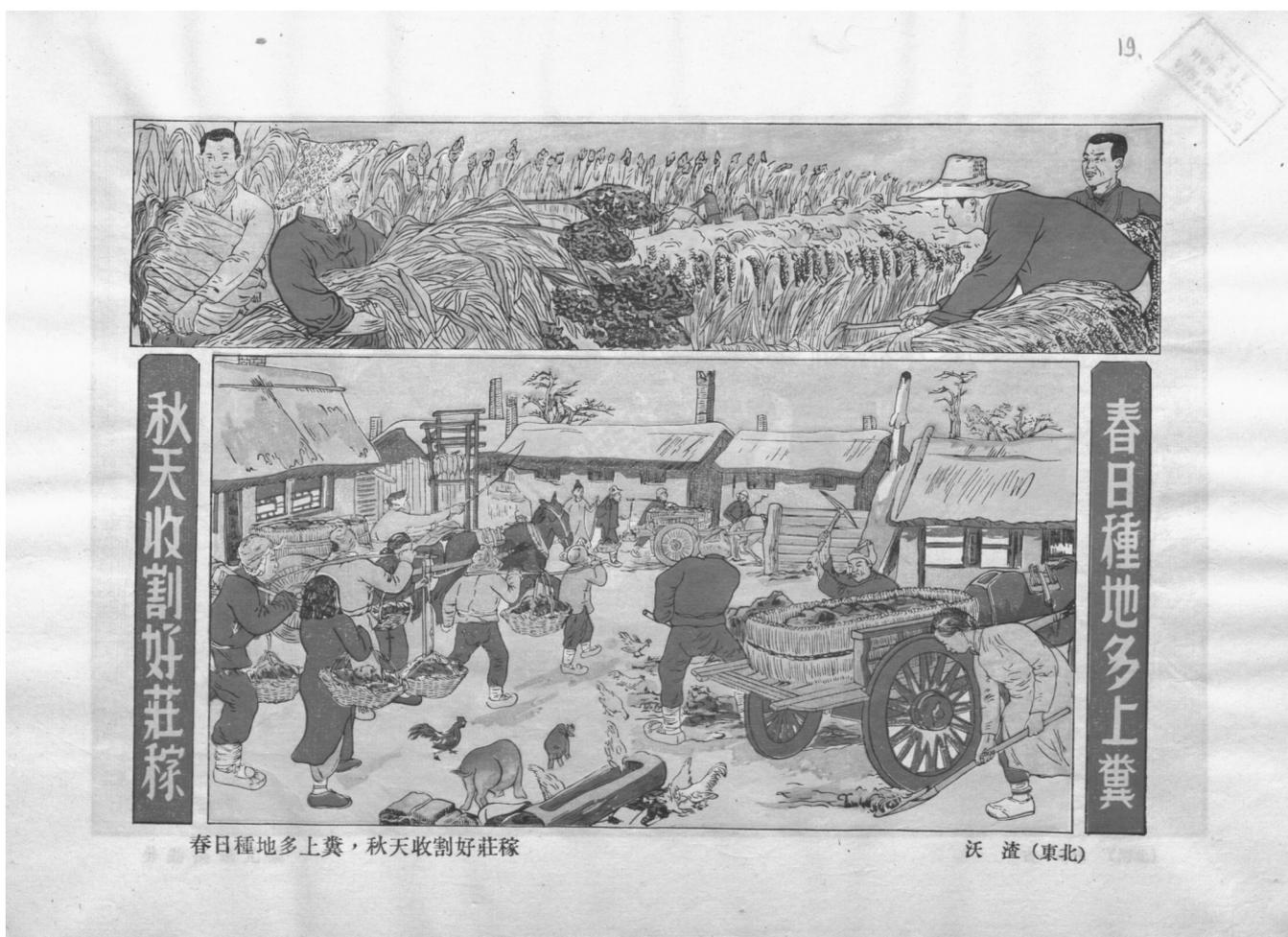

Илл. 4. «Дверные картинки» Чжан Цзяньвэня

ричной. Едва ли по замыслу автора они должны символизировать темное и светлое начала китайской философии (т.е. инь и ян) – скорее всего такое противопоставление проявилось подсознательно под влиянием традиционного искусства, в котором оно часто встречается. Конь крестьянина нагружен продукцией сельского хозяйства (мешками с зерном, связками с зеленью). Сам крестьянин на плече несет красный нарядный мешок, наполненный дарами села (предположительно шерстью или хлопком). Конь рабочего везет необходимые в деревне промышленные изделия. На плече рабочего сложены рулоны ткани. На лубках запечатлены две оформленные в нарядные рамки парные надписи, имеющие содержание: «Взаимопомощь между городом и селом – Обмен товар-

но-материальными ценностями» (城乡互助, 物资交流). Таким образом, мы видим, что художник позаимствовал у традиционных дверных няньхуа форму парного лубка и вложил в него новый смысл – идею единства города и села, стоящих на страже взаимных интересов и дающих друг другу все необходимое для строительства счастливой жизни.

Элемент парных надписей присутствует также на картине «Весной добавим в поля больше навозу – осенью соберем больше урожая» Во Чжа (Илл. 5). Обе надписи, давшие лубку название, приводятся на двух вертикальных красных полотнах по правую и левую стороны от основного изображения, на котором показана сцена сбора и переноски навоза. Поверх него

Илл. 5. «Весной добавим в поля больше навозу – осенью соберем больше урожая» Во Чжа

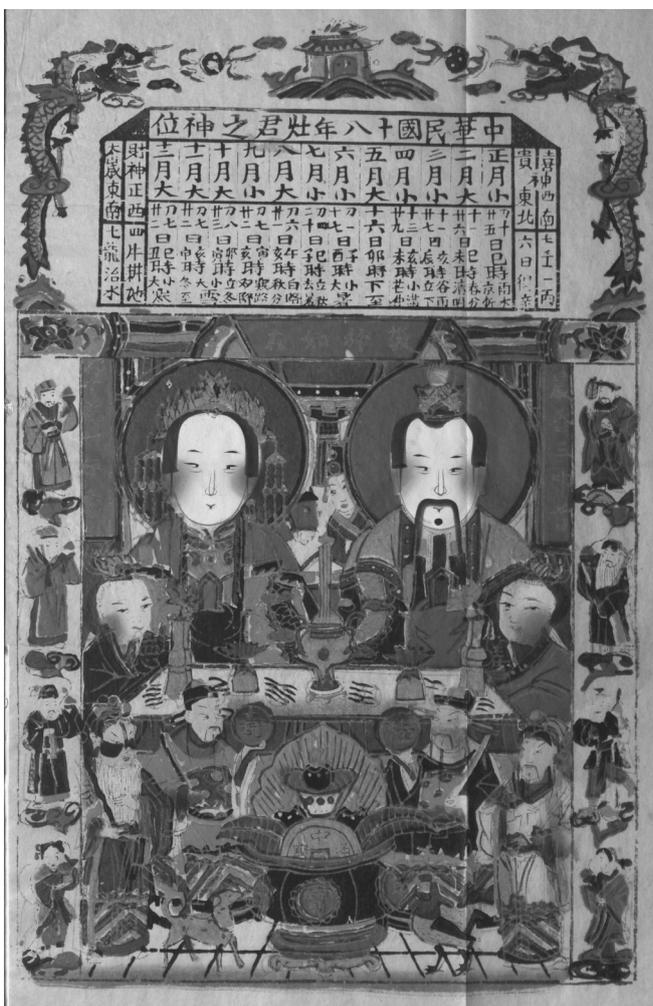
предлагается другое изображение – с наглядной демонстрацией богатого урожая, который можно собирать, если удобрять поля навозом. Язык плаката прост и доходчив именно благодаря наличию визуального и текстового противопоставления. Параллельный текст лишь акцентирует внимание на этом противопоставлении и в то же время служит лозунгом, содержащим руководство к действию.

Другой художник – Ли Цюнь (картина «Чтение газеты» Илл. 6) – для пропаганды грамотности и самообразования перенял у няньхуа форму народного календаря. Прежде в Китае в канун китайского Нового года для населения печатались специальные лунные календари-няньхуа – обычно с изображениями духа покровителя очага Цзао-вана, его супруги

и слуг (Илл. 7). Такие календари выполняли двойную функцию. С одной стороны, они должны были охранять дом от нечисти и привлекать удачу. С другой – следовать прямому назначению и показывать расписанные по месяцам дни года. Календарь Ли Цюня внешне напоминает традиционный календарь. Он также состоит из двух частей. В верхней части – в рамке, весьма похожей на рамки на традиционных календарях, – показаны дни года и дается информация о том, когда и какие виды сельскохозяйственных работ надлежит выполнять. В нижней части изображено большое крестьянское семейство, собравшееся вокруг пожилого человека с номером газеты «Крестьяне провинции Шаньси» в руках. Он читает ее вслух, а окружающие внимательно слушают, повернувшись к нему. Примечательно то, что над календарем

Илл. 6. «Чтение газеты» Ли Цюня

Илл. 7. Няньхуа-календарь на 1929 год из ВФ СПбГУ

приводится изображение Мао Цзэдуна, обрамленное флагами КНР и СССР. Очевидно, этот синь няньхуа посвящался также теме советско-китайской дружбы.

Много сходства можно увидеть между рассматривавшимися выше лубками «Работы четырех сезонов» (Илл. 2), «Взаимопомощь при сборе осеннего урожая» (Илл. 1) и грандиозными полотнами средневековой китайской живописи, показывающими масштабные сцены городской и сельской жизни (например, такова знаменитая панорама «По реке в День поминовения усопших» 清明上河图 Чжан Цзэдуаня 张择端 XI века). Форма этих лубков также могла повлиять на художников синь няньхуа.

На связь с традиционными няньхуа может указывать также и прием использования многочисленных образов детей – преимущественно в произведениях, посвященных образованию КНР и советско-китайской дружбе. Появление в них детей может олицетворять начало новой жизни и пожелание блестящих перспектив.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучив хранящиеся в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ картины жанра синь няньхуа, мы осуществили классификацию их тем и выделили в ней шестнадцать тем. Тематическое своеобразие картин мы объяснили их связью с событиями, современными или предшествовавшими публикации альбома. Установили, что количественное преобладание лубков с сельскохозяйственной тематикой было вызвано особой актуальностью происходивших тогда в китайской деревне преобразований. Детальный анализ иллюстраций позволил заметить связь искусства синь няньхуа с няньхуа и китайской традиционной культурой, проявившуюся в использовании для нового содержания старых форм, деталей и художественных приемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рифтин Б.Л. Няньхуа // Духовная культура Китая: энциклопедия в 6 т. Том 6. Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. Москва, 2010. С. 681-686.
2. Муриан И.Ф. Китайский народный лубок. Москва, 1960. 122 с.
3. Алексеев В.М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. Москва, 1966. 260 с.
4. Рудова М.Л. Китайская театральная лубочная картина // Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1958. Т. 2. С. 238-251.
5. Рудова М.Л. Коллекция академика В.М. Алексеева // Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1960. Т. XIX. С. 38-41.
6. Рудова М.Л. Систематизация китайских народных картин няньхуа Ленинградских собраний // Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1961. Т. V. С. 286-298.
7. Рудова М.Л. Цай Шэнь – Гуань Юй // Страны и народы Востока. Вып XI. Москва, 1971. С. 105-118.
8. Китайская народная картина няньхуа из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки / авт. статей и аннот. М.Л. Рудова и Н.Г. Пчелин. Санкт-Петербург, 2003. 287 с.
9. Виноградова Т.И. Китайская народная картина – няньхуа проблемы систематизации и периодизации // XXVII Научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Москва, 1986. Ч. 2. С. 50-55.
10. Виноградова Т.И. Театральная няньхуа и пекинская музыкальная драма // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XX годичная

- научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Москва, 1986. Ч. 1. С 109-113.
11. Червова Н.А. Современная китайская графика. 1931-1958. Москва, 1960. 171 с.
  12. Гультаева Г.С. Китайская народная картина няньхуа XX века: типология жанров и эволюция: дисс. на соиск. степ. канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2007. 231 с.
  13. Гультаева Г.С. Китайская народная картина няньхуа в современной художественной культуре (1980-1990 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Т. 10. 2007. № 31. С. 46-50.
  14. Комаровская П.А. Исторические факторы возникновения и развития современной китайской «крестьянской картины» (нунминьхуа) // Страны и народы Востока. 2013. № XXXIV. С. 287-299.
  15. Виноградова Т. И. О новизне «новых народных картин» // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Москва, 2015. Ч. 2. С. 390-401.
  16. Lust, J. (1996) Chinese Popular Prints. Leiden: Brill. 352 p.
  17. Hung, Ch. (2000) Repainting China: New Years Prints (Nianhua) and Peasant Resistance in the Early Years of the People's Republic. Comparative Studies in Society and History. 42 (4). pp. 770-810.
  18. Flath J.A. (2004) The Cult of Happiness: Nianhua, Art, and History in Rural North China. Vancouver and Toronto: UBC Press; Seattle: University of Washington Press. 188 p.
  19. Shen K. (2009) Propaganda Posters in China. In: Landsberger, S. R., Van der Heijden, M. (eds) Chinese Posters: The IISH-Landsberger Collections. New York and London: Prestel. pp. 8-20.
  20. 新年画选集。中华全国美术工作者协会。上下册。北京, 1950 年 (Собрание избранных новых няньхуа / сост. Всекитайская

ассоциация работников искусства. Ч.1-2. Пекин, 1950). 60 л.

21. Восточный отдел НБ СПбГУ, Инвентарная книга № 91 (9), янв.-окт. 1951 г. Даты записи: 8 мая и 27 июня 1951 г.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Riftin, B. L. (2010) Nianhua [Nianhua]. In: Titarenko, M.L. and others (ed.) Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya v 6 t. Tom 6. Iskusstvo [The Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 6 Volumes. Volume 6. Art]. Moskva: Vostochnaya literatura. pp. 681-686.
2. Murian, I.F. (1960) Kitajskij narodnyj lubok [Chinese folk popular painting]. Moskva: Iskusstvo. 122 p.
3. Alekseev, V.M. (1966) Kitajskaya narodnaya kartina. Duhovnaya zhizn' starogo Kitaya v narodnyh izobrazheniyah [Chinese folk painting. The spiritual life of old China in folk images]. Moskva: Nauka. 260 p.
4. Rudova, M.L. (1958) Kitajskaya teatral'naya lubochnaya kartina [Chinese theater popular print]. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 2. pp. 238-251.
5. Rudova, M.L. (1960) Kollekcija akademika V.M. Alekseeva [Collection of Academician V.M. Alekseev]. Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XIX. pp. 38-41.
6. Rudova, M.L. (1961) Sistematizaciya kitajskih narodnyh kartin nianhua Leningradskih sobranij [Systematization of Chinese folk paintings nianhua of the Leningrad collections]. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. V. pp. 286-298.
7. Rudova, M.L. (1971) Cai Shen' - Guan' Yuj [Tsai Shen - Kuan Yu]. Strany i narody Vostoka. Vyp. XI. pp. 105-118.
8. Rudova, M.L., Pchelin, N.G. (comps.) (2003) Kitajskaya narodnaya kartina nian'hua iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki. [Chinese folk painting nianhua from

- the collection of the State Hermitage. Exhibition catalog]. Sankt-Peterburg: Slaviya. 287 p.
9. Vinogradova, T.I. (1986) Kitajskaya narodnaya kartina – nianhua problemy sistematizacii i periodizacii [Chinese folk painting – Nianhua problems of systematization and periodization]. In: XXVII Nauchnaya konferenciya “Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae”. Tezisy dokladov [27th Scientific Conference “Society and the State in China”. Abstracts of reports]. Moskva: Nauka. Ch. 2. pp. 50-55.
  10. Vinogradova, T.I. (1986) Teatral'naya nianhua i pekinskaya muzykal'naya drama [Theater nianhua and Beijing musical drama]. In: Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XX godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya) [Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. 20th annual scientific session of the Leningrad Division of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR (reports and abstracts)]. Moskva: Nauka. Ch. 1. pp. 109-113.
  11. Chervova, N.A. (1960) Sovremennaya kitajskaya gravyura. 1931-1958 [Contemporary Chinese engraving. 1931-1958]. Moskva: Vostochnaya literatura. 171 p.
  12. Gul'tyaeva, G.S. (2007) Kitajskaya narodnaya kartina nianhua XX veka: tipologiya zhanrov i evolyuciya: diss. na soisk. step. kand. Iskuststvedeniya [Chinese folk painting nianhua of the 20th century: typology of genres and evolution: thesis for the degree Cand. of Arts]. Sankt-Peterburg. 231 p.
  13. Gul'tyaeva, G.S. (2007) Kitajskaya narodnaya kartina nianhua v sovremennoj hudozhestvennoj kul'ture (1980-1990 gg.) [Chinese folk painting of nianhua in modern art culture (1980-1990)]. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. T. 10. 2007. № 31. pp. 46-50.
  14. Komarovskaya, P.A. (2013) Istoricheskie faktory vzniknoveniya i razvitiya sovremennoj kitajskoj «krest'yanskoj kartiny» (nunminhua) [Historical factors of the emergence and development of the modern Chinese “peasant picture” (nongminhua)]. Strany i narody Vostoka. 2013. № XXXIV. pp. 287-299.
  15. Vinogradova, T.I. (2015) O novizne «novyh narodnyh kartin» [On the novelty of “new folk paintings”]. In: XLV Nauchnaya konferenciya “Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae”. Tezisy dokladov [15th Scientific Conference “Society and the State in China”. Abstracts of reports]. Moskva: IV RAN. Ch. 2. pp. 390-401.
  16. Lust, J. (1996) Chinese Popular Prints. Leiden: Brill. 352 p.
  17. Hung, Chang-Tai (2000) Repainting China: New Years Prints (Nianhua) and Peasant Resistance in the Early Years of the People's Republic. Comparative Studies in Society and History. 42 (4). pp. 770-810.
  18. Flath, J.A. (2004) The Cult of Happiness: Nianhua, Art, and History in Rural North China. Vancouver and Toronto: UBC Press; Seattle: University of Washington Press. 188 p.
  19. Shen, Kuiyi (2009) Propaganda Posters in China. In: Landsberger, S. R., Van der Heijden, M. (eds) Chinese Posters: The IISH-Landsberger Collections. New York, London: Prestel. pp. 8-20.
  20. Zhonghua quanguo meishu gongzuozhe xiehui [All-China Art Workers Association] (comp.) (1950) Xin nianhua xuanji [A collection of selected new nianhua]. Shang xia ce. Beijing. 60 p.
  21. Vostochnyj otdel NB SPbGU, Inventarnaya kniga № 91 (9), yanv.-okt. 1951 g. Daty zapisi: 8 maya i 27 iyunya 1951 g. [Oriental Department of the Academic Library of St. Petersburg State University, Inventory Book No. 91 (9), Jan.-Oct. 1951 Record Dates: May 8 and June 27, 1951].

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD **Maiatskii Dmitrii**

Department of Chinese philology

St.Petersburg State University

199034, St.Petersburg, Universitetskaya emb., 11

Russia

d.mayatsky@spbu.ru, taishan@yandex.ru

Принята к публикации: 10.12. 2019 г.

Submission Date: 2019.12.10

**ЭПИСТОЛЯРНАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(В.Р. РОЗЕН, В.В. БАРТОЛЬД, П.К. КОКОВЦОВ, В.Ф. МИНОРСКИЙ)¹**

**EPISTOLARY CHRONICLE OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES
(V. R. ROSEN, V. V. BARTHOLD, P. K. KOKOVTSOV, V. F. MINORSKY)**

Валеев Р.М.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Российская Федерация, e-mail: valeev200655@mail.ru

Валеева Р.З.

Казанский инновационный университет (ИЭУП), г. Казань, Российская Федерация

Василюк О.Д.

Институт востоковедения имени А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины, Украина, Киев, ул. Грушевского, 4

Мартынов Д.Е.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Мухаметзянов Р.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Хайрутдинов Д.Р.

Казанский инновационный университет (ИЭУП) г. Казань, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В исследовательском фокусе современных ученых находятся теоретические, геополитические, социокультурные и историко-научные факторы, обусловившие формирование и развитие ключевых российских центров практического, академического и университетского востоковедения в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Киеве в XIX – первых десятилетиях XX в. Российская ориенталистика рубежа XIX – XX вв. отличалась институциональным разнообразием, оригинальным научным наследием и многоплановостью исследовательских направлений изучения зарубежного Востока Русского Востока. При исследовании феномена востоковедения в России и Советском Союзе особое внимание

ABSTRACT

The research of scholars engaged in the historiographical studies is focused on theoretical, geopolitical and socio-cultural factors which determined the formation and development of the key practical, academic and higher educational centers of Oriental studies in Moscow, St.-Petersburg, Kazan and Kiev in the late 19th – first decades of 20th century. Russian Oriental studies of the late 19th – early 20th centuries were characterized by institutional diversity, originality of the academic heritage and variety of research directions in the study of the East. In the course of the analysis of the phenomenon of Oriental studies in Russia and the Soviet Union a special attention is paid to the epistolary heritage of the Russian Orientalists. One of the important as-

¹Исследование проведено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-09-00331 «Эпистолярное наследие российских востоковедов на рубеже веков: переписка А.Е. Крымского, В.Р. Розена, Ф.Е. Корша, В.А. Жуковского, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Н.А. Медникова, П.К. Коковцова, В.Ф. Минорского (1890–1930е гг.)».

уделяется эпистолярному наследию отечественных ориенталистов. В настоящее время осуществляются поиск, изучение, систематизация и публикация переписки выдающегося арабиста, семитолога, тюрколога, ираниста и слависта А.Е. Крымского с видными востоковедами В.Р. Розеном, В.В. Бартольд, П.К. Коковцовым, Ф.Е. Коршем, В.А. Жуковским, С.Ф. Ольденбург, И.Ю. Крачковским, Н.А. Медниковым, В.Ф. Минорским и другими учеными в период 1890-х – 1930-х гг. В статье основное внимание уделено анализу переписки А. Е. Крымского с известными отечественными учеными-востоковедами В.Р. Розеном, В.В. Бартольд, П. Коковцовым и В.Ф. Минорским.

Ключевые слова и фразы: Россия, Восток, востоковедение, эпистолярное наследие, А.Е. Крымский, В.Р. Розен, В.В. Бартольд, П. К. Коковцов, В.Ф. Минорский.

Для цитирования: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Мартынов Д.Е., Мухаметзянов Р.Р., Хайрутдинов Д.Р. Эпистолярная летопись отечественного востоковедения (В.Р. Розен, В.В. Бартольд, П.К. Коковцов, В.Ф. Минорский). Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(4): 46-61

Период второй половины XVIII – начала XX столетия ознаменовался драматическим, но при этом успешным развитием российской науки о Востоке. Когорта выдающихся отечественных ученых-востоковедов, представителей многих народов России, обеспечила мировой уровень комплексных филологических, исторических, археологических, этнографических исследований в академических и университетских центрах Отечества. Важную роль в генезисе российского востоковедения сыграли Петербургская академия наук, университеты, научные общества и различные официальные органы власти России.

pects of these studies is the archival search, detailed examination, systematization and publication of the correspondence of the eminent scholar, Arabist, Semitologist, Turkologist, Iranist and Slavist A.E. Krymsky with V.R. Rosen, V.V. Bartold, P.K. Kokovtsov, F.E. Korsch, V.A. Zhukovsky, S.F. Oldenburg, I.Y. Krachkovsky, N.A. Mednikov, V.F. Minorsky and other prominent Orientalists in the 1890s–1920s. The article analyzes the correspondence of A.E. Krymsky with the well-known Russian scholars V.R. Rosen, V.V. Bartold and V.F. Minorsky.

Key words and phrases: Russia, Orient, Oriental studies, epistolary heritage, A.E. Krymsky, V.R. Rosen, V.V. Bartold, V.F. Minorsky.

For citation: Ramil M. Valeev, Roza Z. Valeeva, Oksana D. Vasylyuk, Dmitry E. Martynov, Rustem R. Mukhametzhanov, Dinar R. Khairutdinov. Epistolary chronicle of Russian Oriental studies (V. R. Rosen, V. V. Barthold, P. K. Kokovtsov, V. F. Minorsky). Modern oriental studies. 2019; 1(4): 46-61

Исследования отечественных ориенталистов имели широкий региональный, хронологический и проблемный диапазон. Во многом истоки современного отечественного и международного авторитета российской школы и центров востоковедения были связаны с исследованиями классического и современного циклов. Отечественное востоковедение и востоковедная мысль объективно способствовали осознанию величия истории и культуры народов полиэтничной и поликонфессиональной России, осмыслению значимости взаимодействия европейских и азиатских исторических и идейных символов, географического и историко-культурного взаимодействия

и постижению сути все еще не раскрытого феномена моста между Востоком и Западом² и того, что, как писал выдающийся российский философ Николай Бердяев, «Россия должна сознавать себя ... Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем».³

Университеты Российской империи в XIX – начале XX столетия, претворяя в жизнь свою социально-политическую, научную и культурную миссию, играли важную роль в реализации классической модели «идеала университета» и «университетской идеи»⁴. Востоковедение как новое гуманитарное и научно-просветительское направление российского университетского сообщества Нового времени следовало лучшим образцам классического европейского университетского образования в деле «возвышения и распространения науки», «приращения научного знания», развития интеллекта и личности студента. Университетские уставы 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. развивали институциональные основы моделей классического и прикладного востоковедения высшей школы России. Тенденция усиления специализации университетского востоковедения и его органичной интеграции с Академией наук на протяжении XIX в. была связана как с требованиями «чистой науки» о Востоке, так и с необходимостью подготовки кадров для государственной службы и реализацией внутренней и внешней политики империи.

² Соловьев В. Русская идея. М., 1911. С. 15.

³ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 28.

⁴ Андреева Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы. XVIII – начало XX в. М., 2009; История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2. СПб., 2005 и др.

Востоковедение в России в XIX – начале XX столетия было неразрывно связано с геополитическим, общественным и культурным развитием империи. Официальный курс общеимперской самодержавной политики по отношению к «инославным», «иноверным» подданным, «языческий», «исламский» и «буддийский» факторы и другие политические и духовные явления находили отражение на различных этапах истории востоковедения. При этом особо подчеркнем, что данная образовательная, исследовательская и социокультурная традиция изучения Востока сыграла важную роль в ослаблении традиционного европоцентристского стереотипа восприятия Востока и сглаживании представлений об «азиатском варварстве и фанатизме», «деструктивном мусульманском факторе», «панисламизме», «пантуранизме», «татаризации» и т.п.⁵

В процессе формирования институциональной модели образования и науки о Востоке российское университетское востоковедение вступало в противоречие с имперской властью. В этом отношении показательны «дело профессоров» 1821 г. и реакция ряда авторитетных наставников на расправу с «неблагонадежными профессорами» Петербургского университета.

⁵ В официальном документе от 15 января 1911 г. Министерства внутренних дел «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюрокскому влиянию) среди мусульманского населения» отмечалось: «В последние десятилетия во всем мусульманском мире обнаруживается чрезвычайный подъем как религиозного, так и национально-культурного самосознания. Не оставшись чуждым и России, это движение проявилось среди населяющих ее разноплеменных и разноязычных народностей исповедующих ислам, в явном стремлении их к тесному сплочению между собою на почве искусственно создаваемой татаризации, к обособлению от общегосударственных культурных задач и к духовному сближению с единоверными государствами, главным образом с Турцией» (См.: Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. Предисловие, примечания и комментарий Д.Ю. Арапова // Восток. 2003. № 2. С. 126).

По свидетельству патриарха российской арабистики И.Ю. Крачковского, приглашенные в Петербургский университет известные французские профессора «Шармуа и Деманж⁶, как люди чести, устранились от участия в грязной провокации и отказались от должности», в результате с осени 1821 г. «преподавание восточных языков шло с большими перерывами, а 25 июля 1822 г. оба профессора вообще покинули университет»⁷.

Оценивая деятельность первого декана восточного факультета Санкт-Петербургского университета Мирзы (Александра Касимовича) Казем-Бека (1855–1859 гг.), И.Ю. Крачковский подчеркивал, что «пятилетний период деканства был в сущности борьбой между практическим и научным уклоном в работе молодого Факультета, где Казембек поддерживал первое направление»⁸.

На рубеже XIX – XX вв. в идеологии и практике самодержавной политики «в области государственно-культурной и просветительской деятельности» особое внимание обращалось на «усиление существующих научных средств изучения русского мусульманского Востока соответственным расширением ... факультетов С.-Петербургского и Казанского университетов». Одним из конкретных перспективных мероприятий было признано образование в Казани, «как одном из центров мусульманства, восточного отделения при филологическом факульте-

те университета для изучения восточных языков, истории и быта восточных народов, населяющих как Россию, так и прилегающие к ней государства исповедующих ислам»⁹.

Особое место в истории российского и зарубежного востоковедения, в истории и культуре народов современной России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Украины и др. занимают ключевые центры востоковедения в Петербурге, Москве и Казани – Азиатский музей, Санкт-Петербургский, Московский и Казанский университеты, Лазаревский институт восточных языков, Восточная комиссия Московского археологического общества, Восточное отделение Русского археологического общества и другие учебно-научные центры с их богатыми исследовательскими и гуманитарными традициями в изучении араб-мусульманского мира и значимым наследием выдающихся ученых и практиков.

Исключительную роль в формировании облика отечественного востоковедения сыграли такие корифеи науки о Востоке в целом и араб-мусульманских штудий в частности, как Х.Д. Френ (1782–1851), А.К. Казем-Бек (1802–1870), В.Р. Розен (1849–1908), Ф.Е. Корш (1843–1915), В.А. Жуковский (1858–1918), В.В. Бартольд (1869–1930), И.Ю. Крачковский (1883–1951), Н.А. Медников (1855–1918), П.К. Коковцов (1861–1942), В.Ф. Минорский (1877–1966), Б.В. Миллер (1877–1956). Это лишь некоторые имена исследователей и наставников, внесших весомый вклад в отечественную ориенталистику и востоковедное образование XIX – XX вв.

⁶Ученики Сильвестра де Саси – Жан Франсуа (Иван Францевич) Деманж (1789–1839) и Франсуа Бернар (Франц Францевич) Шармуа (1793–1868) возглавляли кафедры в Петербургском университете.

⁷История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 145–146.

⁸Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. V. М.-Л., 1958. С. 89.

⁹Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу»... С. 132, 134.

В ряду основоположников академического и университетского востоковедения в области арабистики, семитологии, тюркологии, иранистики и славистики важное место принадлежит А.Е.Крымскому (1871–1942), ученому и просветителю крымско-татарского, польского и белорусского происхождения. В 1892 г. А.Е. Крымский окончил Лазаревский институт восточных языков, в 1896 г. – Московский университет. С 1898 по 1918 г. он работал профессором Лазаревского института восточных языков. С 1892 г. – член Московского археологического общества (МАО), в 1918–1942 гг. – секретарь Восточной комиссии МАО и академик Национальной Академии наук Украины. В 1896–1898 гг. А.Е. Крымский находился в научной командировке в Бейруте, где собрал уникальные материалы по истории и культуре Сирии и Ливана. А.Е. Крымский известен как автор классических работ в области арабистики, семитологии, тюркологии, османистики, иранистики, истории, языкознания, литературы, религии, фольклора и этнографии народов мира ислама. Его имя тесно связано с формированием отечественной ориенталистики на рубеже эпох. А.Е. Крымский сыграл особую роль в формировании Украинской Академии наук, будучи ее неперменным секретарем в 1918–1928 гг., он является одним из основоположников национальной школы востоковедения. Он также получил признание как выдающийся украинский писатель и один из создателей новой украинской литературы, был тесно связан с известными деятелями культуры Украины – И. Франко, Л. Украинкой, М. Коцюбинским, В. Гринченко и др.

А.Е. Крымский стал одним из крупнейших представителей московской школы востоковедения, активно сотрудничал с петербургской школой ориенталистики и оказал существенное влияние на развитие востоковедения в других российских учебных и академических центрах. Его отчасти опубликованная и еще полностью не введенная в научный оборот переписка с российскими востоковедами является бесценным источником информации по истории отечественного востоковедения конца XIX в. – начала XX в.

Биография и наследие А.Е. Крымского нашли достойное отражение в российской, украинской и, отчасти, в зарубежной историографии¹⁰. Вместе с тем перспективным остается дальнейшее изучение его богатого научного творчества.

Востоковед-ближневосточник и славист, обладавший энциклопедическими знаниями ученый и активный общественный деятель, он оставил значимый след в истории российской и мировой арабистики, иранистики и тюркологии. Язык и литература, история и культура и в целом наследие арабо-мусульманской цивилизации – основополагающие направления преподавательской и исследовательской работы А.Е. Крымского. И.М. Смилянская, выде-

¹⁰ См., например: Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973; Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. Л., 1925; Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973; Его же. Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.). М., 1968; Его же. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965; Долинина А.А. Невольник долга. СПб., 1994; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997; Кононов А.Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974; Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики; Гурницкий К.И. Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980.

ляя роль и значение ученого в истории отечественной гуманитарной науки на рубеже XIX – XX вв., писала: «А.Е. Крымский поражает разнообразием своих научных интересов, исследовательских и общекультурных. Являясь по преимуществу филологом, он был специалистом в области украинистики (и шире славистики), арабистом, семитологом, иранистом и тюркологом»¹¹.

А.Е. Крымского с полным правом можно назвать одним из последних «могикан» классической мировой ориенталистики рубежа XIX – XX вв. Кроме того, он является основоположником советской школы востоковедения, в особенности арабистики, иранистики и тюркологии. В одном из своих писем академику И.Ю. Крачковскому (8 декабря 1937 г.), сравнивая сессии арабистов 1935 и 1937 гг., он писал: «Тогда – был один сплошной (выделено А.Е. Крымским – Авт.) праздник арабистики, задуманно сопровождаемый и Вашим юбилеем. Теперь ... – конечно, и теперь сохранилось отрадное впечатление, что, несмотря на все препоны, поставляемые арабистике в течение 20 лет. Она все же не умерла, а напротив, кое в чем даже процвела. Смотр научных сил оказался внушительный»¹².

Жизненный и творческий путь А.Е. Крымского подразделяется на три основных периода – московский (1889–1918 гг.), бейрутский (сирийско-ливанский) (1896–1898 гг.) и киевский (1918–1941 гг.), и именно с ними связана его востоковедческая переписка с уче-

¹¹ Смилянская И.М. Очерк востоковедной деятельности А.Е. Крымского // Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975. С. 303.

¹² Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930-х годов. Публ. И.М. Смилянкой // Известные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 277.

ными Москвы и Петербурга. Эмоциональные и содержательные письма А.Е. Крымского представляют несомненный интерес для осмысления научных поисков, достижений и в целом духовных исканий российских ориенталистов. По сути, мы имеем дело с уникальным материалом, который позволяет пролить свет на социальные и психологические факторы, повлиявшие на жизнь и творческий поиск ученых.

А.Е. Крымский состоял в переписке с такими выдающимися представителями отечественного востоковедения, как В.Р. Розен, В.В. Бартольд, П.К. Коковцов, В.Ф. Миллер, Ф.Е. Корш, И.Ю. Крачковский, В.А. Гордлевский, В.Ф. Минорский, Б.В. Миллер и др. Определяя значимость эпистолярного наследия А.Е. Крымского на примере его переписки с И.Ю. Крачковским в 1923–1940 гг., И.М. Смилянская делает акцент на том, что их письма являются «бесценным источником для изучения духовного опыта, логики творческого процесса, научных принципов, атмосферы научной и общественной жизни востоковедов в первые советские десятилетия»¹³. Действительно, письма А.Е. Крымского передают дух той эпохи, и одновременно отражают характерные черты личности их автора. Выдающийся украинский писатель Иван Франко отмечал: «Он старается быть как можно объективнее, правдивее, не утерять ни крупинки той правды, которую постиг душой, и переливает ее на бумагу со всеми, иной раз совершенно случайными, аксессуарами, к каким, разумеется, в первую голову принадлежат личные настроения и чувства»¹⁴.

¹³ Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского... С. 7.

¹⁴ Франко И. Рец. на кн.: Крымский А. Пальмовые ветви // Франко И. Сочинения. Т. IX. М., 1959. С. 342.

На сегодняшний день наиболее полными публикациями, посвященными эпистолярному наследию А.Е. Крымского, являются работы, изданные в 1970–2000-е гг.¹⁵. Что касается локализации писем А.Е. Крымского отечественным востоковедам, которые охватывают период с 1890 по 1930 г., отметим, что они рассредоточены по различным хранилищам: письма находятся в личных фондах академик-востоковедов в Архиве РАН в Москве, Санкт-Петербургском Филиале Архива Российской академии наук (СПб АРАН), Архиве востоковедов Института востоковедения РАН, Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и других культурных центрах.

Не меньший научный интерес представляют адресованные А.Е. Крымскому ответные письма российских востоковедов, которые хранятся в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ) в Киеве. В частности, до нас дошли, помимо прочих, 4 письма П.К. Коковцова (1901–1909 гг.) и 13 писем Ф.Е. Корша (1897–1914 гг.). Также в фондах этой библиотеки находятся адресованные А.Е. Крымскому письма других известных ученых – 35 писем В.Ф. Минорского, 5 – С.Ф. Ольденбурга, 5 – В.П. Бузескула, 3 – А.А. Шахматова, 20 – Т.Г. Кезмы, 17 – М.О. Аттаи, 37 – П.Н. Лозеева и др.

¹⁵Кримський А.Ю. Твори в п'яти томах. Т. 5, кн. 1. Листи (1890–1917); кн. 2. Листи з Сирії та Лівану (1896–1898). Київ, 1973; Крымский А.Е. Письма из Ливана...; Кузнецова Н.А. Востоковеды-лазаревцы на рубеже двух веков по их письмам // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984. С. 122–144; Письма А.Е. Крымского И.Ю. Крачковскому. публ. и прим. А.Г. Недвецкого и И.М. Смилянкой // Восток. 1993. № 1. С. 150–169; Переписка академиком А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского... С. 155–368; Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. 1 (1890–1941 pp.); Т. 2 (1918–1941 pp.). Київ, 2005 и др.

Обратимся к обзору корреспонденций А.Е. Крымского В.Р. Розену, В.В. Бартольд, П. К. Коковцову и В.Ф. Минорскому, которые сыграли важную роль в его творческой биографии.

В фондах Санкт-Петербургского Филиала архива РАН хранятся 15 писем-автографов А.Е. Крымского, адресованных В.Р. Розену, а в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского – 3 ответных письма В.Р. Розена. Инициатором переписки выступил А.Е. Крымский, в то время молодой перспективный ученый. Она охватывает период 1898–1907 гг., насыщенный существенными переменаами в жизни двух ведущих центров востоковедения имперской России – московского Лазаревского института восточных языков и восточного факультета Санкт-Петербургского университета. В этот период А.Е. Крымский (после возвращения из командировки на Ближний Восток) жил и работал в Москве. Академик В.Р. Розен в 1872–1908 гг. преподавал арабский язык на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Барон В.Р. Розен относится к числу основоположников российской школы ориенталистики. В 1929 г. И.Ю. Крачковский, описывая «русские письма» востоковедов академику В.Р. Розену, находящиеся в Азиатском музее АН СССР, отмечал: «Здесь блестяще представлена славная плеяда тех учеников В.Р. Розена, с именами, которых тесно связана вся история русского востоковедения, начиная с 80-х гг.¹⁶»

Учебно-научная деятельность В.Р. Розена получила высокую оценку в отечественной историографии. «Успешное развитие русского востоковедения ..., – читаем в коллективной

¹⁶См.: Доклады АН СССР. 1929. № 12. С. 231.

монографии, посвященной истории отечественного востоковедения, – подготовленное всей историей изучения Востока в России, закономерно связывается с именем выдающегося ученого, педагога и организатора академика В.Р. Розена, воспитанника ФВЯ и его декана с 1893 по 1902 г.»¹⁷. А.Е. Крымский также оценил по достоинству заслуги своего маститого собрата. В посвященной В.Р. Розену статье, написанной для «Энциклопедического словаря Гранат», он писал: «В истории развития русского востоковедения 2-й полов. XIX в Р[озену], как организатору и учителю молодых (впоследствии крупных) ученых, принадлежит значительная роль»¹⁸. «В Зап. Европе, – продолжал А.Е. Крымский, – он особенно известен участием в издании старейшего арабского историч. свода Табария¹⁹ (серии III. Т. 3, Лейд. 1883–1884), эрудитным описанием на франц. яз. богатого собрания арабских и персидских рукописей мин. иностр. дел (1877–1891) и тесным научным общением со всеми выдающимися представителями европ. востоковедения»²⁰.

¹⁷ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 16. См. также публикации, посвященные наследию и памяти академика В.Р. Розена: Ал-Музаффариyyа. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872–1897. СПб., 1897; Веселовский Н. 30 лет ученой деятельности барона В.Р. Розена // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. С. 157–161; Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В.Р. Розена // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1909. Т. XVIII. С. 1–48; Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908–1948). под ред. И.Ю. Крачковского. М.-Л., 1947.

¹⁸ Энциклопедический словарь Товарищества бр. А. и И. Гранат: в 57 т. Т. 36, ч. III: Род – Россия. М., 1916. С. 129.

¹⁹ Ибн Джарир ат-Табари (839–923), известный как «отец мусульманской историографии», автор монументального труда «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей»).

²⁰ Энциклопедический словарь. С. 128.

Первое письмо академику В.Р. Розену А.Е. Крымский написал 4 октября 1898 г., последнее – 3 января 1906 г. Они были отправлены из Москвы, родного города Звенигородки и Ставрополя. Три сохранившихся письма В.Р. Розена А.Е. Крымскому были написаны в 1903, 1904 и 1907 гг. Переписка прекратилась со смертью В.Р. Розена 10 (23) января 1908 г.

В октябре 1898 г., во втором письме В.Р. Розену, А.Е. Крымский писал: «Кроме программы мое внимание было остановлено несколькими Вашими словами о моей работе “Очерк развития суфизма”²¹, которые еще раз заставили меня глубоко пожалеть о том, что мне не пришлось поучиться под Вашим руководством. Ваши слова – первая критика, которую я услышал: в течение девяти лет, которые я занимаюсь Востоком, я ни от кого из наших востоковедов никогда не мог найти никакой помощи, кроме филологической, и все (т.е. и методы, и источники, и пособия) должен был открывать самостоятельно»²².

В.Р. Розен не был непосредственным наставником А.Е. Крымского, но его младший коллега многое у него перенял, тем самым пополнив когорту учеников и последователей В.Р. Розена, которые, по оценке И.Ю. Крачковского, «могли продолжить и расширить его работу не только в научной области, но и в сфере организации и руководства в широком масштабе»²³. Свои научно-организаторские навыки А.Е. Крымский применил на посту неперменного

²¹ Крымский А.Е. Очерк развития суфизма до конца III века Гижры. М., 1895.

²² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб АРАН). Ф. 777. Оп. 2. Д. 228 [Письма А.Е. Крымского – В.Р. Розену]. л. 3–4.

²³ Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти... С. 7.

секретаря Украинской академии наук (1918–1928 гг.).

В 1899 г. А.Е. Крымский в письме, адресованном В.Ф. Миллеру²⁴, сообщая о своей работе над диссертацией, писал: «Чувствую себя при этой работе прекрасно, а симпатичные письма бар[она] Розена содействуют бодрости духа. Я не перестаю сознавать, что в научном отношении для меня было в высшей степени полезно знакомство с петербургскими ориенталистами вообще, а с бар[оном] Розеном в особенности»²⁵.

В дальнейшем А.Е. Крымский неоднократно возвращался к оценке личности и наследия В.Р. Розена. Наиболее рельефное отражение это получило в его письмах академику И.Ю. Крачковскому, написанных в киевский период его жизни. В письме от 1934 г., написанном А.Е. Крымским в связи с кончиной академика Н.Я. Марра²⁶, читаем: «И ... уже не стало многих представителей русского востоковедения. Гибнет оно. Теперь – умер Марр. Скоро не останется ни одного из той славной группы учеников бар. Розена»²⁷.

В 1935 г., после ознакомления с некрологом на смерть В.В. Бартольда, написанным И.Ю. Крачковским, сравнивая В.В. Бартольда с В.Р. Розеном, А.Е. Крымский писал: «Характеризован у Вас Бартольд очень рельефно, причем некролог не обращен в панегирик. ... Одной лишь черты Вы не уловили или, быть может, постес-

нялись уловить. У Бартольда совсем не было того свойства, которое присуще было незабвенному бар. Розену ... умение любовно обращаться с учениками, создавать учеников-товарищей, формировать, так сказать, “научную семью”»²⁸.

Не менее значима для истории отечественного востоковедения переписка А.Е. Крымского и В.В. Бартольда, которую они вели на протяжении многих лет и которая отражала их личное восприятие событий профессиональной и общественной жизни, благодаря чему мы можем уяснить их скрытую подоплеку.

А.Е. Крымский и В.В. Бартольд были людьми одного поколения, оба исповедовали сходные общественные и научные идеалы, но выросли в разных социокультурных условиях. Оба получили блестящее образование и стали звездами российской ориенталистики. Оба были востоковедами широкого профиля, признанными специалистами в области арабомусульманской цивилизации. Оба были избраны академиками (В.В. Бартольд в 1913 г. в РАН, А.Е. Крымский, как ранее указывалось, в 1918 г. в УАН).

В фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского хранится 9 писем В.В. Бартольда, адресованных А.Е. Крымскому, а в фондах Санкт-Петербургского архива РАН – 7 ответных писем А.Е. Крымского. Они охватывают временной промежуток с 1908 по 1928 г., подразделяясь на два периода – дореволюционный и советский.

Переписка открывается письмом В.В. Бартольда от 12 декабря 1908 г.²⁹, в котором уче-

²⁴ Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) – российский фольклорист, этнограф, языковед и археолог. Известен как один из организаторов востоковедческого образования в России.

²⁵ Крымский А.Ю. Твори в п'яти томах. Т. 5. Кн. 1... С. 337.

²⁶ Николай Яковлевич Марр (1864–1934) – известный российский востоковед, кавказовед, этнограф и археолог.

²⁷ Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского... С. 212–213.

²⁸ Там же. С. 219–220.

²⁹ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее – ИР НБУВ). Ф. I, Д. 22664. л. 1–1 об.

ный делится своими впечатлениями после прочтения полученного от А.Е. Крымского экземпляра нового издания его работы «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии»³⁰.

В следующем письме В.В. Бартольда, от 11 февраля 1909 г., не только содержится продолжение обсуждения «Истории Персии», но и затрагивается более широкая тема, связанная с состоянием отечественной востоковедной науки и образования в начале XX в. «Что касается Ваших книг, – пишет В.В. Бартольд, – то я объясняю многие из их недостатков, помимо тех условий, в которых Вам приходится работать, и других причин, еще состоянием нашей науки. Я вполне признаю, что в этом отношении существует своего рода *circulus vitiosus* (порочный круг. – Авт.): для сколько-нибудь отчетливого представления [о] деталях необходимы, особенно для студентов, общие курсы политической истории, между тем, пока не исследованы детали, невозможно сколько-нибудь ясное представление о целом и внесение причинной связи событий ... Вы пишете, что вследствие излагаемых Вами причин Ваши работы “будут появляться лишь в минимально сносном виде”, а не в том, в каком бы Вы хотели их видеть. Мне кажется, что не только Вы, но и никто другой не в состоянии написать теперь в два-три года (Ваши книги, если не ошибаюсь, пишутся гораздо быстрее) сколько-нибудь сносную книгу под заглавием: “История Персии, ее литературы и дервишеской теософии”. Для этого требуется труд целой жизни; о более высоких ступенях совершенства не приходится и мечтать»³¹.

³⁰ Первое издание: Крымский А.Е. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. Т. 1. Вып. 1. М., 1901.

³¹ ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 22665. л. 1-1 об.

В дальнейшем, в небольшом письме от 12 октября 1913 г., А.Е. Крымский сердечно поздравил В.В. Бартольда с его избранием академиком РАН: «Сегодня прочитал в газете о Вашем избрании в Академию – и от души Вас поздравляю, или вернее – поздравляю Академию с приобретением такой крупной научной силы». И далее делает приписку: «Пользуюсь случаем напомнить Вам, Вы прежде имели по отношению ко мне очень приятную для меня привычку – присылать оттиски всех работ. В последнее время я от Вас ничего не получал.. Буду благодарен, если Вы меня вновь поместите в список тех, кому рассылаете оттиски и труды»³².

Особенно информативной и актуальной для нашего времени является дошедшая до нас корреспонденция, датированная 1922 г. Это два письма В.В. Бартольда – от 6 августа и 1 сентября и письмо А.Е. Крымского от 19 августа, значительные по объему и охватывающие многие актуальные научные и общественные вопросы.

Прежде всего в этом блоке мы находим много примечательных сведений о перипетиях в востоковедной науке послереволюционной поры. Так, В.В. Бартольд информирует А.Е. Крымского о кончине ряда коллег: «Об условиях нашей здешней жизни Вы, вероятно, осведомлены, знаете и о наших последних потерях: смерти молодого арабиста И.П. Кузьмина, в котором мы надеялись получить первого русского специалиста по арабской философии, и почти одновременной смерти тюрколога и османиста В.Д. Смирнова (1846–1922) и его молодого ученика П.А. Фалева (1888–1922). На некоторое время – надеюсь, ненадолго – против своей воли пришлось выбыть из нашей

³² СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. л. 2.

среды И.Ю. Крачковскому»³³. Потрясенный А.Е. Крымский пишет в ответ: «Я с жадностью прочитал Ваши сообщения о жизни петербургских ориенталистов. Смерть Кузьмина, Фалева, Смирнова – все это для меня новость, грустная, жгуче скорбная новость. Жив ли Коковцев? Мне известно было лишь, что скончались Жуковский, Залеман, Тураев, Медников. Нет ли еще жертв смерти? Ужас охватывает при виде этого синодика»³⁴. Получив письмо В.В. Бартольда, А.Е. Крымский не сразу осознал, что случилось с И.Ю. Крачковским. Он спрашивает В.В. Бартольда: «Вы пишете: “Пришлось выбыть из нашей среды, против своей воли, И.Ю. Крачковскому”. Что это значит? Где же он?», и в конце письма снова добавляет: «Хотел бы переслать через Вас привет Крачковскому, но из Вашего письма выходит, что его нет в Петербурге. Повторяю свою просьбу, сообщите мне, что случилось с ним»³⁵. Пояснения В.В. Бартольда последовали в следующем письме: «Я думал, что Вы поймете “описательное” выражение о Крачковском; теперь Вам и из наших газет, если они доходят до Вас, известно о многочисленных арестах среди ученых; Кр[ачковский] оказался в числе их, хотя, насколько нам известно, всегда был очень далек от политики. До сих пор он не освобожден; в чем его обвиняют и что с ним намерены делать, пока достоверно не известно»³⁶.

³³ ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 22666. л. 2–2 об.

³⁴ СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. л. 9.

³⁵ СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. л. 9–10.

³⁶ ИР НБУВ, ф. 1, д. 22667. Л. 3. В июле 1922 г. ППУ арестовало И.Ю. Крачковского, ему было предъявлено вымышленное обвинение в шпионаже в пользу Финляндии. Он был освобожден в январе 1922 г. только в результате ходатайств Академии наук и коллег.

Комплексное изучение истории и культуры семитских народов на рубеже XIX – начала XX в. в Европе и России стало одним из ключевых направлений классического востоковедения. Семитология как важный раздел сравнительного языкознания и ведущее направление ориенталистики сформировалась как комплексная историко-филологическая и историко-культурологическая наука и получила статус академической и университетской дисциплины.

В конце XVIII – начале XX в. в Европе и России углубляются языковедческие, исторические, источниковедческие, культурологические основы отдельных дисциплин семитологии – библеистики, арабистики, гебраистики, ассириологии, эфиопистики и других направлений комплексных исследований древнего и современного семитского географического и историко-культурного пространства Передней Азии и Африки. Достаточно вспомнить имена таких европейских ученых-семитологов, как К. Броккельман (1868–1956), Ю. Велльгаузен (1844–1918), В. Гезениус (1786–1842), И. Гольдциер (1850–1921), И. Готфрид (1744–1803), К. Ф. А. Дильман (1823–1894), Э. М. Катрмер (1782–1857), Р. Киттель (1853–1929), Т. Нельдеке (1836 – 1930), М. Лидзбарский (1868 – 1928), Ж. Э. Ренан (1823–1892), А. И. Сильвестр де Саси (1758 – 1838), Б. Штаде (1848–1906), И. Г. Эйхорн (1752–1827) и др. Их опубликованное наследие вызывало научный интерес отечественных ученых ведущих академических и университетских центров востоковедения, в том числе представителей российской комплексной семитологической историко-филологической и культурологической дисциплины.

В 1900 г. А.Е. Крымский в своей энциклопедической статье «Семитские языки» (Словарь

Брокгауза и Ефрона) отмечал, что данное понятие «введено Эйхгорном ... на основании 10-й гл. Бытия и сделалось общепринятым»³⁷. Основным источником для автора статьи стало второе издание пятитомного труда немецкого теолога и ориенталиста Иоганна Готфрида Эйхорна (1752–1827) «Einleitung in das Alte Testament» («Введение в Ветхий Завет», 1787 г.).

К этому периоду в России наметился важный исследовательский рубеж в развитии научной семитологии, ее академических и университетских направлений и становлении специальных университетских курсов в области арабистики, гебраистики, эфиопистики, египтологии, ассириологии и в целом изучении истории и культуры древних и современных семитоязычных народов Передней Азии. Связанные с семитологией институциональные и исследовательские процессы рубежа XIX – XX вв. нашли отражение в биографиях и наследии многих отечественных востоковедов, среди которых заслуживают упоминания такие отечественные академические ученые, как А.В. Болдырев (1780–1842), Х.Д. Френ (1782–1851), Г.П. Павский (1787–1863), А.С. Фиркович (1786–1874), Б.А. Дорн (1805–1881), К.А. Коссович (1815–1883), В.Ф. Гиргас (1835–1887), В.Р. Розен (1849–1908), Д.А. Хвольсон (1819–1911), А.Я. Гаркави (1835–1919), М.В. Никольский (1848–1917), Н.А. Медников (1855–1918), Б.А. Тураев (1868–1920), П.К. Коковцов (1861–1942), А.Я. Борисов (1903 – 1942), А.Е. Крымский (1871–1942), В.С. Голенищев (1856–1947) и др.³⁸.

³⁷ Крымский А.Е. Семитские языки // Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и Ф. И. Ефрон. Т. 29. Сахар – Семь мудрецов. СПб., 1900. С. 461.

³⁸ См.: История отечественного востоковедения с середины XIX до 1917 года. М., 1997; Белова А.Г. Семитское языкознание в России (XIX – XX вв.) // Восток. 2003. № 3. С. 23–35; Она же. Семитское языкознание в России (XIX – XX вв.) // Восток. 2004. № 3. С. 40–52; Шифман И.Ш. Основные этапы развития семитологии в России до 1917 г. подг. к изд., введ. и прим. А. Г. Грушевого // Письменные памятники Востока. 2007. № 1(6). С.246–265.

Еще в 1860-х гг. наряду с семитским языкознанием «история семитических народов» становится перспективным университетским предметом в рамках исторических курсов факультета восточных языков (ФВЯ) Санкт-Петербургского университета. В 1868 г. в связи с планируемой научной командировкой востоковеда и гебраиста А.Я. Гаркави в Западную Европу обозначилась университетская традиция: «Заняться именно теми предметами, для изучения которых отечество наше представляет наименее пособий – древностями египетскими, финикийскими, вавилонскими, ассирийскими»³⁹.

К началу XX в. российская университетская семитология имела не только ярко выраженную филологическую направленность, но также комплексный характер, что свидетельствовало об очевидном прогрессе специализации этой научной дисциплины. Семитская история и культура обретали свой академический и университетский статус в Академии наук, университетах и научных обществах (например, в Православном палестинском обществе). Семитская культура стала предметом университетского преподавания на ФВЯ Санкт-Петербургского университета и в Лазаревском институте восточных языков. Показателем роста значимости семитологии стало приглашение в 1855 г. на кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности ФВЯ профессора Д.А. Хвольсона. В 1907–1917 гг. свою роль в развитии семитологии сыграло «еврейско-арабско-сирийское отделение» (разряд) Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

В первые десятилетия XX в. А.Е. Крымский читал общесемитологические курсы на специальных курсах Лазаревского института восточных языков и издавал соответствующие учебные

³⁹ Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Работы по истории востоковедения. М., 1963. Т. 1. С. 10–11.

пособия. Среди них выделим «Лекции по истории семитских языков, читанные в 1901–1902 acad. году», «Семитские языки вообще и арабский язык доклассический» (М., 1902), «Лекции по истории семитских языков, читанные в 1901–1902 acad. году. Классический арабский язык. С прилож. перевода двух глав из ибн-Акыля» (М., 1903) и особенно «Семитские языки и народы. Т. Нельдеке в обработке А. Крымского (С участием П.К. Коковцова). Ч. 1.» (М., 1903).

В истории отечественной ориенталистики и семитологии научное и эпистолярное наследие семитолога-энциклопедиста П.К. Коковцова⁴⁰ и востоковеда широкого профиля А.Е. Крымского занимают видное место.

«Уникум» и «семитолог-энциклопедист» П. К. Коковцов в оценке И. Ю. Крачковского: «...Старейший по избранию член Академии наук СССР, старейший представитель славного поколения учеников Виктора Романовича Розена, которое яркими именами Ольденбурга, Марра, Бартольда вписало блестящую страницу в историю нашей науки»⁴¹.

⁴⁰ Коковцов П.К. Коковцов Павел Константинович // Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии Наук. Ч. 1. Пг. 1915. С. 326; Пигулевская Н.В. Памяти акад. П. К. Коковцова // Вестник Академии наук СССР. 1942. № 4. С. 103 – 107; она же. Академик Павел Константинович и его школа // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 5. – С.106-118; Крачковский И.Ю. П.К. Коковцов (1861-1942) в истории русского востоковедения // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. III. М., 2008. С. 19-31 (Впервые данная статья была опубликована в Известиях Академии наук СССР. Отд. лит. и языка. 1944. Т. III. Вып. 6); Избранные письма А.Я. Борисова П.К. Коковцову. Из переписки выдающихся русских семитологов // предисловие и публикация И. С. Смеловой, Е.О. Шухман // Труды Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН. Вып. 1. Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944). М., 2011. С. 33-69; Орбели Р.Р. Письма В. В. Стасова к П. К. Коковцову // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961. С. 199-207 и др.

⁴¹ Крачковский И. Ю. П. К. Коковцов (1861 – 1942) в истории русского востоковедения // Избранные сочинения. Т. V. М.-Л., 1957. С. 416.

В эпистолярном наследии этих двух выдающихся представителей отечественного востоковедения нашли отражение их научные интересы, творческие планы и активное обсуждение увидевших свет работ, что дает представление о состоянии российской семитологии начала XX столетия. Одним из направлений их деятельности стали перевод на русский язык и публикация исследований известных европейских семитологов. В частности, в 1902 г. была опубликована под редакцией и с дополнениями профессора П. К. Коковцова работа по истории сирийской литературы известного английского ориенталиста В. Райта⁴².

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН (далее – СПбФ АРАН) и Институте рукописи Научной библиотеки Национальной Академии наук Украины в Киеве были обнаружены письма-автографы А.Е. Крымского и П.К. Коковцова, относящиеся к периоду 1901–1932 гг. Всего в Санкт-Петербургском филиале архива РАН⁴³ сохранились 9 писем профессора Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ) и академика Украинской академии наук А.Е. Крымского, адресованных профессору восточного факультета Санкт-Петербургского университета П.К. Коковцову. Семь писем дореволюционного периода (1901–1909 гг.) были отправлены из Москвы, Звенигородки (Киевская губерния) и села Болшево (Московская губер-

⁴² Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы. Пер.с англ. К. А. Тураевой, под ред. и с доп. Проф. П. К. Коковцова. СПб., 1902. «Краткая история сирийской литературы» В. Райта была написана как энциклопедическая статья для Энциклопедии «Британика» (Encyclopaedia Britannica). В 1894 г. она была переиздана и стала учебным пособием для студентов. Вильям Райт (1830–1889) – автор популярной грамматики арабского языка (1859, 1875 гг.), профессор арабского языка в Лондонском университетском колледже (1855–1856 гг.), в колледже Святой Троицы в Дублине (1856–1861 гг.) и в Кембриджском университете (1870–1889 гг.).

⁴³ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 779, оп.2, д. 230.

ния). Два письма советского периода датированы (30 июля и 16 августа 1932 г.) и посланы академику П. К. Коковцову из Звенигородки Киевской области Украинской ССР.

В фондах ИР НБ НАН Украины хранятся два дореволюционных письма П.К. Коковцова экстраординарному профессору арабской словесности ЛИВЯ А. Е. Крымскому (от 15 марта 1901 г. и 10 февраля 1909 г.). В дальнейшем они будут опубликованы с соответствующими комментариями.

Не менее значима для истории отечественной востоковедной науки переписка А.Е. Крымского с видным иранистом и тюркологом В.Ф. Минорским, который был его учеником в Лазаревском институте восточных языков. До учебы в Лазаревском институте восточных языков, который он окончил в 1903 г., В.Ф. Минорский прошел курс обучения на юридическом факультете Московского университета (окончил в 1900 г.). С 1904 г. он трудился на дипломатическом поприще на Ближнем Востоке. Карьеру дипломата В.Ф. Минорский начал в Иране (1904–1907 гг.), с 1911 г. работал в составе смешанной англо-русско-турецко-персидской комиссии по демаркации турецко-иранской границы, а в 1916 г. был назначен советником российского посольства в Тегеране. После 1917 г. В.Ф. Минорский жил и работал за границей. В 1919 г. он переехал из Ирана во Францию, где с 1923 г. читал курсы лекций по персидской литературе в Национальной школе живых восточных языков в Париже, позднее – по истории ислама и Турции в различных учебных центрах Франции. В 1932 г., переехав в Англию, В.Ф. Минорский начал преподавать фарси и читать лекции по литературе и истории Ирана в Школе восточных исследований Лондонского университета⁴⁴. Он известен как автор

работ по истории, языку, литературе, духовной культуре и географии народов Ближнего и Среднего Востока, пользовавшихся широкой известностью в академических кругах. По выходе на пенсию в 1944 г. В.Ф. Минорский избрал местом постоянного жительства Кембридж, который покидал для чтения лекций (в 1948–1949 гг. читал курсы лекций в Каирском университете). Его заслуги перед наукой получили мировое признание. В.Ф. Минорский был действительным членом Британской и Французской академий наук, почетным членом и членом-корреспондентом ряда европейских научных обществ, доктором Брюссельского и Кембриджского университетов, профессором Лондонского университета, в 1962 г. был награжден золотой медалью британского Королевского Азиатского общества. В год кончины В.Ф. Минорский принял участие в XXV конгрессе востоковедов в Москве⁴⁵.

А.Е. Крымский всегда живо интересовался судьбой и научными изысканиями своего выдающегося ученика и наладил с ним переписку после переезда в 1918 г. в Киев. В личном фонде В.Ф. Минорского в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге находятся послания А.Е. Крымского В.Ф. Минорскому, всего 8 писем и 1 открытка⁴⁶. Эпистолярный В.Ф. Минорского к А.Е. Крымскому хранится в киевском Институте рукописи Национальной библиотеки Украины

⁴⁵ В.Ф. Минорский похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

⁴⁶ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Ф. 134. Оп. 3. Д. 640. Фонд В.Ф. Минорского. Эти документы занимают 22 листа и представляют собой автографы и машинописные материалы. Послания А.Е. Крымского В.Ф. Минорскому были отправлены из Москвы, Трапезунда, Звенигородки и Харькова и датируются 4 июня 1910 г. (л. 6–7 об.), 10 октября 1916 г. (л. 8–11), 13 августа 1917 г. (л. 1–2 об.), 20 октября 1917 г. (л. 3–4, открытка), 21 октября 1917 г. (л. 5), 20 января 1925 г. (л. 12–14 об.), дата получения от 4 апреля 1925 г. (л. 15–16), 22 августа 1925 г. (л. 17–18 об.) и 23 октября 1925 г. (л. 19–21 об.).

⁴⁴ School of Oriental and African Studies, University of London.

им. В.И. Вернадского⁴⁷. Он включает 23 послания, написанных в период с 4 января 1904 г. до 21 апреля 1911 г. и отправленных из Москвы, Санкт-Петербурга, Тегерана, Тебриза и Баку.

Являясь оригинальными автографами А.Е. Крымского и В.Ф. Минорского, эти письма включают содержательные характеристики арабистических, иранистических и тюркологических исследований в России в первой четверти XX в., в них отражены исследовательские позиции, политические взгляды двух неординарных мыслителей и их эмоционально-психологический настрой.

Переписка этих маститых ученых, до настоящего времени не введенная в научный оборот, является объектом исследования в рамках проекта, цель которого – изучение, систематизация и подготовка к публикации неизвестного эпистолярного наследия отечественных востоковедов, творивших на рубеже XIX – XX столетий, и конкретно исследовательская работа с перепиской А.Е. Крымского с В.Р. Розеном, Ф.Е. Коршем, В.А. Жуковским, С.Ф. Ольденбургем, В.В. Бартольдом, Н.А. Медниковым, П.К. Коковцовым и В.Ф. Минорским.

В целом «востоковедная составляющая» эпистолярного наследия А.Е. Крымского представляет несомненный интерес для современников по следующим причинам. Его письма и ответные письма ученых – автографы крупнейших российских востоковедов конца XIX в. – начала XX в. Эта переписка содержит материалы, дающие представление об их научной и общественной позиции, и позволяет оценить масштаб их личностей. И наконец, в них мы находим уникальные оценки того непростого времени, а также состояния российского востоковедения в целом, и арабистики, иранистики, тюркологии в частности.

⁴⁷ ИР НБУВ. Ф. 36. Д. 377–399 [Письма В.Ф. Минорского – А.Е. Крымскому].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ал-Музаффарий. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872–1897. СПб., 1897.
2. Андреева Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы. XVIII – начало XX в. М., 2009.
3. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Ф. 134. Оп. 3. Д. 640. Фонд В.Ф. Минорского.
4. Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.
5. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. Л., 1925.
6. Бердяев Н. Судьба России. М., 1990.
7. Веселовский Н. 30 лет ученой деятельности барона В.Р. Розена // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344.
8. Гурницкий К.И. Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980.
9. Данциг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965.
10. Данциг Б.М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.). М., 1968.
11. Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973.
12. Доклады АН СССР. 1929. № 12.
13. Долинина А.А. Невольник долга. СПб., 1994.
14. Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. 1 (1890–1941 pp.); Т. 2 (1918–1941 pp.). Київ, 2005.
15. Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. Предисловие, примечания и комментарий Д.Ю. Арапова // Восток. 2003. № 2.

16. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. 1. Д. 22664–22667 [Письма В.В. Бартольда – А.Е. Крымскому].
17. ИР НБУВ. Ф. 36. Д. 377–399 [Письма В.Ф. Минорского – А.Е. Крымскому].
18. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.
19. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.
20. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2. СПб., 2005.
21. Кононов А.Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974.
22. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. V. М.-Л., 1958.
23. Кримський А.Ю. Твори в п'яти томах. Т. 5, кн. 1. Листи (1890–1917); кн. 2. Листи з Сирії та Лівану (1896–1898). Київ, 1973.
24. Крымский А.Е. Очерк развития суфизма до конца III века Гижры. М., 1895.
25. Крымский А.Е. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. Т. 1. Вып. I. М., 1901.
26. Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975.
27. Кузнецова Н.А. Востоковеды-лазаревцы на рубеже двух веков по их письмам // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984.
28. Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908–1948). под ред. И.Ю. Крачковского. М.-Л., 1947.
29. Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В.Р. Розена // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1909. Т. XVIII.
30. Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930-х годов. Публ. И.М. Смилянкой // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997.
31. Письма А.Е. Крымского И.Ю. Крачковскому. Публ. и прим. А.Г. Недвецкого и И.М. Смилянкой // Восток. 1993. № 1.
32. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб АРАН). Ф. 777. Оп. 2. Д. 228 [Письма А.Е. Крымского – В.Р. Розену].
33. СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128 [Письма А.Е. Крымского – В.В. Бартольду].
34. Смилянская И.М. Очерк востоковедной деятельности А.Е. Крымского // Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975.
35. Соловьев В. Русская идея. М., 1911.
36. Франко И. Рец. на кн.: Крымский А. Пальмовые ветви // Франко И. Сочинения. Т. IX. М., 1959.
37. Энциклопедический словарь Товарищества бр. А. и И. Гранат. В 57 т. Т. 36, Ч. III: Род – Россия. М.: 1916.

INFORMATION ABOUT AUTHORS:

Valeev R.M.: Kazan (Volga) Federal University", Kazan, Russian Federation, e-mail: valeev200655@mail.ru

Valeeva R.Z.: Kazan Innovation University, Kazan, Russian Federation

Vasilyuk O.D.: Institute of Oriental Studies named after A.E. Crimean National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine, Kiev, st. Grushevskogo 4

Martynov D.E.: Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russian Federation

Mukhametzyanov R.R.: Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russian Federation

Khayrutdinov D.R.: Kazan Innovation University, Kazan, Russian Federation

Принята к публикации: 10.12. 2019 г.

Submission Date: 2019.12.10

ДИНАСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В ИСТОРИИ КИТАЯ И ТАЙПИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

DYNASTIC CYCLE IN THE HISTORY OF CHINA AND TAIPING REBELLION

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, д.и.н., профессор
Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ

Мартынова Юлия Александровна, к.и.н., доцент
Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ
dmitrymartynov80@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению теорий китайского династического цикла. Будучи сформирована в Древнем Китае эпохи Хань, теория эмпирически подтверждается событиями китайской истории и была отрефлексирована западной синологией. В России разработкой проблем династического цикла занимались С.А. Нefeldов (Екатеринбург) и О.Е. Непомнин (Москва), при этом предложенная ими типология отличалась. Попытка осмысления событий Тайпинского восстания в этом контексте позволяет по-новому посмотреть на его роль в структуре Цинского династического цикла, а также оценить причины поражения восстания.

Ключевые слова и фразы: историография, эпоха Цин, хронология, династический цикл, Тайпинское восстание.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Династический цикл в истории Китая и Тайпинское восстание. *Современные востоковедческие исследования*. 2019; 1(4): 62-84

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of theories of the Chinese dynastic cycle. Being formed in Ancient China of the Han era, the theory is empirically confirmed by the events of Chinese history and has been reflexed by Western sinology. In Russia, the development of problems of the dynastic cycle involved S.A. Nefeldov (Yekaterinburg) and O.E. Nepomnin (Moscow), while the typology they proposed was different. An attempt to comprehend the events of the Taiping uprising in this context allows us to take a fresh look at its role in the structure of the Qing dynastic cycle, as well as evaluate the causes of the defeat of the uprising.

Key words and phrases: historiography, Qing era, chronology, dynastic cycle, Taiping rebellion.

For citation: Martynov D.E., Martynova Y.A. Dynastic cycle in the history of China and Taiping rebellion. *Modern oriental studies*. 2019; 1(4): 62-84

ВВЕДЕНИЕ

Характерной особенностью функционирования социально-экономических институтов Китая является их циклический характер, что было рано подмечено европейскими исследователями. В результате новейших исследований в области социально-экономических отношений древнего и имперского Китая выяснилось, что циклический характер всего исторического цикла в Китае определяется рядом объективных факторов, прежде всего – социально-экологических.

Изучению и объективной оценке переходных периодов в китайской истории чрезвычайно мешают сложившиеся – равно в китайской и европейской гуманитарной науке – традиционные стереотипы.

В настоящей работе делается попытка на материале предложенных С.А. Нефёдовым и О.Е. Непомниним моделей династического цикла, рассмотреть особенности Цинского династического цикла и места и роли Тайпинского восстания в нём.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной российской синологии впервые к указанным проблемам обратился в начале 90-х гг. XX в. Э.С. Кульпин в ряде своих работ [10][11]. Воззрения Э.С. Кульпина на природу династического цикла и его место в системе наших представлений о китайской истории нашли своё место на страницах пособия крупного петербургского специалиста по культурологии – М.Е. Кравцовой [6, с. 92]. Уместным представляется краткое изложение данной теории.

В силу отсутствия возможностей к экстенсивному развитию, материальное благоденствие аграрного китайского общества поддерживалось равновесием между численностью населения и потребляемыми природными ресурсами. Поскольку вмещающий ландшафт и основные технологии оставались неизменными почти в течение двух тысячелетий, постольку основной задачей в управлении китайским традиционным обществом (сложившимся во II в. до н.э. в виде конфуцианской монархии) – становилось поддержание в неизменном виде порядков и систем ценностей, сложившихся в это время. Именно в эпоху Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.) складываются механизмы поддержания социального равновесия; государство для успешного функционирования гомеостатических механизмов создает условия для вовлечения всех грамотных людей в механизм управления (прямо или косвенно) [11, с. 17].

Судя по данным Э.С. Кульпина, циклическая схема смены династий ведет отсчет от экологического кризиса на Срединной равнине, имевшего место примерно в XI в. до н.э. и ставшего истинной причиной падения Иньского царства под ударами менее развитых, в том числе и в военном отношении, чжоусцев. Демографический кризис, впервые имевший место в истории китайского общества, а также ряд неудачных внутренних (между уделами) и внешних войн – привел к образованию фонда свободных земель (хотя земля официально считалась собственностью государя).

В дальнейшем, начало царствования новой династии ознаменовывалось наличием аграрного резерва для расширенного хозяйствования,

что позволяло поощрять демографическое воспроизводство. Однако рекультивация заброшенных земель требовала и расширения ирригационной сети, то есть усиления централизованного аппарата управления, и как следствие – роста бюрократического аппарата, вооруженных сил. Увеличение неизбежных финансовых затрат покрывалось увеличением налоговой ставки. Как только наступало исчерпание земельного фонда – демографический объем населения приближался к предельно допустимому уровню – наступала стадия стагнации правящего режима [6, с. 93].

Данная ситуация характеризовалась столкновением интересов государства (представленного чиновниками, выдвигавшимися на должность по результатам экзаменов на ученую степень и лишенных права заниматься предпринимательской деятельностью) и частного земельного капитала, представленного в древности держателями удельных владений, а с правления династии Сун (960–1279) – собственниками-магнатами, выходцами из чиновничьих и торгово-ремесленных кругов.

Деструктивные тенденции возникали из-за массового разорения мелких земельных держателей, составляющих основную часть налогоплательщиков. Это вело к массовой маргинализации села и появлению базы для массовых повстанческих движений. С другой стороны, укрепление экономических позиций крупных землевладельцев приводило к военному противостоянию столичному центру – «с другой стороны баррикад».

Конец каждого династийного цикла ознаменован массовым крестьянским восстанием

и многочисленными войнами региональных лидеров между собой и с правительством. На базе складывающихся региональных военно-политических группировок возникали переходные режимы – транзитивного периода.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Теория демографического цикла С.А. Нефёдова. Теория демографических (экологических) циклов использует экологические модели популяционной динамики. Начало теории было положено в 1926 г. публикацией монографии Раймонда Пирла, доказавшего, что изменение численности популяций описывается т.н. логистическим уравнением. Решением этого дифференциального уравнения является логистическая кривая. Поведение логистической кривой показывает, что численность популяции быстро возрастает в начале цикла, в условиях изобилия ресурсов и, как следствия, высокого потребления [19, с. 5–6]. Существование демографических циклов в истории (на материале экономической истории) было независимо друг от друга доказано Вильгельмом Абельем (1934) и Майклом Постаном (1939). Изложение данной теории в 60-е гг. заняло почетное место на страницах классиков новой исторической науки: Ф. Броделя, Р. Камерона, Э. Леруа Ладюри. Однако даже в 60-е гг. XX в. изучение цикличности исторического процесса ограничивалось преимущественно европейским материалом (средневековым и нововременным).

В конце 1990-х гг. екатеринбургским исследователем С.А. Нефёдовым была предпринята попытка конструирования математической модели, имитирующей экономические процессы,

протекающие в ходе демографического цикла. Не вникая в сущность авторской методики (неважной в данном контексте), важно отметить, что в процессе выделения циклов С.А. Нефёдов особое внимание уделял политической эволюции и эволюции отношений собственности, используя классификацию, в которой базовым элементом является частнособственническое общество [19, с. 8].

Исследователем была предложена типология, опирающаяся на 40 выделенных признаков демографического цикла [18]. Сущность цикла выглядит следующим образом:

1) *Период внутренней колонизации (период восстановления)*. В экологическом отношении данный период характеризуется наличием фонда свободных земель, неограниченными возможностями демографического прироста, ростом посевных площадей, низкими ценами на зерновые, дороговизной рабочей силы, относительно высокого (для традиционной экономики) уровня потребления, ограниченного развития города и ремесла, незначительное развитие аренды и ростовщичества.

2) *Период сжатия*, наступающий при исчерпании фонда свободных земель. Начинается рост цен на землю, для периода характерно крестьянское малоземелье, разорение мелких собственников, распространение аренды и ростовщичества, низкий уровень потребления рядового населения, падение уровня доходов, дешевизна рабочей силы, высокие цены на зерновые, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях. Имеет место демографическая стагнация, уход маргинализированных селян в города. Рост городов, развитие ремесла и торгов-

ли, активизация народных движений.

3) *Экосоциальный кризис*. Является следствием диспропорции между численностью населения и наличными продовольственными ресурсами.

Экосоциальный кризис может привести к уничтожению государства внешним противником. Если завоевание произошло в фазе сжатия, С. Нефёдов предусматривает понятие прерванного цикла. Циклы могут прерываться интерциклами, т.е. периодами, в ходе которых внутренние конфликты и внешние вторжения препятствуют экономической стабилизации [18, с. 6–7].

С.А. Нефёдов довёл свою типологизацию только до середины XVII в. В его изложении цикличность китайской истории структурируется следующим образом:

1) *Цикл эпохи Чжоу (до VI в. до н.э.)*. По мнению автора, продолжался значительно дольше обычного, в связи с созданием цивилизации. Начало его относится приблизительно к XVII – XVI вв., когда территория Северного Китая стала доменом племён шан (1766 г. по традиционной хронологии), а в XI в. до н.э. протогосударство Инь было завоёвано чжоусцами (1122 г. по традиционной хронологии). Завоеватели стали военным сословием, что привело к возникновению своего рода китайского феодализма, так что для династии Западное Чжоу (до 771 г. до н.э.) характерно феодальное землевладение при слабой центральной власти. В VI в. произошло сжатие, породившее на территории Китая ряд этатистских монархий.

2) *Цикл эпохи Чжаньго (V–III вв. до н.э.)*. Разорение крестьян, господство крупной

земельной собственности. Завершением этого цикла стала военная монархия Цинь Шихуана (221–209 гг.).

3) *Цикл эпохи Старшей Хань (конец III в. до н.э. – начало I в.)*. Слабая монархия и частнособственнические отношения соседствовали с феодалными уделами. В фазе Сжатия произошло возникновение (по Нефёдову – реставрация) этатистской монархии, однако крупное землевладение взяло реванш, привело к ослаблению монархии и демографической катастрофе.

4) *Цикл эпохи Младшая Хань (40–180 гг.)*. Реставрация монархии, наделившей крестьянство землёй, но не ограничившей права собственности. Для этого цикла впервые имеются данные по численности населения. В 180-е гг. началась очередная демографическая катастрофа.

5) *Цзиньский цикл (260–320)*. Господство этатистской монархии. Введение государственной собственности на землю и система уравнительного землепользования. Прерванный цикл: началось нашествие кочевых монголов-сяньби, создавших собственное государство, где стали привилегированным военным сословием.

6) *Вэйский цикл (400–540)*. Ему предшествовал примерно 80-летний интерцикл междуоубиц между национальными и инородческими государствами Севера и Юга Китая. В начале цикла – господство сословной монархии, в фазе сжатия – реставрация этатистской монархии. Восстание военного сословия привело к демографической катастрофе.

7) *Суйский цикл (540–620)*. Господство сословной монархии. Демографическая катастрофа (восстание 605 г.) привело к реставрации этатистской монархии.

8) *Первый танский цикл (630–755)*. Имеются данные о численности населения. Рост населения следовал логистическому закону. Демографическая катастрофа 755–762 гг. (восстание Ань Лу-шаня).

9) *Второй танский цикл (760–880)*. Господство этатистской монархии, существование надельной системы. В период сжатия – возвышение региональных военно-политических группировок и отмена надельной системы.

10) *Сунский цикл (950–1120, на Юге до 1260-х)*. Ему предшествовал 70-летний интерцикл. В фазе сжатия – усиление демографического давления и активная деятельность реформаторов по его преодолению. Резкое расширение экологической ниши существования ханьского народа и наивысший уровень развития экономики для традиционного общества. Кривая роста населения для эпохи Сун состоит из двух взаимосвязанных логистических кривых [18, с. 17–18]. В Северном Китае цикл был прерван нашествием тангутов и чжурчженей.

11) *Цзиньский цикл на севере Китая (1140–1210-е гг.)*. Господство сословной монархии. В фазе сжатия – восстановление этатистской монархии. Цикл прерван монгольским завоеванием.

12) *Юаньский цикл (1260–1360-е гг.)*. Полувековой интерцикл – монгольское завоевание. В Южном Китае монгольское завоевание не сопровождалось структурными социальными переменами. В фазе сжатия – восстание на Юге – восстановление национальной этатистской монархии.

13) *Минский цикл (1368–1644)*. Господство этатистской монархии. В фазе сжатия – формирование крупного землевладения. Возможно

появление базы для капиталистического развития общества. Цикл завершается грандиозным крестьянским восстанием и маньчжурским завоеванием.

Цикличность истории Китая в изложении О.Е. Непомнина. Собственную трактовку циклической модели на основе социально-экономических и экологических параметров теории С.А. Нефёдова предложил в конце XX в. О.Е. Непомнин [17, с. 7–10, 638–644]. Фактор цикличности впервые по О.Е. Непомнину проявился в эпоху Хань (202 г. до н.э.–220 г.) и стал неотъемлемой частью эволюции Среднего государства.

Начало цикла совпадает с установлением новой династии и знаменует собою фазу всеобщей разрухи. На смену ей приходила фаза восстановления, стимулирующая рост населения и экстенсивный способ хозяйствования (освоения залежей и целины). Наступал период стабилизации, когда на краткое время имело место равновесие площади пашни и численности крестьянских дворов. Далее наступало чрезмерное демографическое давление, пашня, т.е. крестьянский надел стремительно мельчал. В начальный период кризиса «лишнее» население могло уходить в город, или в сферу транспорта и горнодобывающих промыслов [17, с. 7].

Острый кризис наступал, когда уходящие из сельского хозяйства люди оказывались «выброшенными» из всех сфер экономики. Начиналась стремительная маргинализация, становящаяся питательной средой всякого рода бродяжничества, воровства и распространения милленаристских идей. Вооружённые восстания и крестьянские войны в такие периоды

затягивались на десятилетия. Стадией катастрофы заканчивался очередной династический цикл [17, с. 8].

Новой и оригинальной в данной трактовке была типологизация династических циклов. О.Е. Непомнин насчитывал их восемь. Почти все циклы именуются по именам царствовавших тогда династий, т.е. начало и конец цикла определялся сугубо династически. Очевидно, что такая датировка (и Олег Ефимович это оговаривает) весьма условна, т.к. точностью «до года» не соответствует размытости границ между стадией катастрофы предшествующего цикла и стадией разрухи наступившего [там же].

История Китая с учётом фактора цикличности по О.Е. Непомнину распадается на четыре неравных эпохи. В циклическую эпоху имели место шесть «больших циклов» (продолжительностью от 200 до 300 лет) и два «малых», один из которых незавершён. Типология выглядит следующим образом:

- 1) *Доциклическая эпоха* – от Шан-Инь до Хань (XVI–III вв. до н.э.).
- 2) *Два Ханьских цикла* – Ранний и Поздний (соответственно, 206 г. до н.э.–8 г. н.э. и 25–220 гг.).
- 3) *Межциклическая полоса* – от конца Позднеханьского до начала Танского цикла (III– начало VII в.). Это была эпоха политической раздробленности, междоусобных войн, смут и нашествий кочевников.
- 4) *Циклическая эпоха* – господство четырёх императорских династий: Тан (618–907), Сун (960–1279), Мин (1368–1644), Цин (1644–1912). В ходе данной эпохи имели

место два перерыва: период «Пяти династий» (907–960) и правление монгольской династии Юань (1279–1368).

В этом месте следует вернуться к прерванной XVII в. типологии С.А. Нефёдова. Все перечисленные О.Е. Нефёдовым династические циклы являлись «большими», но особенностью его модели является то, что правление Цинской династии не совпадает с циклом. Стадия катастрофы по Непомнину совпадает с Тайпинским восстанием, и таким образом, с 1870 г. начинается Тайпинский цикл (1870–1949) – наиболее короткий и противоречивый из циклов в китайской истории. Специфика его (в онтологическом плане) – в явном «вмешательстве» нового – линейного – начала в старый циклический механизм исторического развития. Начало синтеза старого и нового исторических начал, приведшее к сбою старого циклического обновления социоэкологической среды в стране, усиление социально-экономического кризиса¹. Конец цикла – милитаристская междоусобица 1910–1930-х гг. и Крестьянская война 1927–1949 гг. являлись слагаемыми традиционного циклического кризиса. В 1949 г. принципы синтеза и модернизации возобладали и наступил цикл, называемый О.Е. Непомниным циклом «Малого Сяокана» [17, с. 644].

Это напрямую выводит нас к соотношению линейного и циклического типов общественной эволюции в Китае и на Западе. По О.Е. Непомнину признаки линейной последовательности в эволюции Среднего государства про-

являлись до эпохи Хань. В Межциклическую эпоху (политически совпадающую с периодом Лючао традиционной китайской историографии) линейное начало отсутствовало, а циклическое было представлено «со сбоями», фрагментарно, с нечётко выраженными признаками. Коренной перелом произошёл только в VII в. [17, с. 9].

Обе предложенные модели (С.А. Нефёдова и О.Е. Непомнина) уязвимы для критики, которую мы будем вести с позиций традиционной китайской историографии.

Представления о времени в традиционной китайской цивилизации. Как показали исследования историка традиционной науки Н. Сивина, основы китайского календаря сформировались в Ханьскую эпоху. Календарь этот представлял собою сложную систему сплетённых между собою циклов, длительность которых определялась вычислением наименьших общих кратных, в соответствии с которыми строились большие циклы, приводившие в движение меньшие. Вся система объединялась «Циклом великого года» [5][25].

Самый общий, то есть последний цикл, объединял все известные в Китае пять планет (соотносимых с космологическими первоэлементами) в единую систему. В календарный цикл она входила как подсистема. Планетный цикл состоял из:

1) Цикла великого «парада планет» = 138 240 годам;

2) Тай суй («великого года»). Именем Тай суй именовалась некая невидимая планета «анти-Юпитер» (Юпитер – Му цинь). Цикл равен 2 626 560 годам, т.е. 5120 циклов «месяца

¹Дословно: «...В 1850 – 1864 гг. сработал демографический компонент, но династийной смены не произошло. В 1911 – 1913 гг. сработал династийный компонент, но уже без демографического сопровождения» [17, с. 640].

совпадения» или 19 циклов «Парада планет»;

3) *Главная эпоха Великого Предела*. Она насчитывала 171 цикл «Великого парада планет», т.е. 23 639 040 лет. Это – максимальная константа, на которую делятся все остальные. Календарный её смысл чрезвычайно значителен: в полночь первого дня первого года китайского 60-летнего цикла (соответствующего нашему веку) одновременно происходило новолуние и зимнее солнцестояние, причём Солнце, Луна и планеты находились на одной линии.²

Все эти календарные построения являются превосходной иллюстрацией особенности китайского хронологического циклизма: предполагалось, что каждые 23 639 040 лет повторяется одно и то же мгновение времени. Это, однако, парадоксально совмещалось с линейностью космического цикла – космос не разрушался и не создавался вновь в конце каждого временного цикла [21, с. 74].

В имперский период, когда складывается календарная теория и собственно китайское историописание, исторический процесс рассматривался как чередование сменяющих друг друга династийных циклов, о структуре которого будет сказано чуть ниже. Здесь важно то, что каждый цикл управлялся одним из первоэлементов, т.е. династия правила силою одного из первоэлементов. Первоэлементы сменяли друг друга в порядке взаимопреодоления (сян кэ): как Дерево преодолевается Металлом, так Металл одолевается Огнём; Огонь преодолевается Водой, Вода преодолевается Землёй, Земля – Деревом и т.д. до бесконечности.

²Таким днём было 24 декабря 104 г. до н.э., когда ханьский император У-ди (девиз правления Юань-шо) своим указом ввёл новый календарь.

Символика первоэлементов имела совершенно конкретные исторические воплощения. После провозглашения в 1583 г. маньчжурское государство первоначально носило имя «Цзинь» («Золотое», этот иероглиф означает первоэлемент «Металл») – в честь чжурчжэньской династии Цзинь (1127 – 1236), ибо маньчжуры считали себя потомками чжурчжэней, но и родового имени хана Нурхацы – Айсинь Гёро. Когда начались пограничные столкновения с империей Мин, возник довольно серьёзный вопрос: Сияющая династия (таков перевод этого названия) правила под циклическим знаком Огня (символический цвет – красный). Семейное имя минских государей было Чжу – «киноварно-красный», т.е. по системе *сян кэ* Огонь преодолевает Металл, и огонь Мин должен был растопить маньчжурское золото. В 1636 г. хан маньчжуров Абахай (1616 – 1644) проводит торжественное переименование династии, которая получает имя Цин («Чистая»). Ключом в иероглифе «Цин» служит элемент «вода»: т.е. вода Цин должна была залить огонь Мин [21, с. 75]. Действительно, в 1644 г. последний минский император повесился на ветвях вяза в дворцовом саду и маньчжуры овладели Китаем.

Историческое время и династический цикл. В конфуцианском универсуме человеком по определению являлся только монарх – единственная личность, его деяния оказывали особое воздействие на мироздание и особенно отчетливую реакцию. Недостойное поведение монарха вызывало знаменья отрицательной реакции Неба: появление комет, солнечные и лунные затмения. Невнимание государя к увещаниям приводило к стихийным

бедствиям (землетрясениям, камнепадам, наводнениям и проч.) и народным восстаниям. Если государь не исправлялся, тогда в общественном сознании династия теряла свой «небесный мандат»³ (*тянь мин*), и могла быть заменена новой.

Так мы совершаем переход к пониманию китайской культурой исторического времени. Традиционное китайское историописание (сосуществующее ныне с иной традицией, введенной с Запада) складывается примерно к оформлению Империи – в эпоху Хань. Уже в «Исторических записках» китайского «Отца истории» – Сыма Цяня исторический процесс, по сути, рассматривался как чередование сменявшихся друг друга исторических циклов. Общая схема исторического процесса – представляет собой *сочетание линейности и циклизма*. Циклы правления династий сменяются в линейной последовательности. Здесь следует упомянуть о чрезвычайной архаичности данной конструкции, которая является не просто линейной, но *линейно-регрессивной*. Хорошо известно, что конфуцианство относило эпоху Золотого века к глубокой древности. В рамках конфуцианства – это квазиисторическое время правления совершенномудрых государей Яо, Шуня и Юя, который явился основателем первой китайской династии Ся (2205 – 1766 гг. до н.э. в традиционной хронологии). Близки к стандарту совершенномудрого чжоуские правители (несомненно исторические) – У-ван и сын его Вэнь-ван. Позднее мир погрузился в смуту. По этому поводу великий китайский философ и историк Чжу Си (1130 – 1200) писал:

«Вот уже тысячу пятьсот лет Дао, переданное Яо, Шунем... и Конфуцием, не осуществлялось в мире ни единого дня» [22, с. 322].

В главе «Ли Юнь» («Обращение благопристойности») конфуцианского трактата «Ли цзи» («Записи о ритуале-ли») описывается порядок деградации человечества: от эпохи Великого Единения (*Да тун*) к эпохе Великого Процветания (*Тай кан*) затем – Малого Процветания (*Сяо кан*) после чего наступила эпоха Хаоса и Упадка (*Цзюй луань*). Конфуцианские реформаторы XIX в. (Кан Ю-вэй и Лян Ци-чао, Янь Фу) попытались развернуть схему уже в рамках прогрессистской модели: в результате реформ человечество сможет пройти все перечисленные этапы, вернувшись к обществу *Да тун*. Линейная регрессивная модель исторического времени оказалась вписанной в циклическую.

Ярчайшим представителем конфуцианского исторического синтеза оказался неоконфуцианский мыслитель Шао Юн. Шао Юн в трактате *Хуан цзи цзин ши* («Свыше предопределенное управление миром») ввел доктрину космических циклов, основанную на термине *юань* (первоначало) из «И-цзина». Космический цикл *юаня* был Шао Юном разделен на меньшие отрезки – *нянь* (год), *ши* (эпоха), *юнь* (поворот), *хуй* (совокупность). В каждом юане – 12 совокупностей, 30 поворотов. В каждом повороте – 12 эпох, в каждой эпохе – 30 лет (*нянь*). Продолжительность цикла равна 129 600 годам, так что начало нового цикла абсолютно соответствует началу предыдущего.

Основой для моделирования послужил китайский астрономический год: в юане столько же «совокупностей», «поворотов», «эпох»

³ Е.А. Торчинов предлагал для перевода *тянь мин* термин «харизма» [21, с. 67].

и «лет», сколько в году – месяцев, в месяце – суток, в сутках – часов (*зэн*, досл. «стражей»), в часах – минут. Основные этапы вселенского «года» были соотнесены с сезонами «И-цзина»: *юань* – начало, *хэн* – рассвет, *ли* – польза/выгода, *чжэн* – добродетель. Этим циклом нет начала и нет конца. Первый соответствует весне, последний – зиме (пустоте, предшествующей формированию нового универсума).

Основываясь на архитектонике гексаграмм «И-цзина», Шао Юн утверждал, что период расцвета мира и человека приходился на шестой отрезок цикла мироздания (соответствующий шестому месяцу года): эпоха совершенномудрых государей, передававших власть не сыну-наследнику, а наиболее достойному в Поднебесной человеку. Вся последующая история человечества (хронологически в неё Шао Яо-фу включал и нашу современность) относится к седьмой фазе вселенского цикла и рассматривается как начало упадка мира, причём упадок только прогрессирует. История человечества уже переменяла четыре ухудшающихся типа правления: *хуан* (Августейших), *ди* (владык), *ван* (царей), *ба* (тиранов/гегемонов). Каждый из этих типов также соотносится с сезонами: совершенномудрые правила весной, тираны-гегемоны Поднебесной – зимой.

Фактология по Шао Юну такова: августейшие и владыки-*ди* были государями мифической древности. *Ваны*-цари – династии Ся, Шан-Инь (1766, переименована в 1401, – 1122 гг. до н.э.) и Западное Чжоу (1122 – 770 гг. до н.э.). С упадком Чжоу – в периоды Чунь-цю и Чжань-го наступает эра гегемонов-*ба*, однако династия Хань едва не достигла уровня «эпохи ца-

рей» (теория *чжун син*, о которой ниже). Прочие династии вплоть до жизни Шао Юна – ещё хуже.

Типы правления отличаются средствами, которыми данное правление пользуется. Августейшие-*хуан* правили посредством Дао-пути, оказывая преобразующее влияние (*хуа*) на народ. Цари-*ваны* упорядочивали Поднебесную военными подвигами и властвовали над народом. Тираны-*ба* вели народы, применяя силу, делая основной упор на закон, ввергая Поднебесную в войны ради своей выгоды. Вся реальная история Китая Шао Юном, таким образом, оценивается крайне пессимистически как царство насилия и борьбы за выгоду.

Указанным образом великий мыслитель разработал модель исторического развития, совместившей в себе представления о постепенном развитии, расцвете и деградации общества с циклизмом природных стихий.

Китайский исторический циклизм имел под собой надёжную эмпирическую базу 2½ тысяч лет письменной истории. Китайские императорские династии неизменно проходили примерно аналогичные структурно и хронологически этапы становления, расцвета и упадка; их объединяла общность официальных конфуцианских идеалов, обращённых к прошлому, схожесть структур государственного аппарата и характер его функционирования и формирования.

Необходимость циклического обновления Поднебесной – смены династии и распада/собираения державы обосновывали две концепции: Небесного мандата (*Тянь мин*) и так называемого «тела династии». Династийный цикл, согласно китайским представлениям, подчинялся определенным закономерностям:

1. Основателем династии и обладателем Мандата Неба мог стать только совершенный мудрец, наделенный всеми возможными добродетелями. В течение многих поколений его предки занимались стяжанием благодати-дэ, пестующей всё сущее [13]. Данная чрезвычайно архаическая концепция дожила едва ли не до начала XX в. В 1189 г., уже сложившимся мыслителем великий Чжу Си писал в докладе трону: *«Я, подданный, полагаю: Государь одарен ясным разумом и высочайшей мудростью. Он обладает благой силой дэ, [выражающейся в] сыновней почтительности, дружелюбии и теплоте. Он наделен обширной гуманностью и грозностью, [которая выражается в] не прибегающей к убийствам божественной воинственности. Он питал свою благую силу дэ в течение 20 лет, а ныне получил [Небесный] мандат»*. Именно «накопленный» запас благодати-дэ позволял правителю исполнять мироподдерживающую функцию, одновременно испускаемая им благодать формировала тело династии.
2. Династия существует, покуда существует её тело, то есть династия обладает благодатью-дэ. Это обладание всецело зависит от добродетельности преемников основателя династии. Поскольку добродетельных монархов – меньшинство, постепенно наступает истощение благодати, в результате чего последний представитель династии лишается Небесного Мандата – передаваемого основателю новой династии. Если же не находится добродетельного кандидата на эту должность, то в Подне-
- бесной наступает великое нестроение и империя заменяется раздробленностью на неопределенный срок. Авторы династических хроник специально занимались подсчётами количества «хороших», «плохих» и «нейтральных» монархов в предыдущей династии.
3. *Чжун син* – «обновление в середине». Это своего рода «обновление» Небесного предопределения в период крайнего упадка управления. Само по себе это явление имеет место благодаря преумножению благодати-дэ добродетельным правителем, вступившим на престол в середине цикла. В результате династия стабилизируется и, соответственно, продлевается срок её пребывания на престоле. Теория *чжун син*, равно как и *сян кэ* имела фактическую основу. Наиболее яркими «возрождениями в середине» были:
  - а) 27 г. н.э., когда после восстания «краснобровых» и убийства Ван Мана произошла реставрация династии Хань (27–220).
  - б) 756 г., когда Танской династии удалось преодолеть хаос восстания Ань Лу-шаня, после чего империя просуществовала до 907 г.
  - в) 1127 г., когда благодаря бегству на Юг удалось восстановить династию Сун, царствовавшую до завоевания этого государства монголами в 1279 г.
  - г) 1861 г., когда в правление малолетнего государя Тун-чжи, благодаря энергичности вдовствующей императрицы Цы-си, министров Ли Хун-чжана и иных удалось преодолеть последствия Второй Опиумной войны, Третьей Опиумной войны и восстания тайпинов; начи-

нается медленный и крайне противоречивый процесс трансформации традиционной государственности Китая [26, р. 43–67], закончившийся консервативным переворотом 1898 г. (при императоре Гуан-сюй) и падением монархии в 1912 г. (с попыткой её реставрации в 1916 г.). Вообще же эмпирические описания династийного цикла релевантны известным нам фактам традиционной историографии, что позволило М.Е. Кравцовой описывать историю имперского Китая в терминологии династийного цикла [6, с. 96].

Концепция Тянь мин и «смены предопределения» (*гэ мин*)⁴ связаны с историческим, но мифологизированным событием китайской истории – похода У-вана – удельного чжоуского правителя против своего сюзерена – шанского царя Чжоу-синя (1122 г. до н.э. по традиционной хронологии). В «Шу-цзине» – «Каноне истории» данное нарушение принципа преданности (чжун) трактовалось как передача безличным Небом права на трон от развратного и жестокого Чжоу-синя к добродетельному У-вану. Однако данная перемена воли Неба вплоть до Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.) трактовалась сугубо как единичный факт.

«Второй совершенномудрый» (*я шэн*) конфуцианства заявил, что истинного монарха – поставленного Небом – нельзя убить, и тем более – свергнуть. Небо может лишить человека своего мандата, и заменить его на другого – достойного в Поднебесной человека. Согласно Мэн-цзы, узурпатор – не кто иной, как *сяо-жэнь*, пробравшийся к трону. Согласно же самому Конфуцию – ключом к реализации истинно-

го правления был образ *цзюнь-цзы* – власть должна была оказаться в руках человека, который обретя этическую подготовку, мог преодолеть в себе корысть и жажду власти. Представляется весьма важным в данном контексте диалог Конфуция с учеником Цзы-гуном (Лунь Юй – XIII, 20), где фактически дается этическая шкала оценки всего населения Поднебесной. В указанном пассаже обсуждаются люди, не затронутые конфуцианским воспитанием и осознанием необходимости самосовершенствования. Именно потому выше всех по шкале находятся индивидуумы, характеризующиеся благородством, то есть учитывается общественный резонанс на их поведение вне семьи. *Цзюнь-цзы* – вершина невозможного совершенства для тех, кто возвысился в силу собственных этических задатков. Принцип *сяо-ти* («сыновней почтительности и уважения к старшим братьям») абсолютизировался Конфуцием потому, что почтительность осуществляла не только благотворное прямое воздействие на подданных, но еще и создавала стабильную систему передачи власти и поддержания политической стабильности.

Это привело к тому, что после узурпации государственной власти Ван Маном (7–23 гг. н.э.) концепция гэ мин, находящаяся на периферии политической и исторической мысли, стала востребованной и оставалась в центре внимания до XX в. Использовалась она для легитимации прихода к власти новой династии.

Традиционная теория и уникальность положения Цинской династии в династическом цикле. Существование династического цикла подтверждается двадцатью пятью веками

⁴ В современном китайском языке термин гэмин означает «революция».

письменной истории Китая. Однако кризис династии Мин и восшествие на престол последней императорской династии – Цин (маньчжурской по происхождению) – свидетельствует об уникальной для Китая обстановке, имплицитно способствующей ликвидации конфуцианской монархии и превращению Китая в совершенно иную страну.

События рубежа XVI–первой половины XVII вв. долгое время интерпретировались в терминологии очередного династического кризиса, к которому привела деградация правящего режима. В основе такого подхода лежит версия национальной ханьской историографии, чьи теоретические основы охарактеризованы выше. Данная версия несовершенна хотя бы потому, что упрощает ситуацию.

В экономическом отношении царствование династии Мин характеризуется появлением т.н. «ростков капитализма». Многочисленные дискуссии китайских и западных ученых по данной проблеме пока так и не дали убедительной картины данного явления [4, с. 18]. Однако важнейший вывод уже сделан: к концу XVI в. начинает разрушаться натуральное хозяйство – основа конфуцианской монархии и уклада конфуцианского общества. Объективно этому способствовала и налоговая реформа 1581 г.

Для современников была очевидна – и являлась характерной особенностью именно позднеминской эпохи – невиданная «распушенность нравов», то есть повсеместное пренебрежение нормами конфуцианской морали. По мнению блюстителей старины – образованным обществом овладело безумие. Знаменем времени стало свободомыслие, гиперкри-

тическое отношение к прежним ценностям, внимание к человеческой личности [12]. Распространяются концепции всеобщего равенства, создаются многочисленные китайские утопии, диссидентствующие мыслители частенько становятся в оппозицию в официальной власти, здесь наиболее далеко зашел Ли Чжи (1527–1602) [8, с. 390–397].

Заметные изменения происходят и в социальной структуре: по мнению ряда историков, именно в XVI в. окончательно оформляется сословие *шэньши* – синтезировавшее чиновничество и землевладельческие прослойки китайского общества [23]. Власть императора фактически перестает быть абсолютной, двор превращается в арену борьбы политических группировок, совершенно отчетливо начинает проявляться различие в путях развития китайских Севера и Юга.

Указанные проблемы не могут быть объяснены только фатальными про-счетами минских правителей – нечто подобное наблюдалось к концу каждого династического цикла. Кризис XVI в. не имел социально-экономической подоплеки, но одновременно затрагивал основы конфуцианской монархии, в рамках которой Китай существовал уже 1800 лет. Характерно здесь то, что конфуцианская монархия, создаваемая как гомеостатический механизм, была не в состоянии противостоять «вызовам» извне – подобная ситуация была в Китае беспрецедентной [4, с. 20].

Преодолеть кризис Минская династия была не в состоянии, и в 1644 г. она была заменена на инородческую – маньчжурскую, дома Айсинь Гиоро, принявшего китайское имя Цин.

До сих пор официально признана в историографии версия, что это событие стало следствием маньчжурского завоевания Китая, что и определило господство этого народа на 267 лет.

Главная проблема заключается в том, что указанный тезис совершенно не соответствует действительности. Трактовать воцарение маньчжурского дома только как завоевание – неправомерно, следовательно, истоки разрешения кризиса начала XVII в. на периферии империи искать бессмысленно.

Смена династий неоднозначно была воспринята разными этнокультурными группами ханьской элиты: инородческий вариант устраивал лишь се-верян, которых не мог оставить равнодушными ускоренный темп развития Юга в предшествующее столетие. В наибольшей степени именно северные элиты пострадали от последствий крестьянской войны 1628–1644 гг., справиться с которой минское правительство оказалось не в состоянии. Характерно и то, что северные китайцы чрезвычайно спокойно восприняли утверждение маньчжурской династии, на юге же оно происходило весьма остро и мятежи не утихали до 1662 г. Маньчжурская династия вплоть до своего падения весьма последовательно проводила различия между Севером и Югом (включая систему квот на прохождение государственных экзаменов).

Ряд западных исследователей (напр. Дж.К. Фэрбэнк) воспринимают цинский режим как диархию. Отнюдь не маньчжуры как этнос и тем более не маньчжурская культура определяли облик режима – это была типичная конфуцианская монархия. Режим строго следовал курсом предшественников, что выражалось да-

же во фразеологии официальных документов. Политика, как внешняя, так и внутренняя, была ориентирована на нужды империи, а не маньчжуров, и разрабатывалась по преимуществу ханьской элитой. Цинские императоры неукоснительно следовали конфуцианскому ритуалу и выказывали строгую ему приверженность.

Тем не менее, последнюю конфуцианскую монархию слишком многое отличало от предшественников, в первую очередь – ситуация, в которой она пришла к власти, и специфика проблем, которые приходилось решать.

Очередным мифом традиционной историографии в трактовке династического цикла является утверждение, что кризис разрешался вслед за воцарением «здоровой» новой династии. Фактически воцарение только усугубляло кризис и требовалось около одного поколения для ликвидации последствий. Условия, сложившиеся в Китае в первой половине XVII в. значительно осложняли решение этой непростой задачи. Фактически первые три десятка лет маньчжурской монархии – были тяжелейшей борьбой за право на существование. Более того, приход к власти иноземцев только придавал существующему кризису новые черты. Таким образом, выходов из сложившейся ситуации могло быть два: 1) стимулирование начавшихся перемен; 2) всемерное искоренение «пагубного начала» и консервативная реставрация конфуцианской монархии. Первый вариант был абсолютно неприемлем для сил, пришедших к власти. Потому-то с первого дня пребывания за Стеной, маньчжуры активно занялись реставрацией всей системы отношений, свойственной конфуцианской монархии. Особое

место в управляемом символически государстве – приобретала проблема идеологического укрепления основ режима, так что централизация духовной жизни в Китае в этот период приобретает немислимые ранее масштабы.

Подобная политика имела весьма серьезные последствия: так как не были ликвидированы глубинные причины перемен в китайском обществе, социум разъедала своего рода «эрозия», приведшая к распаду единой страны на провинциальные этнокультурные, родственные, земляческие, сектантские общины. В условиях небывалого демографического взрыва обострилась борьба между провинциальными и земляческими группировками и профессиональными кланами. Усилилось противостояние Юга и Севера. Одновременно произошел раскол между конфуцианской ортодоксией и народной культурой, даосско-буддийской в своей основе, и не унифицированной в каноне. Современники остро переживали конфликт между официальным образом правления (смысл которого оказался утраченным) и всем тем, что уже не помещалось в рамки канона. Этот же курс привел к стремлению к самоизоляции, и к её идейному оправданию.

Цинский кризис и место Тайпинской утопии в нём. Перечисленного достаточно для характеристики обстановки, в которой зарождалась идейная доктрина Хун Сю-цюаня (1814–1864) и Небесного государства Великого спокойствия. Восстание 1851–1868 гг. является уникальным в мировой истории явлением, во-первых, в силу перечисленных выше обстоятельств, во-вторых, тем, что именно в Тайпин Тяньго нашёл отражение механизм воплоще-

ния в жизнь разработанной утопической идеи. Это последнее резко выделяет тайпинское движение среди прочих крестьянских восстаний фазы циклического кризиса. Проблема типологии династического цикла и циклического кризиса здесь теснейшим образом переплетается с проблемой генезиса утопического учения и его соотношения с массовым сознанием. Если рассмотреть указанную проблему с точки зрения цикличности китайской истории, выявляется, что утопии в Китае *всегда* появляются на определённой стадии династического цикла.

Социально-экологический кризис в Китае достиг апогея в 30-е гг. XIX в., в обстановке, когда население достигло уровня 430 млн. чел. (по данным официальных ревизий), что означало крайнее обострение продовольственного вопроса. Как подсчитано Э.С. Кульпиным, число засушливых лет в XIX в. увеличилось в 1½ раза, по сравнению с предшествующим столетием, а наводнений – даже в 8 раз [10, с. 160]. Предшествующие кризисы сходного масштаба имели место в середине XIV и в середине XVII вв., но Цинский заметно превосходил их по масштабам, главным образом, из-за беспрецедентного демографического давления [10, с. 165]. Структурно, впрочем, ситуация была аналогичной.

В условиях абсолютного господства конфуцианства в китайском сознании, идеологии и проч. форма выражения протестной (утопической) идеологии не могла не быть конфуцианской и неоконфуцианской. Это может быть доказано эмпирически: все литературные (главным образом, поэтические) и политические утопии в Китае появлялись либо в стагнационной части династического цикла,

либо сразу после периода *чжун син*. Таковы: утопия «колодезных полей» (*цзинь тянь*) Мэнцзы (389–272 гг. до н.э.), созданная накануне объединения Китая, утопия Хэ Сю (129–182), созданная накануне падения династии Хань, «Персиковый источник» Тао Юань-мина (365–427), созданный в разгар периода Лючао. К началу Троецарствия относятся по-строения даоса-радикала Бао Цзинь-яня. Продолжение «Персикового источника» было создано великим поэтом и политическим деятелем Су Ши (1036–1101) незадолго до падения Северного дома Сун (960–1127). Родоначальником собственно политической конфуцианской утопии в Китае может быть признан великий предтеча неоконфуцианства Хань Юй (768–824), чья жизнь и творчество пришлись на время существования оправившейся от восстания Ань Лушаня Танской империи [14].

Своеобразное положение займёт в данном контексте творчество Дэн Му (1247–1306), жившего на стыке двух династий: Южносунской и Юаньской. Своеобразным манифестом его стал добровольный уход из жизни, совершенный по старым канонам лоялиста, не могущего противиться давлению власти – подобно легендарным Бо И и Шу Ци он уморил себя голодом... В собрании его сочинений *Бо Я цинь* содержится небольшой трактат «*Цзюнь Дао*» («Государев Путь»). В трактате предвещается пришествие совершенномудрого государя с такими же талантливymi советчиками, которые разом решат все политические проблемы. Иной вопрос, что Дэн Му совершенно нетрадиционно воспринимал конфуцианскую монархию: он первым, кажется, усмотрел имманентной чертой государственных институтов – их

своекорыстие. Впрочем, как для истинного конфуцианца, древность была для него недостижимым образцом, потому современность было возможно критиковать сколь угодно изощрённым способом [14, с. 47–50].

Примечательно, что критики государства времён поздней Мин и ранней Цин – уже упоминавшиеся Ли Чжи и Хуан Цзун-си (1610–1695) – в творчестве своём опирались на наследие Дэн Му. Отношение к монархии при этом будет ещё более радикальным.

На этом фоне наследие Хун Сю-цюаня станет выделяться и резко, ибо перед нами нечто иное, как *социально-утопический проект*. Это объяснялось тем, что Хун Сю-цюаню пришлось дать теоретический ответ на вопрос «почему вдруг начались бедствия?». Ответ был вполне традиционным, в духе иррациональных движений конца династического цикла: виновата верховная власть, исчерпавшая запас благодати-дэ и игнорирующая интересы широких масс. Как и для всех его предшественников, Золотым веком, недостижимым образцом, Хун Сю-цюаню служили легендарные Три династии китайской древности (Ся, Шан и Чжоу). Однако Хун Сю-цюань, несмотря на всё своё визионерство, был много рациональнее, нежели Дэн Му и Хуан Цзун-си, ибо сразу предлагал не реформу государства, а подлинный коммунизм, то есть справедливый (=эгалитарный) общественный строй, основанный на уравнении граждан в сфере производства и потребления. И эта модель была реализована на практике.

Налицо прогресс: от поиска в своей современности негативных явлений и причин, эмпирической констатации фактов, тайпинские

идеологи (кроме Хуна ещё и Ян Сю-цин) перешли к созданию чёткой, иногда даже чрезмерно конкретизированной идеальной политики, которая, по заветам Конфуция могла исправить положение («наложи на кривое прямое – и отрежь то, что выступает»).

Нижегородская исследовательница Е.А. Григорьева предположила, что причиной этого прогресса являются внешнеполитические условия, сложившиеся на Дальнем Востоке в середине XIX в. [2, с. 6]. Это подтверждается исследованиями О.Е. Непомнина [16, с. 51–55]. Действительно, Китай перестал быть закрытой (в т.ч. и в интеллектуальном плане) державой. Новый уровень международных отношений стал составной частью формирования идей Тайпин Тяньго. В первую очередь, это означает христианизированный характер идеологии тайпинов, несмотря на крайне поверхностное христианство самого Хун Сю-цюаня [3, с. 179]. Все идеологические конструкты Хун Сю-цюаня пронизаны важнейшей особенностью по сравнению с его предшественниками – все обитатели Поднебесной равны пред Лицом единого и сильного Бога. Этот тезис был положен в основу программы уравнительного наделения землёй [3, с. 177]. Здесь важно осознать, что христианская форма программы тайпинов ни в коем случае не является случайностью.

Циклизм как основа китайского исторического сознания неизбежно приводил к пониманию хода истории как регресса, что в народных массах выливалось в классическую максимуму «вот раньше-то было...». Парадоксально, но для Китая XIX в. эта фраза была реальностью, что и порождало известный лозунг

«Свергнем Цин, восстановим Мин!». Для нас важной особенностью конфуцианского исторического сознания является ретроградно-утопическая форма осмысления современности. Не менее важно и то, что в условиях цинского Китая утопическая мысль, для восприятия которой уже около полувека создавалась социальная база, наиболее предметно и уместно для самых широких масс могла быть реализована именно в христианской форме. Христианская идея, «китаизированная» Хун Сю-цюанем [15], приближенная к традиционным формам морали, позволяла дать искомый и близкий идеал огромной разношёрстной массе недовольных, что и позволило обеспечить небывалый успех тайпинов на первых порах.

В 1830–1850-е гг. в Китае сложился уникальный комплекс исторических обстоятельств: традиционный идеал *Тай пин* «наложился» на крестьянские представления о справедливости и агрессивные антиманьчжурские настроения интеллигенции. Единственным практическим механизмом реализации новых идей была только крестьянская война и ориентация на насильственное претворение в жизнь идеала наложила отпечаток на все институты тайпинов.

В отечественной историографии мало обращалось внимания на развитие и трансформацию тайпинской идеологии после прихода их к власти, в то время как именно этот механизм позволяет объяснить, почему в Китае не произошло смены династии и начался последний в его истории период *чжун син* в условиях принудительной модернизации. Между тем, отмена действия «Земельной программы» уже вскоре после её публикации в 1853 г. даёт нам ключ

к пониманию: каким образом *переставала работать идея, лежащая в основе тайпинской государственной системы.*

Эволюция тайпинской идеологии следует из её хронологии:

- I. 1837 г. Душевное заболевание и видения Хун Сю-цюаня.
- II. 1844 – 1848 гг. Существование тайного Общества поклонения Единому Богу (*Бай Шан-ди хуэй*). Разработка идеологической базы, создание культа и т.п.
- III. *Переворот 1848 г.* Использование христианского визионерства для авторитаризации движения [2, с. 14].
- IV. 1851 г. *Оформление монархии в условиях вооружённого восстания.* Для тайпинской теории *de facto* это был крах доктрины всеобщего равенства. Дата – 1851 год – совершенно неслучайна, ибо как раз тогда тайпины, опираясь на свою первую базу в гуансийской деревне Цзиньтянь, начали активные боевые действия и стала реальностью военная иерархия в бывшей тайной религиозной секте.
- V. 1853 г. *Захват Нанкина, провозглашение новой Небесной династии Тайпин Тяньго.*

Цепочка логически взаимоисключающих, но событийно неразрывных явлений (создание государства равных – война за Небесную справедливость – сверхцентрализация и создание элиты) – получила своё окончательное завершение и привела к краху 1864 г. (Сопrotивление в отдельных районах продолжалось до 1868 года, но было обречено).

Уже самые первые шаги тайпинского руководства показали невозможность практической реализации государства всеобщего равенства (вместо этого было создано некое подобие концлагеря, сродни кампучийским при Пол Поте, в т.ч. с половой сегрегацией). Это влекло за собой перемену «центра тяжести»: основой движения и краеугольным камнем государства становился харизматический лидер, провозгласивший себя младшим братом Иисуса Христа, уже в силу этого неравный всем остальным.

Анализ первого программного документа тайпинов – «Земельной программы Небесной династии» показывает нам следующие структурные аспекты Тайпин Тяньго:

1. Экономическое и социальное «равенство» (исключительно для низших сословий) достигалось за счёт уравнивания и гарантированного минимума, годного только для физического выживания. При этом не исключалась дихотомия «богатые – бедные», т.к. представители «класс-государства», т.е. *шэньши*, были единственным контингентом комплектации тайпинских управленцев.
2. Жёсткая социальная иерархия, на вершине которой располагалось божественное существо – Небесный государь (*Тянь ван*), у подножья трона которого копошились рядовые воины-земледельцы. Посредником служил военно-административный аппарат, организованный по канону *Чжоу ли*.
3. Полное совпадение армии и населения (из женщин формировались трудармии, используемые даже в земледелии и строительстве).

Указанные особенности – ничто иное, как фиксация противоречия, возникшего ещё в 1848 – единоначалие в обществе равных [2, с. 16]. Налицо полное несоответствие цели существования государства и средств его осуществления (предельная концентрация военной власти в условиях гражданской войны).

В программе тайпинов такое равенство имеет место [3, с. 176]. В тайпинских документах, отражающих реальное положение вещей, равенство отсутствует: был создан некий прообраз тоталитарного государства, в котором государство осуществляет слежку за всеми, вмешивается в дела семьи и т.д. Таким образом, на деле программировался имперский характер движения, становящегося новой династией, стремящейся ликвидировать предыдущую. Несомненно, что новый образ государства сильно отличался от традиционной конфуцианской монархии, но традиции оказались сильнее: в 1856 г. был восстановлен культ Конфуция. Положение осложнялось борьбой за власть, в которую вступил Ян Сю-цин, стремящийся под предлогом «демократизации» (то есть возврата к отношениям, имевшимся до 1848 года) занять место Хун Сю-цюаня.

ВЫВОДЫ

Причиной краха Тайпин Тяньго в первую очередь является комплекс идеологических проблем и их реализации на практике. Одновременно, Тайпинское восстание явилось своего рода мальтузианской катастрофой, создавшей возможности развития сельского хозяйства в центральных провинциях Китая, и сохранившей власть Цинской династии ещё на полвека.

Необходимо в этом контексте провести сопоставление крестьянской войны Ли Цзы-чэна (1628–1644), приведшей к власти маньчжуров (а точнее, консервативных конфуцианцев) и Тайпинской. Выше мы указывали, что структурно они занимали одинаковое место в династическом цикле. На практике также имеются явные черты сходства: попытки в XVII в. уравнительного распределения военной добычи, создание собственной администрации и попытка провозглашения династии. Однако у Ли Цзы-чэна отсутствовала альтернативная идеология, достаточно стройная теоретически и в то же время относительно доступная для привлечения широких масс. Идеологическая база движения Ли Цзы-чэна (также обладавшего повстанческой армией, способной к проведению ширококомандных операций) была традиционной – конфуцианской, с массовой даосско-буддийской верой рядовых адептов. Традиционный идеологический базис сдерживали хилиастские настроения, не позволяя привнесения инноваций в мировоззренческие установки, а следовательно, определяя последующий политический и идеологический курс.

В XIX в. тайпинское христианство легло на подготовленную социально-экономическую почву, что приняло своеобразную форму в обстановке системного кризиса. Оригинальность тайпинов (по крайней мере, в сфере идеологии) – в буквальном истолковании принципа равенства всех перед Богом, что давало мощный идеологический и экономический инструмент, позволяющий некоторым образом разрешить экономические проблемы через введение уравниловки. Это снимало ограничения прежних

китайских утопий и позволяло реализовать инновационный путь развития, закрытый во времена прежних династических кризисов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гране М. Китайская мысль / Пер. с фр. В.Б. Иорданского. М.: Республика, 2004. 526 с.
2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит, 2009. 935 с.
3. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей Нового времени (1840–1898) / Сост. Н.Г. Сенин, Ян Хиншун. М.: Изд. АН СССР, 1961. 300 с.
4. Кан Ювэй. Моя история / Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. С. 92–230.
5. Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. 396 с.
6. Крушинский А.А. Творчество Янь Фу и проблема перевода. М.: Наука; ГРВЛ 1989. 112 с.
7. Ло Гуань-чжун. Троецарствие / Пер. с кит. В.А. Панасюка. Т. I. М.: Гослитиздат, 1954. 792 с.
8. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит, 2002. 446 с.
9. Лян Цичао. Новое учение об истории. [Традиционная история Китая] : Пер. с кит. и примеч. Д.Е. Мартынова // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 107–117
10. Мартынов Д.Е. «Лекции о небесах» Кан Ю-вэй: поздний этап интеллектуальной биографии мыслителя // Общество и гос. в Китае. Т. XLIII, ч. 1 (Учёные записки ИВ РАН, Отд. Китая. Вып. 8). М.: ИВ РАН, 2013. С. 488–505.
11. Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
12. Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2011. 736 с.
13. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. 352 с.
14. Сайт «Синология.ру» // URL: <http://www.synologia.ru/>
15. Сайт “The Chinese Text Project” // URL: <http://ctext.org/>
16. Сунь Ятсен. Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 630 с.
17. Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи: в 9 т. Т. 9 / Пер. с кит. под ред. А.Р. Вяткина. М.: Вост. лит, 2010. 623 с.
18. Тайпинское восстание 1850–1864: Сб. документов / Сост. В.П. Илюшечкин и В.Г. Соловьёв. М.: Изд. вост. лит., 1960. 328 с.
19. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / Пер. Р.В. Котенко; науч. ред. Е.А. Торчинов. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.
20. Boardman E. Christian Influence upon the Ideology of the Taiping Rebellion. Madison: University of Wisconsin Press, 1952. 188 p.
21. The Cambridge History of China. Vol. 11, Part 2: Late Ch'ing 1800–1911 / Ed. by John K. Fairbank and Kwang-Ching Liu. Cambridge Univ. Press, 1980. 682 p.
22. Chang Hao. The Chinese Intellectuals in Crisis: Search for Order and Meaning (1890 – 1911). Berkeley: Univ. of California Press, 1987. 223 p.
23. Cohen P.A. Between Tradition and Modernity: Wang T'ao and Reform in Late Ch'ing China. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1974. 357 p.
24. Elman V.A. The Failures of Contemporary Chinese Intellectual History // Eighteenth-Century Studies. 2010. Vol. 43, No 3. P. 371–391.
25. Hsiao Kung-chuan. A Modern China and

- a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, L.: Univ. of Washington Press, 1975. 669 p.
26. Kwong L.S.K. T'an Ssu-t'ung, 1865–1898: life and thought of a reformer. Leiden: E.J. Brill, 1996. 260 p.
27. Kwong L.S.K. The Rise of the Linear Perspective on History and Time in Late Qing China c. 1860–1911 // Past & Present. 2001. No. 173 P. 157–190.
28. Li Man. Laozi Benyi: A Political Philosophy for the Last Phase of Time // Synthesis Philosophica. 2014. Vol. 57. Iss. 1. P. 83–103.
29. Platt S.R. Provincial Patriots: The Hunanese and Modern China. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. 278 p.
30. Pusey J. China and Charles Darwin. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1983. 544 p.
31. Schwartz B. In search of wealth and power: Yen Fu and the West. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1964. 398 p.
32. Spence J. God's Chinese Son: the Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan. N.Y.: W.W. Norton, 1996. 400 p.
33. Wagner R. Reenacting the Heavenly Vision: The Role of Religion in the Taiping Rebellion. Berkeley: Institute of East Asian Studies and Center for Chinese Studies, University of California, 1982. 134 p.
34. Wu Guo. Zheng Guanying: merchant reformer of late Qing China and his influence on economics, politics, and society. Amherst, N.Y.: Cambria Press, 2010. 291 p.
35. Ван Тао 王韜. Тао-юань вэньлу вайбянь (Собрание статей Ван Тао о зарубежных странах 韜園文錄外編). Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1994. 427 с.
36. Вэй Юань 魏源. Вэй Юань цзи (Сочинения Вэй Юаня 魏源集). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1976. 862 с.
37. Го Тинъи 郭廷以. Тайпин тяньго лифа каодин (Критическое исследование хронологии Небесного государства великого спокойствия 太平天國曆法考訂). Шанхай: Шанъу иншугуань, 1937. 212 с.
38. Куан Болинъ 邝柏林. Кан Ювэй дэ чжэсюэ сысян (Философские идеи Кан Ю-вэя 康有为的哲学思想). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1980. 170 с.
39. Лян Цичао 梁启超. Циндай сюэшу гайлунь (Очерк учений династии Цин,清代学术概论) / Предисл. Чжу Вэй-чэна (朱维铮导读). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1998. 112 с.
40. Лян Цичао 梁启超. Чжунго лиши яньцзюфа бу бянь (Дополненное издание «Метода исследования китайской истории» 中国历史研究法补编). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2010. 244 с.
41. Сюэ Фучэн 薛福成. Сюэ Фу-чэн сюаньцзи (Избранные произведения 薛福成选集). Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1987. 633 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Granet M., Iordansky V.B., tr. (2004) La pensée chinoise in Russian. Moscow: Respublica Publ. House.
2. Titarenko M.L., ed. in chief (2009) Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya [The spiritual culture of China: an encyclopedia: in 5 volumes]. Vol. 4: Historical thought. Political and Legal Culture. Moscow, Vostochnaya literatura.
3. Senin N.G., Yang Hingshung, eds. (1961)

- Izbrannyye proizvedeniya progressivnykh kitayskikh mysliteley Novogo vremeni (1840–1898) [Selected works of progressive Chinese thinkers of the Modernity (1840–1898)]. Moscow: URSS Academy of Science Publ.
4. Martynov D.E. (2010) Kang Youwei. Moya istoriya [Kang Youwei. My story] Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
  5. Ilyushechkin V.P. (1967) Krest'yanskaya voyna taypinov [Taiping' Peasant War]. Moscow: Nauka Publ.
  6. Krushinsky A.A. (1989) Tvorchestvo Yan' Fu i problema perevoda [Yan Fu works and the problem of translation]. Moscow: Nauka Publ.
  7. Luo Guanzhong, Panasyuk V.A., tr. (1954) Troyetsarstviye [Romance of the Three Kingdoms]. Moscow: Goslitizdat.
  8. Lomanov A.V. (2002) Khristianstvo i kitayskaya kul'tura [Christianity and Chinese culture]. Moscow, Vostochnaya literatura.
  9. Martynov, Dmitry E., Martynova, Yulia A. (2019) "New Historiography" by Liang Qichao', Liang Qichao, The New Historiography, Traditional Historiography in China, Translated into Russian by Dmitry E. Martynov, Voprosy Filosofii, Vol. 5 (2019). pp. 107–111.
  10. Martynov D.Y. (2013) «Lektsii o nebesakh» Kan Yu-veya: pozdnyy etap intellektual'noy biografii myslitelya ["Lectures on Heaven" by Kang Youwei: the late stage of his intellectual biography]. Proceedings of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Department of China. Issue 8. Pp. 488–505.
  11. Nepomnin O.Ye. (2005) Istoriya Kitaya: epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka [The history of China: the Qing era. 17th – the beginning of the XX century]. Moscow, Vostochnaya literatura.
  12. Nepomnin O.Ye. (2011) Istoriya Kitaya. 20 Vek [History of China. XX century]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
  13. Nikiforov V.N. (1975) Vostok i vseмирnaya istoriya [The East and world history]. Moscow: Nauka Publ.
  14. Synologia.ru site, URL: <http://www.synologia.ru/>
  15. "The Chinese Text Project", URL: <http://ctext.org/>
  16. Sun Yatsen (1985). Izbrannyye proizvedeniya [Song Zhongshan' Selected works]. Second edition. Moscow: Nauka Publ.
  17. Sima Qian, Vyatkin A.R., ed. (2010) Istoricheskiye zapiski: Shi tszi: v 9 t. T. 9 [Records of the Grand Historian: Shiji. Russian translation in 9 vols. Vol. 9]. Moscow, Vostochnaya literatura.
  18. Ilyushechkin V.P., Solovyov V.G., tr., ed. (1960) Taypinskoye vosstaniye 1850–1864: Sb. Dokumentov [Taiping Rebellion 1850–1864: Collection of documents]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
  19. Feng Youlan, Kotenko R.V., Torchinov E.A., tr., ed. (1998) Kratkaya istoriya kitayskoy filosofii [A Brief History of Chinese Philosophy]. St. Petersburg: Eurasia Publ.
  20. Boardman E. (1952) Christian Influence upon the Ideology of the Taiping Rebellion. Madison: University of Wisconsin Press.
  21. Fairbank J.K., Liu Kwang-Ching, eds. (1980) The Cambridge History of China. Vol. 11, Part 2: Late Ch'ing 1800–1911. Cambridge Univ. Press.
  22. Chang Hao (1987) The Chinese Intellectuals in Crisis: Search for Order and Meaning (1890–1911). Berkeley: Univ. of California Press.
  23. Cohen P.A. (1974) Between Tradition and

- Modernity: Wang T'ao and Reform in Late Ch'ing China. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
24. Elman B.A. (2010) The Failures of Contemporary Chinese Intellectual History. Eighteenth-Century Studies. Vol. 43, No 3. Pp. 371–391.
  25. Hsiao Kung-chuan (1975). A Modern China and a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, London: Univ. of Washington Press.
  26. Kwong L.S.K. (1996) T'an Ssu-t'ung, 1865–1898: life and thought of a reformer. Leiden: E.J. Brill.
  27. Kwong L.S.K. (2001) The Rise of the Linear Perspective on History and Time in Late Qing China c. 1860–1911. Past & Present. No. 173 Pp. 157–190.
  28. Li Man (2014) Laozi Benyi: A Political Philosophy for the Last Phase of Time. Synthesis Philosophica. Vol. 57. Iss. 1. Pp. 83–103.
  29. Platt S.R. (2007) Provincial Patriots: The Hunanese and Modern China. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
  30. Pusey J. (1983) China and Charles Darwin. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
  31. Schwartz B. (1964) In search of wealth and power: Yen Fu and the West. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
  32. Spence J. (1996) God's Chinese Son: the Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan. New York: W.W. Norton.
  33. Wagner R. (1982) Reenacting the Heavenly Vision: The Role of Religion in the Taiping Rebellion. Berkeley: Institute of East Asian Studies and Center for Chinese Studies, University of California.
  34. Wu Guo (2010) Zheng Guanying: merchant reformer of late Qing China and his influence on economics, politics, and society. Amherst, N.Y.: Cambria Press.
  35. Wang Tao (1994) Taoyuan wenlu waibian = 韬园文录外编, 王韬著. Shenyang, Liaoning renmin chubanshe.
  36. Wei Yuan (1976) Wei Yuan Ji = 魏源集. Beijing: Zhonghua shuju.
  37. Guo Tingyi (1937) Taiping tianguo lifa kaoding = 太平天國曆法考訂, 郭廷以著. Shanghai: Shangwu yinshuguan.
  38. Kuang Bolin (1980) Kang Youwei de zhexue sixiang = 康有为的哲学思想, 邝柏林著. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe.
  39. Liang Qichao, Zhu Weicheng, ed. (1998) Qingdai xueshu gailun = 清代学术概论, 梁启超著, 朱维铮导读. Shanghai: Guji chubanshe.
  40. Liang Qichao (2010) Zhongguo lishi yanjiufa bubian = 中国历史研究法补编, 梁启超著.
  41. Xue Fucheng (1987) Xue Fucheng xuanji = 薛福成选集. Shanghai: Renmin chubanshe.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Professor, Dr. Sc. **Dmitry Martynov**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

dmitrymartynov80@mail.ru

Associated Professor, PhD **Yulia Martynova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

Принята к публикации: 05.11.2019 г.

Submission Date: 2019.11. 05.

«ИЗОБРАЖЕНИЯ ДАННИКОВ ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ ЦИН»
(«ХУАН ЦИН ЧЖИ ГУН ТУ») КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ В XVIII ВЕКЕ, ЦЗ. II¹

"ILLUSTRATED TRIBUTARIES OF THE QING EMPIRE" (HUANG QING ZHIGONG
TU) AS A SOURCE FOR STUDIES OF XVIII CENT. CENTRAL ASIA, VOL. II

Сомкина Надежда Александровна

Восточный факультет СПбГУ

somkina@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Трактат «Чжи гун ту» представляет собой ценный источник сведений для изучения истории, этнографии и культуры ряда стран и регионов. В данной статье представлен перевод и комментарии к «центральноазиатской» части 2-го цзюаня альбома, в который вошли, главным образом, территории современного Синьцзян-Уйгурского АР и сопредельных регионов: Или, Турфан, Хами, Казахстан, Кыргызстан, Турфан, Бадахшан, Андижан (Узбекистан) и некоторые другие. Структура записей примерно одинакова: парное изображение представителей народов и народностей, в подавляющем большинстве случаев мужчины и женщины, дополненное коротким текстовым пояснением, включающим историческую справку, описание жизненного уклада, одежды и атрибутов жителей данной местности. Иллюстрации представляют собой интересный источник для историко-этнографических исследований – помимо фиксации внешнего облика жителей рассматриваемых регионов того времени, в ряде случаев прослеживается тенденциозность представлений китайцев о жителях сопредельных районов и изложения исторических реалий в угоду императору, для которого изначально и составлялся альбом. Эта тенденциозность позволяет назвать «Чжи гун ту» примером «патриотически-агитационной» литературы XVII в.

Ключевые слова и фразы: Чжи гун ту, внешняя политика Цин, Китай и соседи, Турфан, Или, Хами, Центральная Азия, Синьцзян.

Для цитирования: Сомкина Н.А. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту») как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке, цз. II. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(4): 85-107

ABSTRACT

The "Zhi Gong Tu" treatise is a valuable source for studying the history, ethnography, and culture of Central Asian countries and regions. This article presents the translation and comments on the "Central Asian" part of the 2nd volume of the album, which mainly includes the territories of the modern Xinjiang Uygur Autonomous Republic and adjacent regions: Ili, Turfan, Hami, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turfan, Badakhshan, Andijan (Uzbekistan) and some others. The structure of the entries is mainly the same: a paired image of representatives of peoples and nationalities, predominantly a man and a woman, supplemented by a short textual annotation, including a historical reference, description of the lifestyle, clothing and attributes of the inhabitants of the area. The illustrations are an interesting source for historical and ethnographic research, since in addition to fixing the external appearance of the inhabitants of the regions at that time, in some cases one can see a tendency in describing some historical details to please the emperor, for in the first place it was him whom the album was originally composed for. This tendentiousness allows us to qualify "Zhi gong tu" as an example of "patriotic agitation" literature of the XVIIth century.

Key words and phrases: Zhi gong tu, the Qing's foreign policy, China and neighbours, Turfan, Ili, Hami, Central Asia, Xinjiang.

For citation: Somkina N.A. "Illustrated tributaries of the Qing empire" (Huang Qing zhigong tu) as a source for studies of XVIII cent. Central Asia, Vol. II. Modern oriental studies. 2019; 1(4): 85-107

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00218 Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту») и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.

ВВЕДЕНИЕ

Китайский ксилографический альбом «Изображения данников правящей династии Цин» (Хуан цин чжи гун ту 皇清職貢圖) был составлен и издан по указу императора Цяньлуна от 1751 г. коллективом чиновников во главе с Фу Хэном 傅恒, отпечатан и размножен ксилографическим способом в период между 1760-1780 гг. Приведенные в трактате исторические сведения датируются, самое позднее, 1760-м гг. Трактат представляет собой историко-географическое и этнографическое сочинение, содержащее краткое описание населения различных земель мира (включая как отдельные страны, так и регионы), о которых было известно китайцам ко времени создания памятника. Альбом состоит из 9 тетрадей, сгруппированных по региональному принципу, хотя время от времени этот порядок нарушается. Связано это с тем, что оригинальный трактат состоит из четырех свитков с шириной около 33 см и длиной от 140 до 180 см. Авторами оригинальных цветных рисунков были Се Суй (?—1771), Дин Гуаньпэн, Цзинь Тинбяо, Яо Вэньхань и Чэн Лян; в настоящее время этот экземпляр хранится в Тайбэйском национальном дворце-музее. Затем трактат был издан в упрощенной, ксилографической форме, контурные рисунки к которому выполнил главным образом Мэнь Циньань, а также Сюй Пу, Дай Юйцзи, Сунь Дажу. Подробнее об исследованиях Чжи гун ту см. [Маяцкий, Традиционализм и новаторство, 2019; Миронова, 2019; Харитоновна, 2019; Черевко, 2019; Самойлов, 2019, Сомкина,

2019; Маяцкий, Проблема идентификации, 2019] Издание было сокращено и разбито сперва на 7 цзюаней, из которых было удалено несколько параграфов, а затем дополнено двумя дополнительными цзюанями, куда вернули удаленные записи. Таким образом, рассматриваемый регион – Центральная Азия – оказался разбросан по 2 и 9 цзюаням. В данной статье будут рассмотрены регионы из 2 цзюаня.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужил текст 2-го цзюаня трактата «Хуан Цин чжи гун ту». В исследовании применялся нарративный, аналитический и сопоставительный метод.

Основную проблему в исследовании представляют собой имена собственные – топонимы и имена. Зачастую они являются иероглифическую транслитерацию названий, принятых в уйгурском, тибетском и маньчжурском языках; разница с китайским в данном случае достаточно велика.

Кроме того, указанные в «Чжи гун ту» факты требовали верификации посредством сравнения с другими (некитайскими) источниками, поскольку некоторые факты были искажены в рамках общей цинской тенденциозности повествования о данниках.

Иллюстрации для статьи взяты из цветного оригинала «Чжи гун ту», хранящегося в Тайбэйском Национальном дворце-музее; данная копия датируется примерно 1751-1761 гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Обратимся непосредственно к тексту «Чжи гун ту».

Рис. 1

§1. 伊犁等處台吉 / 伊犁等處台吉婦

Тайджи из Или и прочих мест / Его супруга

伊犁即古屈里地也，舊為厄魯特部落所屬，有二十一處。乾隆二十年，我師平定，遂隸版圖。其人專事遊牧，冬就燠，夏就涼，居無定處。山多積雪，得雨消融，足資灌溉。或招回人耕種，有黍麥穀數種。產瓜與葡萄，而桃李梨杏亦皆有之。其頭目謂之台吉，戴紅纓高頂平邊氈帽，左耳飾以珠環，錦衣錦帶，腰插小刀，佩腕巾，穿紅牛革鞮。其婦辮髮雙垂，約以紅帛，綴珠，兩耳珠環，衣以錦繡，其冠履俱與台吉同。

Или – та земля, которая в древности называлась Цюйли, некогда принадлежала племенам ойратов, насчитывает 21 поселение. На 20-й год правления под девизом Цяньлун [(1755)] наши войска умиротворили и тогда же включили [их] в [состав Цинских] владений. Местные жители занимаются кочевым скотоводством, зимой одеваются в теплые одежды, летом в легкие, не имеют постоянного места проживания. Горы [там] обильно покрыты снегом; дождей и талых снегов достаточно для орошения. Некоторые [илийцы] приглашают хуэйцев возделывать земли, на которых [те] высаживают несколько сортов проса, пшеницы и других злаков. [Здесь] выращивают тыкву и виноград, также есть персики, сливы, груши и абрикосы. Их вождь называется «тайджи». [Он] носит войлочную шапку с ровными полями и высокой тульей, украшенной красной бахромой, в левое ухо вдевает кольцо с жемчужиной, [его] платье и пояс из парчи, за пояс заткнут маленький кинжал, [к поясу] также подвязываются чаша и платок. На ногах обувь из красной бычьей кожи. Его жена заплетает волосы в две косы, украшенные красным шелком и жемчугом, в обоих ушах жемчужные серьги, одежда из расшитой парчи, головной убор и обувь подобны тем, что у тайджи.

Стоит сказать, что топоним «Или» употреблялся в Китае в широком смысле – для обозначения территории нынешнего Синьцзяна. На момент создания трактата как раз завершился разгром Джунгарского ханства, и Цинская империя налаживала новую администра-

тивную систему и взаимодействие с местной знатью. В 1761 году была образована провинция Синьцзян (新疆, «Новые земли»). В частности, было построено девять городов: Хуэйюань 惠遠, Суйдин 綏定, Гуанжэнь 廣仁, Сичунь 熙春, Нинъюань 寧遠, Гунчэнь 拱辰, Чжаньдэ 瞻德, Хуэйнин 惠寧 и Талэци (塔勒奇); именно эти девять городов и получили общее название Или. Также этот район называли Бэйцзян 北疆 – Северная окраина. Территория поставляла провизию для регулярных войск и управлялась с опорой на местную титулованную знать – тайджи² и зайсанов³. Территория к югу от Тяньшаня называлась Наньцзян (南疆 Южная окраина), а также Хуэйцзян (回疆, «Земли хуэйцев»), поскольку здесь сосредоточилось в основном мусульманское население разных этносов. Сюда относились Ярканд, Кашгар, Хотан, Кучар, Аксу, которые находились под управлением беков, а также Турфан и Хами, которые находились под контролем непосредственно Лифаньюаня. Все эти территории в широком смысле в рамках «Чжи гун ту» названы «Или» [Хостлетер, 2017, С.200].

С образованием новой провинции перед цинским правительством встали новые проблемы. Новые территории предполагались источником снабжения для маньчжурских войск, однако оставшиеся на севере Синьцзяна кочевые

² В период Цин тайджи назывались нетитулованная знать, делившаяся на 4 ранга. Это были потомки Мандухая и Бату-Мункэ, а также потомки Хасара, Бельгугея, Тоорилхана и ойратских нойонов, принявших подданство маньчжурского императора и поселившихся на западе Халхи в XVIII веке [Подробнее см. Владимирцев, 1934, С.153-158]

³ Термин «зайсан» (от китайского 宰相 цзайсян – министр, канцлер) впервые появился в эпоху Юань, обозначает наследственного владельца отока.

народы пахотным земледелием не занимались и не могли полностью покрыть потребности войска. С другой стороны, южные земли по-прежнему оставались источником нестабильности, где регулярно вспыхивали малые и большие восстания. Чтобы убить двух зайцев одним выстрелом, было организовано массовое переселение части уйгурского населения с юга на север – именно они и были теми «приглашенными хуэйцами», которые стали заниматься земледелием. Таким образом, с одной стороны, была в значительной степени разряжена обстановка в южных землях и, с другой – решена проблема снабжения войск в землях северных. Переселившиеся уйгуры, образовавшие в дальнейшем отдельную этническую группу илийцев (или кульджинцев), и в те времена их стали называть «таранчи» («земледельцы») – по-китайски «таланьци» 塔蘭奇; именно это название послужило основой для топонима вышеупомянутого города Талэци 塔勒奇, который позже стал известен как Тарбагатай.

На рисунке изображены тайджи и его супруга. Их одежды пошиты из дорогой ткани с флоралистической вышивкой, на головах у обоих шапка рупорообразной формы, с плоскими полями и красной бахромой в наверхии, характерная для тибетцев и монголов в некоторых регионах (например, провинции Ганьсу).

На поясе мужчины висит чаша, платок и нож. Поясные чаши и ковши известны еще со времен Золотой Орды; поначалу они выполняли роль походной фляги, но со временем превратились в статусный атрибут.

На рисунке рука женщины сложена в чинмудру («мудра осознанности», большой и ука-

зательный палец соединены, ладонь обращена вниз). Руки мужчины сложены на животе, пальцы переплетены, как в ушас-мудре, только ладони обращены вниз. Поскольку исконное население данного региона исповедовало буддизм, можно предположить, что такое положение рук является отсылкой к религиозным практикам данного региона.

Рис. 2

§2. 伊犁等處宰桑

Зайсан из Или и прочих земель

伊犁等處台吉之下，各置宰桑以轄民人部落，職有大小，以所轄之遠近為差。男戴紅纓高頂捲邊皮帽，左耳亦飾珠環，衣長領衣，或以錦繡，或以紵絲氍毹，腰插小刀，佩腕巾，穿紅牛革鞮。其婦人服飾亦俱與台吉之婦相似，蓋亦無甚區別也。

В Или и прочих местностях в подчинении тайджи всюду ставятся зайсаны, чтобы управлять народом и племенами. По положению они бывают крупными и мелкими, ранжируются

в зависимости от степени удаленности зависящего [от них населения]. Мужчины носят меховые шапки с загнутыми полями и с высокой тульей, отделанной красной бахромой, левое ухо украшено кольцом с жемчужиной, одеты в платье с длинным воротом, либо из вышитой парчи, либо из индийского сукна, на поясе носят маленький кинжал, а также чашу и платок, обуты в туфли из кожи рыжего яка. Одежды их жен также похожи на одежды жен тайджи: по видимому, [они] тоже ничем не отличаются.

В период XV–XVIII вв. зайсанами называли людей, занятых на службе у монгольских ханов и крупных князей. В округе Или, под началом тайджи, зайсаны отвечали за вверенных им подданных, занимались хозяйственными делами, распределением пастбищ и сбором повинностей. Поскольку немусульманское население региона вело преимущественно кочевой образ жизни, за зайсанами часто «закрепляли» не территории, а кланы, соответственно, их власть распространялась на представителей клана независимо от того, насколько далеко тот откочевал [Владимирцов, 1934, С.138, 140, 144].

В отличие от подавляющего большинства иллюстраций в «Чжи гун ту», люди на которых изображены в статичных позах, зайсан и его супруга запечатлены в динамике. Женщина указывает рукой на что-то впереди и очевидно идет к этой цели, оглядываясь на мужчину, словно зовет за собой. Мужчина, подобрав полы платья, следует за ней, большим пальцем правой руки указывая себе за спину. С одной стороны, динамичность их поз можно понимать как указание на активное участие зайсанов в жизни народа, поскольку, в отличие от тайджи, которые решали масштабные стратегические вопросы,

зайсаны заведовали насущными, хозяйственными делами населения и были больше вовлечены в жизнь простого народа. С другой, пока до трактата не добрались специалисты по гендерным исследованиям, предположение о том, что иллюстрация свидетельствует о высокой социальной роли женщины, пока еще не было озвучено.

В целом костюм и атрибуты тайджи и зайсана практически идентичны, однако последний уступает в богатстве отделки – его обувь не покрыта вышивкой, платье и пояс пошиты из заметно менее дорогой ткани. То же справедливо и по отношению к женщинам.

Рис. 3

§3. 伊犁等處民人 / 伊犁等處民人婦

Илие́ц-простолюдин / Или́йка-простолюдинка

И́лецы́ ми́ры сь о́бразом кочевья, не́ сь о́бразом земледелия. Мужчины носят овечьи шапки с желтым верхом, левое ухо украшено медным кольцом, все одеты в платья, сшитые из кусков необработанной овчины, опоясываются матерчатым кушаком, обуваются в сапоги из желто-черной кожи. Женщины заплетают волосы в две косы, в обоих ушах носят медные кольца. Их шапки, одежда и кожаные туфли похожи на те, что носят мужчины.

Простой народ Или занимается кочевым животноводством, не занимается пахотным земледелием и живет исключительно полагаясь на хуэйцев. Мужчины носят овечьи шапки с желтым верхом, левое ухо украшено медным кольцом, все одеты в платья, сшитые из кусков необработанной овчины, опоясываются матерчатым кушаком, обуваются в сапоги из желто-черной кожи. Женщины заплетают волосы в две косы, в обоих ушах носят медные кольца. Их шапки, одежда и кожаные туфли похожи на те, что носят мужчины.

Изображенные на иллюстрациях мужчина и женщина одеты в одинаковые теплые одежды из лоскутов овчины и идентичные шапки, лица их одинаково обветрены, при этом лицо мужчины темнее, словно покрыто загаром, что характерно для представителей кочевых народов. Одеты они явно теплее, чем тайджи и зайсан. На поясе мужчины также висят чаша и платок, но, в отличие от тайджи и зайсана, нож он держит в руке, что, скорее всего, говорит о том, что для простого человека нож был не символическим атрибутом власти, а инструментом, которым он часто пользовался.

Рис. 4

§4. 伊犁塔爾奇、查汗烏蕪等處回人 / 伊犁塔爾奇、查汗烏蕪等處回子婦

Мусульманин и мусульманка илийского Таэрци, Чахань Усу⁴ и прочих земель

伊犁貿易回人族姓不一，住伊犁之塔爾奇、查汗烏蕪等處，與諸厄魯特貿易，又有阿克素、庫扯、葉爾青穆、哈什哈爾、呼騰等五種回人各居城堡，以耕牧為生。乾隆二十年平定伊犁，其回人阿迪斯伯克、烏素卜等輸誠向化，赴熱河朝覲，賜賚遣歸。男戴紅頂貂帽，著金絲織錦衣，束錦帶，穿嵌花草鞮。回婦辮髮雙垂，約以紅帛，綴珠為飾，其冠服則與男子相同，能織番錦，俗稱回子錦，每錦一端可易馬十餘匹，或羊數十隻。

Хуэйцы, которые занимаются торговлей в Или, происходят из разных народностей, проживают в Тарчи, Чаган Усу и прочих местностях, те, что торгуют со всеми ойратами, живут в пяти укрепленных городах: Аксу⁵, Кучар⁶, Яркенд⁷, Кашгар⁸ и Хотан⁹, живут хлебопашеством и животноводством. В двадцатый год правления под девизом Цяньлун [1755] Или был усмирен, и проживающие в нем хуэйцы Адис-бек («Адисы-бокэ»), Усубо («Усубу») и другие проявили искреннее желание прийти в подчинение [империи Цин], отправились на высочайшую аудиенцию в Жэхэ¹⁰, где получили в ответ богатые дары. Мужчины носят красные шапки и одеты в расшитую золотом парчу, подпоясаны парчовым поясом, носят обувь из локутов кожи. Мусульманские женщины заплетают волосы в две прямые косы, перевивают их красной шелковой тесьмой, украшают себя жемчугом, однако их одежда и шапки похожи на те, что носят мужчины, умеют ткать варварскую парчу, которую в просторечии называют хуэйской парчой, за каждую штуку

парчи можно выменять более десяти коней или несколько десятков овец.

Что касается упомянутых в тексте беков Адисы и Усубо, однозначную идентификацию произвести весьма затруднительно. Так, первыми перешедшими на сторону Цинской империи был уч-турфанский бек Ходис (он же Ходжи-Сыбек, который взял в плен и выдал цинам джунгарского хана Дабачи и в дальнейшем принимал активное участие в подавлении антицинских выступлений в Восточном Туркестане) и аксуский Абдул-Вахаб. При этом Ходжи-Сыбек в китайских источниках, в том числе и в «Чжи гун ту» в §7, записывается как 霍集斯 – «хо цзи сы». Исследовательница К.Ш. Хафизова про уч-турфанского бека пишет: «Хоцзисы (Шараф ад-Дин Юсуф) – один из 6 уйгурских героев Цяньлуна в Палате пурпурного блеска» [Хафизова, 2019, С.426]. В таком случае можно допустить, что упомянутый в отрывке выше «Адис-бек» (кит. Адисы-бокэ, 阿迪斯伯克) и «Усубо» (кит. Усубу 烏素卜) – это один человек, Ходис-бек Юсуф.

Юсуфом также звали правящего на тот момент бека Кашгара, однако достоверных сведений о том, что он переходил на сторону

⁴ 查汗烏蕪, уйгурское название Чаган-Усу, альтернативное китайское – 瞻德城; один из девяти фортифицированных городов, созданных цинами в районе Или.

⁵ Аксу – в настоящее время округ в СУАР, на территории северо-западной части Таримского бассейна и южных склонах Тяньшаня.

⁶ Кучар (Кучэ) — уезд округа Аксу СУАР, у подножия Тяньшаня.

⁷ Яркенд – оазис и уезд в СУАР, к юго-востоку от Кашгара и к северо-западу от Хотана.

⁸ Кашгар – городской уезд в городском округе Кашгар СУАР.

⁹ Хотан – оазис и городской уезд в округе Хотан на юго-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района, южнее пустыни Такла-Макан.

¹⁰ Жэхэ – некогда провинция в северо-восточной части Китая с административным центром в городе Чэндэ, летняя столица цинской империи.

цинов, нет. Кроме того, упоминание еще одного подозреваемого Юсуфа можно найти в указе Цяньлуна от 1758 года о покорении уйгуров: «Как доложил Яэрхашань, байкэ Ходзисы, ранее выдавший Даваци, занимается управлением делами в Туэрмене (Учтурфане) и т. д. <...> Когда наши войска придут туда, Хоцзисы непременно подойдет с покорностью. <...> Если Акэсу (Аксу) и Кучэ (Кучар) уже взяты, то здесь необходимо оставить войска для подавления [сопротивляющихся]. Юйсифу (Юсуф) является искренним и честным человеком, он может охранять эти два города. Приказать ему находиться в том городе, который считается наиболее важным. Этим можно успокоить вновь покоренных и обеспечить нормальную связь между станциями» [Международные отношения в Центральной Азии, 1989, С.92-93]. Упомянутый Юсуф – хакимбек туземной администрации Янги-Гиссара, уйгур по национальности, имел ранг сановника 4-го разряда [Международные отношения в Центральной Азии, 1989, С.254]. Вероятнее всего, в тексте упоминается именно он.

На картинке изображен мужчина с крайне суровым выражением лица. Волосы, усы и борода его имеют рыжеватый оттенок, радужка глаз светлая, хотя разрез глаз монголоидный. В левой руке он держит четки, правую прячет за спину. Вероятно, подобный жест, вкупе с эмоциональной окраской, характеризует его как подозрительного и ненадежного человека, т.е. показатель того, что этот регион ненадежен и не стоит доверия. Следует учитывать, что именно там разыгрались драматические события, сопровождавшие падение Джунгарского ханства, а также последующее предательство Хана-Ходжи и Бурхан ад-Дина, речь о которых пойдет ниже.

Женщина относится к монголоидному типу, черноволоса; вероятно, в данном случае подразумевается, что пришлые неханьские народы ассимилировались на территории Китая посредством женитьбы на ханьских женщинах. Одежды ее сшиты из ткани, обильно расшитой флоралистическим узором.

Рис. 5а

Рис. 5б

§5. 哈薩克頭目 / 哈薩克頭目婦 (Рис.5a)

哈薩克民人 / 哈薩克民人婦 (Рис.5b)

Казахский старейшина / Супруга казахского старейшины

Простолюдин-казах / Простолюдинка-казашка

哈薩克在準噶爾西北，即漢大宛也，有東西二部，自古未通中國。乾隆二十二年，東哈薩克之阿布賴、阿布爾班必特，西哈薩克之阿必里斯等先後率眾歸誠，各遣其子姪赴京瞻仰，並進獻馬匹，遂隸版圖。其俗以遊牧為生，亦知耕種，頭目等戴紅白方高頂皮邊帽，衣長袖錦衣，絲繚革鞮。婦人辮髮雙垂，耳貫珠環，錦鑲長袖衣，冠履與男子同。其民人男婦則多氊帽褐衣而已。

Казахи проживают на северо-западе Джунгарии, при Хань [они назывались] Давань, делятся на восточных и западных, с древних времен еще не вступали в контакты со Средним государством. В 22-й год правления под девизом Цяньлун (1757) Абылай-хан и Абилмамбет-хан из восточных казахов и Абляз-хан и прочие из западных казахов один за другим привели свои народы выразить искреннюю преданность [цинскому императору], каждый отправил сыновей и племянников в столицу выразить почтение [государю], и вместе с тем преподнести в дар коней, прийти в подчинение и присоединить земли к [цинской] карте. В их обычаях жить кочевым скотоводством, при этом им знакомо и земледелие; их старейшины и прочие носят красно-белые квадратные шапки с высоким верхом и кожаными краями, одеваются в длинные в платья с длинными рукавами, обуты в кожаные туфли с шелковыми лентами. Женщины заплетают волосы в свободно ниспа-

дающие косы, в уши вдевают кольца с жемчужом, одеты в платья с длинными рукавами, с парчовой каймой, шапки их такие же, как и мужчин. Простой народ, мужчины и женщины, носят всего лишь войлочные шапки и платья из грубой ткани.

Абылай-хан, поначалу поддержавший мятежного Амурсану, в дальнейшем, сопоставив соотношение сил, передумал и оказал деятельную помощь цинскому правительству; цинские источники, впрочем, по обыкновению представили этот эпизод в нужных цинскому двору красках: «Демонстрируя [свою] дружбу, [он] принес извинения, служил с почтением, умоляя о том, чтобы стать вассалом <...> С 24 года [эры правления Цяньлун] (1759) и позже много раз присылали ко двору послов с данью, которых одаривали головными уборами и одеждой во время торжественного пира, как и всех других» [цит. по Пастухов, 2009, С.25]

На картине «哈薩克貢馬圖» («Казахи преподносят лошадей») иезуитский художник Джузеппе Кастильоне запечатлел аудиенцию, на которой казахские послы преподносят Цяньлуну дань. На картине изображены трое казахов, каждый из которых ведет под уздцы коня. Казахов сопровождают двое маньчжур. Первый казах совершает ритуал «коутоу» – земной поклон императору, остальные двое ждут своей очереди. Достоверных сведений о времени написания картины нет, однако

¹¹ Давань (Даюань, Паркан) – древнее среднеазиатское государство, существовавшее с III в. до н. э., занимавшее центральную и восточную часть Ферганской долины. Паркан находился на территории современных Узбекистана и Кыргызстана.

¹² Абылай-хан (1711–1781) — хан всего Казахского ханства.

¹³ Абилмамбет-хан (ок. 1690–1771) — хан Среднего Жуза.

¹⁴ Абляз-хан – старший сын Жолбарыса, хана Старшего Жуза.

последние годы жизни Кастильоне¹⁵ пришлось как раз на драматические события в центральноазиатском регионе; кроме того, казахских посланцев трое, что соответствует трем указанным в «Чжи гун ту» ханам, присягнувшим Цяньлуну. Одежда данников полностью соответствует изображенной в «Чжи гун ту» – островерхние красные шапки с мехом, расшитые халаты с длинными, закрывающими кисти рукавами.

Рис. 6а

Рис. 6б

§6. 布魯特頭目 / 布魯特頭目婦 (Рис.6а)

布魯特民人 / 布魯特民人婦 (Рис.6б)

Старейшина бурутов¹⁶ / Супруга старейшины бурутов

Бурут-простолюдин / Бурутка-простолюдинка

布魯特在準噶爾西南，亦回(徇)種也，有左右二部。乾隆二十三年，左布魯特之嗎母特庫里，右布魯特之哈拉博托等率其部落先後歸誠，各遣使進京瞻仰，遂隸版圖。其俗以耕牧為生。男戴長頂高沿帽，約以白縑四道，衣長領錦衣，腰繫紅帶，足履紅革鞮。婦人辮髮雙垂，耳貫珠環，衣鑲邊長袖錦衣，冠履亦同男子。

Буруты живут на юго-западе от чжунгар, так же из хуэйского племени, разделяются на правое и левое кочевья. В 23-й год под девизом Цяньлун (1758) [вождь] левых бурутов Маматкул бий¹⁷ и [вождь] правых бурутов Каработо¹⁸ по очереди привели свои племена и добровольно подчинились [императору], каждый отправил в столицу посольство выразить почтение [государю] и прийти в подчинение. Тогда [их население и земли] включили в [цинские] карты и реестры. В их обычаях жить земледелием и скотоводством. Мужчины носят шапки с длинным верхом и высокими полями, перевя-

¹⁵ Джузеппе Кастильоне (1688 –1766) — итальянский монах-иезуит, миссионер и придворный художник в Китае.

¹⁶ Буруты – этноним киргизов, распространенный в китайских исторических хрониках, по названию одного из наиболее многочисленных хакасских сеоков.

¹⁷ Матмакул-бий (примерно 1660 - после 1758) - один из предводителей народной борьбы против калмакских захватчиков в первой половине XVIII в., возглавлял северные роды кыргызов.

¹⁸ Каработо-бий – помощник и доверенное лицо Маматакул-бия.

занные четырьмя белыми лентами, одеты в парчовые одежды с длинным воротником, подпоясаны красным поясом, на ногах туфли из красной кожи. Женщины заплетают волосы в две прямые косы, в уши вдевают кольца с жемчугом, одеты в парчовое платье с каймой и длинными рукавами, шапка похожа на мужскую.

Следует отметить, что киргизские исследователи дают ровно противоположную картину, ссылаясь на неназванные «китайские источники»; согласно им, Маматкул-бий управлял правым крылом, а Каработо – левым [Борубашов, 2015, С. 101-102]. Киргизские послы – Ниша, Черикчи и бий чагыр-саяков Тореке, а следом за ними и родственник Маматкула Шербек – действительно приехали к Цяньлуну в 1758 г., что было использовано для официального причисления киргизов-саяков, чагыр-саяков и сарыбагышей к «иноземным вассалам» Китая. В подтверждение этому им пожаловали шарик и перья (т.е. знаки достоинства цинских чиновников), которые носили на шапках [Кузнецов, 1983, С.14-30].

Правитель бурутов изображен с кротким лицом, при этом его левая кисть полностью закрыта рукавом, который он придерживает правой. В отличие от бурута-простолюдина, изображенного на следующей иллюстрации, на поясе у него нет кинжала. Спрятан ли кинжал в рукаве, остается только догадываться.

Обе кисти женщины полностью закрыты рукавами. Обычай прятать кисти рук существует в отдельных регионах Центральной Азии и по сей день. Примечательно, что у простолюдинки, изображенной следом, обе кисти откры-

ты, при этом кожа рук значительно темнее, чем лицо – вероятно, свидетельство того, что ей приходится постоянно работать руками.

Отдельную проблему представляет изображение супруги киргизского старшины. На цветном изображении ее лицо и шея покрыты узорами светло-коричневого цвета, однако в текстовом сопровождении об этом не сказано ни слова. Отсюда непонятно, является ли этот узор частью изображения, который приходится четко на лицо и шею женщины, или это механическое повреждение свитка (другие изображения не подверглись подобного рода повреждениям). В «Синь Тан шу» указано, что у киргизских женщин в VIII-IX вв. существовал обычай татуировать шею и лицо после замужества [Синь Тан шу, цз.217b], хотя в более поздний период упоминания об этом обычае нет. Также в Синь тан шу сказано, что, помимо женской татуировки, в традициях киргизов есть обычай татуирования мужчин, отличившихся доблестью, – в таком случае татуировка наносилась на кисти рук. Однако, на изображении в «Чжи гун ту» правая кисть мужчины не имеет татуировок, а левая спрятана в рукаве. В ксилографическом черно-белом издании на лице женщины также нет никакого узора. Таким образом, природа этого отпечатка до сих пор остается под вопросом.

Бурут-простолюдин изображен с добродушным, улыбающимся лицом, при этом правой рукой он держится за нож, висящий на поясе. И мужчина, и женщины изображены одетыми в идентичные черные одежды.

Рис. 7а

Рис. 7б

§7. 烏什庫車阿克蘇等城回目 / 烏什庫車阿克蘇等城回目婦 (Рис.7а)

烏什庫車阿克蘇等處回人 / 烏什庫車阿克蘇等處回人婦 (Рис.7б)

Старейшина мусульман Уч-Турфана, Кучара, Аксу и других мест / Супруга старейшины Уч-Турфана, Кучара, Аксу и других мест

Мусульмане Уч-Турфана, Кучара, Аксу и других мест / Мусульманка Уч-Турфана, Кучара, Аксу и других мест

烏什、庫車、阿克蘇等城回(徇)人，西域回部也。又有互闡五城，即古于滇國。其回目謂之和卓木，各城有伯克以轄之。乾隆二十三年，烏什城霍集斯伯克遣子莫雜帕爾來京瞻仰，頭裹錦巾，頂插金條，如花葉狀，行則瑣然有聲，錦衣錦帶，履花草鞮，蓋回俗貴者之服飾也。婦人辮髮雙垂，耳貫珠環，錦鑲衣，花草鞮。至回民男婦則小白帽，褐衣，大約與吐魯番相似。地有城郭、村落、室廬，土產五穀瓜菓。男勤耕作，女知織紝，牲畜駝馬牛羊皆有之。

Мусульмане Уши¹⁹, Кучэ²⁰, Аксу²¹ и других городов, [относятся к] мусульманам западных поселений. Есть и те, что из пяти городов государства Юйтянь²², которое в древности называлось Дяньго²³. Их правителя называют ходжой, а в каждом городе есть бек, который управляет этим городом. В 23 год под девизом правления Цяньлун (1759) бек Ходис отправил

¹⁹ 烏什 – (Уч)Турфан. После образования в 1883 году провинции Синьцзян был создан непосредственно управляемый комиссариат Уши (烏什直隶厅) в составе Аксуского маршрута (阿克苏道). После Синьхайской революции в 1913 году комиссариат был преобразован в уезд.

²⁰ Кучар – уезд округа Аксу Синьцзян-Уйгурского автономного района. На территории уезда в древности располагалось одноимённое древнее буддийское государство. В 1902 году была образована непосредственно управляемая область Кучэ (库车直隶州) подчинённая Аксускому маршруту (阿克苏道). После Синьхайской революции в 1913 году был образован уезд Кучар.

²¹ Аксу – округ в СУАР, занимает северо-западную часть Таримского бассейна и южные склоны Тяньшаня.

²² Юйтянь – древнее государство на территории СУАР.

²³ Дяньго – государство народности дянь на территории нынешней провинции Юньнань, существовавшее в период Хань.

сына Музаффара²⁴ в столицу, чтобы засвидетельствовать почтение императору. Голова [Музаффара] была обернута парчовым платком, сверху воткнуты золотые шпильки с узором в виде цветов и листьев, которые звенели при ходьбе, одежда и платок его были из парчи, а кожаные туфли покрыты узором – вероятно, такими были одежда и украшения, привычные для мусульманской знати. Женщины заплетают волосы в две косы, в уши вдевают кольца с жемчугом, одежды из расшитой парчи, на ногах обувь с вышивкой. Что до простых мусульман, то мужчины и женщины носят маленькие белые шапочки, одежду из простой ткани, примерно похожи на турфанцев. На их землях есть города и предместья, селения, отдельные дома, земля родит пять злаков²⁵, тыквы и фрукты. Мужчины трудятся в поле, женщины занимаются ткачеством, разводят домашний скот – верблюдов, лошадей, коров и овец.

Не совсем понятно, изображен ли на иллюстрации собственно Музаффар или в целом представитель мусульманской знати Турфана и других упомянутых мест. Тот факт, что в тексте упоминается «супруга», говорит, скорее всего, в пользу последнего, поскольку женщин в посольства обычно не брали.

У женщины-простолюдинки монголоидный разрез глаз, хотя вытянутая форма лица, массивный подбородок и крупный нос намекают на примесь другого этноса (в отличие от супруги старейшины, у которой чисто монголоидная внешность). Возможно, в данном случае вновь имела место ассимиляция высшей знати посредством браков с китайками, в то время как простолюдины, не облеченные властью, были вольны жениться на соплеменницах. Кисти рук обеих женщин спрятаны в рукавах – практика, распространенная во многих регионах Центральной Азии до начала XX в.

²⁴ Старший сын Ходжи-Сыбека, бек Уша [Думан, 1936, С.95]

²⁵ Рис, просо, ячмень, пшеница, бобы.

Рис. 8a

Рис. 8b

§8. 拔達克山回目 / 拔達克山回目婦
(Рис.8a)

拔達克山回民 / 拔達克山回民婦 (Рис.9b)

Старейшина Бадахшана / Супруга старейшины Бадахшана

Мусульманин из Бадахшана / Мусульманка из Бадахшана

拔達山在喀什哈爾之西二千餘里，蓋西域回部之稍大者。乾隆二十四年秋，大兵追擒逆回兩和卓木至其地，其酋素爾坦沙協力堵截，執殺兩和卓木，獻馘軍門，輸誠內屬，遣使赴京瞻仰，貢獻狗馬鎗械等物，其附近之坡羅爾等城回人亦俱聞風向化。男女服食大約與喀什哈爾等城回俗相同，其言語謂之帕爾西話。

Бадахшан²⁶ находится в 2 тысячах с лишним ли от Кашгара, занимает значительную часть окраины мусульманских областей в Западном крае. В 24-й год правления под девизом Цяньлун (1760) войска в погоне за двумя мятежными ходжами достигли этих краев, местный вождь Султан-шах присоединился к ним и блокировал путь, схватил и умертвил обоих ходжей, преподнес их левые уши главнокомандующему военачальнику и искренне принял вассальное подчинение [Цинской империи]. Отправил посланников в столицу, чтобы засвидетельствовать почтение государю и преподнести дары – собак, коней и стрелковое оружие. Хуэйцы Болора и других соседних городов, услышав об этом, также перешли в подчинение [Цинской империи]. Одежда и пища мужчин и женщин в целом похожа на принятую у мусульман Кашгара и прочих городов, язык их называется парси.

Ученые до сих пор расходятся во мнении, какая местность получила в китайских источниках название Болор. В. В. Бартольд указывал, что страна Болор — «туземное название об-

ласти, более известной теперь под наименованием Кафиристан²⁷». По другой версии, это был Читрал, самый северный округ пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва; упомянутый в китайских источниках поход правителя Бадахшана Султан-шаха в страну Болор совпадает по времени (1751 г.) с упомянутым в исторических хрониках «Та'рих-и Бадахшан» походом Султан-шаха на Читрал [Абаева, 1975, С.158, 163]. Соотнесение Болора с Читралом можно найти и в Ежегоднике ферганской области [Ежегодник, 1903, С.25].

Упомянутые в тексте мятежники – братья Хан-Ходжи и Бурхан ад-Дин – стали серьезной проблемой после разгрома Джунгарского ханства. Изначально Цины сделали на них ставку, надеясь с их помощью умиротворить нестабильный регион, однако в планах братьев не значилась зависимость от китайцев, а потому, заручившись достаточной поддержкой на местах, они открыто выступили против Цинской империи. Цинские войска довольно долго гонялись за ними по всему региону и в деле усмирения мятежников пытались привлечь на свою сторону киргизов, которые на протяжении всего конфликта старались занимать нейтральную позицию, даже после нескольких набегов Хан-Ходжи на киргизские кочевья. Упомянутое выше посольство Маматкул-бия было отправлено в Пекин именно в контексте переговоров с Цинами об оказании помощи в поимке мятежников. В апреле 1759 года указом императора Цяньлуна сановникам Цзюньцзичу

²⁶ Бадахшан – историческая область Памира, расположенная на территории юго-восточного Таджикистана — Горно-Бадахшанская автономная область, и северо-восточного Афганистана — провинция Бадахшан.

²⁷ Историческое название территории современной афганской провинции Нуристан и окрестных территорий

было велено передать бургутскому правителю следующее: «Когда великая армия атаковала Яркенд, вам было приказано послать войско на помощь. Вы намеренно сослались на сильные холода и глубокие снега. <...> Поскольку вы искренне изъявили покорность Небесной династии и удостоились милостивого расположения великого императора, полагаем, что [вы] обязаны послать солдат на помощь, чтобы показать свою верность и в будущем удостоиться нашей милости. <...> Если же опять будете спокойно сидеть и наблюдать, сложа руки, мы непременно дознаемся [об этом]» [Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана, 2003, С.101-102]. Но, очевидно, даже это не подвигло киргизов к каким-либо активным действиям, и помощь в итоге пришла от бадахшанского Султан-шаха.

На иллюстрации представлен бадахшанский старейшина. В отличие от типичных для свитков «Чжи гун ту» изображений представителей этноса средних лет, он относится к старшей возрастной группе, сед и морщинист. Его супруга также несколько старше, чем обычно изображаемые женщины. Орнамент на одежде соответствует распространенному в Бадахшанской области и в настоящее время.

Простые мусульмане Бадахшана одеты в одежду из достаточно дорогой ткани с вышивкой, из чего можно заключить, что общее благосостояние в районе было достаточно высоко, хотя на обеих женщинах – и простой, и знатной – отсутствуют какие-либо украшения. Кисти рук простолюдинки спрятаны в длинных рукавах, при этом голова не покрыта.

Рис. 9а

Рис. 9б

§9. 安集延回目 / 安集延回目婦 (Рис.9а)

安集延回民 / 安集延回民婦 (Рис.9б)

Старейшина Андижана / Супруга старейшины Андижана

Мусульманин Андижана / Мусульманка Андижана

安集延城在喀什哈爾西北千餘里，其地與布魯特接壤，各部回人多有往彼貿易者。乾隆二十四年秋，大兵平定喀什哈爾，其目厄爾得尼伯克遂納款歸誠。其人以貿易耕種為業，言語服食大概亦與喀什哈爾等城回俗相同。

Андижан находится в тысяче с лишним ли к северо-западу от Кашгара, эти земли граничат с бурутами, и среди мусульманского населения каждого района встречается множество тех, кто ходит в те земли торговать. Осенью 23-го года под девизом Цяньлун [(1759)] [цинское] войско умиротворило Кашгар, их вождь Ирдана-бий²⁸ перешел в подчинение [Цинской империи], выплатив дань тогда же [на месте]. Местные занимаются торговлей и земледелием; язык, одежда и пища в целом сходны с теми, что обычны среди мусульман Кашгара и других городов.

Стоит сказать, что упомянутый «переход в подчинение Цинской империи» Ирдана-бия носил чисто номинальный характер и происходил на фоне обострившегося локального соперничества. Кокандское ханство постоянно сотрясали то междоусобные распри, то конфликты с соседями (особенно с киргизами), а также внешняя угроза в лице Джунгарского ханства и Цинской империи. К моменту появления Цинского посольства заметным политическим противником Ирдана-бия стал Аджи-бий, киргизский правитель, занимавшего горную территорию между Кокандом и Кашгаром, с которым, однако, Ирдана-бию пришлось заключить «договор дружбы» на случай противостояния

цинским войскам. Китайские послы прибыли в 1759 г., при этом сперва к Аджи-бию, вместе с декретом, печатью и обещанием покровительства взамен вассалитета. Обрадованный неожиданным появлением мощного союзника, Аджи-бий немедленно отправился покорять и объединять другие киргизские племена, в том числе и те, что проживали в Фергане, в непосредственных владениях Ирдана-бия. Подобное развитие событий тому, естественно, совершенно не понравилось, поэтому прибывшим теперь уже в его стан послам дань была выплачена прямо на месте (на款歸誠, упоминается единственный раз за весь свиток), чтобы заручиться цинской поддержкой как можно скорее и не отвлекаться на снаряжение послов в Пекин. Сами же цины, вероятно, пытались воплотить в жизнь известную формулу «победить варваров руками других варваров» и столкнуть узбеков с киргизами [Плоских, 1977, С.88-91].

И женщина, и мужчина относятся к европеоидному типу, у обоих светло-карие, почти желтые, глаза. Они одеты в халаты из полосатой ткани, характерной для узбекского костюма. При этом изображенные шапки больше похожи на киргизский калпак – головной убор, сшитый из четырех войлочных клиньев, расширяющихся книзу, с загнутыми полями. В данном случае могла сказаться и мультикультурность Андижана, с определенной инвазивностью элементов национального костюма, с другой – возможно, иллюстрация выполнялась со слов того, кто некорректно передал детали.

²⁸ Абдулкаюмхан (Ирдана-бий) (1720-1762), пятый правитель из узбекской династии Мингов в Кокандском ханстве.

Рис. 10

§10. 安西廳哈密回民 / 安西廳哈密回民婦

Хамийский мусульманин тина Аньси /
Хамийская мусульманка тина²⁹ Аньси³⁰

哈密回民，即唐時回紇苗裔，明置哈密衛，嗣服屬於準噶爾。本朝定鼎，回長奉貢襲封。至康熙年間，西路用兵，為設駐防，武臣屹為重鎮。其人男戴紅頂黑簷帽，衣長領齊袖衣。婦人披髮四垂，戴瓜皮小帽，衣用各色褐布。飲食風俗俱同內地。回民歲貢哈密瓜等物，其瓜州五堡回民則係雍正年間投誠安插者，服飾與哈密同。

Хамийские мусульмане – это потомки танских уйгуров из каганата Хуэйхэ. В правление династии Мин [здесь] основали вэй³¹ Хами,

²⁹Тин – комиссариат, административный район, вместо уезда, подчинённый области 府, в местностях, заселённых нацменьшинствами.

³⁰Поселение, основанное в 1727 г. на территории, входящей в современный уезд Гуачжоу пров.Ганьсу.

³¹Вэй – военно-административная единица Китая с гарнизоном в 5600 чел. при династии Мин. Вэй Хами был основан в 1406 г. и стал одним из первых вэев в Восточном Туркестане

которое [(букв. – «их потомки»)] впоследствии оказалось во владении Джунгарского ханства. После основания нынешней династии хуэйская знать выплачивает дань и наследует пожалованные земли и титулы. Во время правления под девизом Канси западными путями были отправлены войска, с тем чтобы поставить охранные гарнизоны; военные чиновники превратили их в стратегически важные укрепленные пункты (屹 – сказуемое, в значении, производном от прилагательных «высокий, неприступные» со смыслом сделать такими; 為 – вводит результат глагольного действия с оттенком «превратили в»). Местные мужчины носят шапки с красными макушками и черными полями, одежды с длинным воротом и строгими рукавами. Женщины распускают волосы, которые ниспадают с четырех сторон, носят маленькие шапочки [полукруглой, как] дынная корка, формы, одежду шьют из простой ткани разных цветов. Напитки, пища и обычаи сходны с теми, что приняты во внутренних территориях.

Хуэйцы ежегодно преподносят в дань дыни и прочие вещи. Хуэйцы пяти поселений Гуачжоу³² – это поселенцы, перешедшие на сторону Цин при правлении под девизом Юнчжэн, их одежда и украшения сходны с хамийскими.

Вэй Хами был основан в 1406 г. и стал одним из первых вэев в Восточном Туркестане. Первые титулы и наделы хамийская знать получила еще в 1380 году, когда хамийский правитель Унашири принял китайских послов и согласился признать номинальный вассалитет. С учреждением гарнизона-вэй власть, тем не менее, оставалась в руках местных правителей, которые регулярно выплачивали минскому

³²Гуачжоу – древнее название местности, сейчас город Дуньхуан в провинции Ганьсу.

императору дань в виде отборных скакунов. На протяжении всего XV века вэй Хами был яблоком раздора и желанной добычей нескольких противоборствующих в регионе сил и регулярно переходил из рук в руки между китайцами, ойратами и турфанским ханом, а затем – между Джунгарским ханством и Цинской империей. На момент создания «Чжи гун ту» судьба региона все еще не была решена.

Мужчина изображен в коричневом длинном кафтане, подбитом мехом, с рябым, веснушчатым или испачканным сажей или грязью носом. В правой руке он держит дыню-хамы. На черно-белой гравюре эти детали не отражены, а очертания дыни практически не угадываются. Шапка мужчины не похожа ни на уйгурскую, ни на хамийскую, ни на хуэйскую (типичную для мусульманских народов), которые в большей или меньшей степени представляют собой разновидности тибетейки; его головной убор напоминает, скорее, казахский калпак. Это уже не первый раз, когда казахский или киргизский головной убор оказывается изображен на представителях других этнических групп.

Женщина изображена в красочных одеждах, которые спрятаны под большой накидкой черного цвета. Кисти рук женщины также спрятаны в накидке, при этом волосы распущены. Судя по фотографиям турфанцев конца XIX века, обычай прятать кисти рук в рукавах или под накидкой характерен для данного региона. При этом голова женщин часто остается непокрытой или покрытой маленькой шапочкой. Головной убор женщины на изображении соответствует тем, что носят в районе Хами и в настоящее время.

Рис. 11

§11. 肅州金塔寺魯古慶等族回民 / 肅州金塔寺魯古慶等族回婦

Хуэйцы Цзиньтасы³³, Лугуцина³⁴ и прочих Сучжоуских мест

魯古慶、皮禪二族回民俱土魯番部落，亦唐時回紇苗裔也。本朝雍正四年投誠內附，安插於肅州之金塔寺威魯堡，給田耕種，以資生計。男子戴綠頂皮帽，衣褐布長領衣。婦人髮垂兩綹，戴紅帽，斜插沙鷄翎，衣用紅綠等色布，足靴以布帶縱橫繫之。其飲食風俗亦同內地回民。

Две народности хуэйцев Лугуцина и Пишаня³⁵ – это турфанские племена, потомки танских уйгуров каганата Хуэйхэ. В период правления нынешней династии, в 4-й год Юнчжэн

³³ В настоящее время Цзиньта – уезд городского округа Цзюцюань провинции Ганьсу; назван в честь буддийского храма Цзиньтасы.

³⁴ Ныне 魯克沁 (Лукэсинь) – волостной город в Турфане, СУАР.

³⁵ Ныне 鄯善 (Шаньшань, или Пичан) – уезд городского округа Турфан, СУАР.

[1727] они изъявили покорность и вошли в состав внутренних земель, были поселены в Вэй-лубао и Цзиньтасы в округе Сучжоу³⁶, получили земли для возделывания, чтобы тем обеспечить себе жизнь. Мужчины носят кожаные шапки с зеленым верхом, одеты в платья из простой ткани с длинным воротом. Женщины оставляют свободно ниспадающими две пряди волос, носят красные шапки, в которые косо вставляют перо саджи³⁷, одеваются в платья из ткани красного, зеленого и прочих цветов, обуты в сапоги, перемотанные матерчатой лентой. Их пища и обычаи сходны с хуэйцами внутренних земель.

Сведения о переселении из Турфана можно найти в документе ЕМ13135, хранящемся в Этнографическом музее Анкары. Согласно ему, спасаясь от конфликта с джунгарами, турфанский правитель Эмин Коджа попросил защиты у цинского императора и, получив согласие, увел 9.374 человек в предоставленные поселения в тине Аньси. При этом указанная в документе дата – 1147 Хиджры (1734) на несколько лет расходится с указанной в «Чжи гун ту» (1727). Далее указаны конкретные места поселений: «Города назвались Тоупу, Эрпу, Саньпу, Сыпу, Упу, Таши и Сяовань. Того более, он [император] пожаловал земли этих городов вместе с землями и каналами Гуачжоу, а также земли Таши и Сяовань» [цит.по: Брофи с.18]. Очевидно, подразумеваются поселения Тоубао («Первое селение»), Эрбао («Второе селение»), Саньбао («Третье селение»), Сыбао («Четвертое селение») и Убао («Пятое селение») [Brophy, 2016, С.24-25; Сагута, 1979, С.13].

³⁶ Сучжоу – район городского подчинения городского округа Цзюцюань провинции Ганьсу.

³⁷ Степной рябчик.

Мужчина, изображенный на картинке, явно относится не к монголоидному типу. На поясе у него висят ножны, два красных мешочка (вероятно, кисета) и два платка. Отсутствие трубки позволяет предположить, что в кисетах находится жевательный табак насвай, распространенный в Средней Азии. Нож по форме напоминает уйгурский пчак с узким лезвием. Традиция повседневного ношения холодного оружия известна среди уйгур, однако пчак выполняет скорее производственно-бытовую функцию и не считается боевым оружием.

Женщина, напротив, изображена с монголоидными чертами лица; возможно, это намекает на то, что переселенцы ассимилировались, забирая в жены ханьских женщин. Кроме того, женщина очевидно беременна.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Актуальность военно-политических событий в регионе и его близость к Китаю обусловили содержание данного раздела «Чжи гун ту». О заморских странах и дальних варварах при дворе имели весьма отдаленное представление, поэтому части, посвященные «дальнему зарубежью», в основном описывали быт и внешний облик жителей тех регионов; что касается Средней Азии, особенно ее мусульманской части, контактов с ней на момент создания трактата было гораздо больше, а облик жителей, во многом сходный с представителями местного разномастного хуэйского населения, китайцам был более-менее знаком. Поэтому основной массив сведений носит не этнографический, а исторический характер; в частности, много внимания уделено обстоятельствам, при

которых данные народы приняли статус «данников» цинской империи. При этом сведения, приведенные в трактате, зачастую умышленно искажены в угоду цинскому правителю – народы Центральной Азии добровольно приходили к цинским представителям власти, «умоляя» принять их под крыло империи Цин, хотя альтернативные (центральноазиатские) источники обычно описывают стандартную картину, когда именно китайские послы являются в стан местных правителей и предлагают изъявить покорность в обмен на щедрые дары и покровительство. То есть, рассчитывать на объективную историческую точность данного источника не приходится.

Фактически, трактат представляет собой документ для личного пользования императора, который впоследствии был размножен удешевленным ксилографическим способом для более широкого применения, вполне вероятно, в целях повышения авторитета власти и подтверждения стабильности правящей династии.

Кроме того, ряд неточностей в иллюстрациях позволяет предположить, что этнографические детали создателей трактата не слишком интересовали. Вероятно, на момент создания трактата новая провинция Синьцзян оставалась для маньчжуров чем-то чуждым и не слишком понятным.

ВЫВОДЫ

Центральноазиатскую часть трактата «Чжи гун ту» нельзя считать объективным источником для этнографических и исторических исследований данного региона, представленные сведения нуждаются в подтверждении ин-

формацией из других – не китайских – документов. Однако именно эта его особенность и представляет собой своего рода ценность, поскольку проливает свет мировосприятие китайцев и тенденциозность оценки внешнеполитических связей Китая XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маяцкий Д. И. Традиционализм и новаторство: ксилографический памятник «Хуан цин чжи гун ту» и его место в серии китайских альбомов, посвященных «данникам» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В.В. Бартольда (1869-1930). СПб.: Каро, 2019. С.111-114.
2. Миронова Т. С. Специфика антропологического и этнографического содержания китайского ксилографического альбома «Изображения данников правящей династии Цин» (XVIII в.) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В.В. Бартольда (1869-1930). СПб.: Каро, 2019. С.114-116.
3. Харитонов А. М. Изучение ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» в России и Европе // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869-1930). СПб.: Каро, 2019. С. 119-122.
4. Черевко М. В. Характер сведений о народах Юго-Восточной Азии в цинском альбоме «Хуан цин чжи гун ту» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки:

- к 150-летию академика В.В. Бартольда (1869-1930). СПб.: Каро, 2019. С.122-124.
5. Самойлов Н. А. Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системы в эпоху Цин // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В.В. Бартольда (1869-1930). СПб.: Каро, 2019. С.116-117.
6. Сомкина Н. А. «Хуан цин чжи гун ту» как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869-1930). СПб.: Каро, 2019. С.117-119.
7. Маяцкий Д. И. Проблема идентификации государств «Да-сиян-го» и «Сяо-сиян-го» в «Изображениях данников правящей династии Цин» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. No 8 (185). С. 23–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.408
8. Hostetler, L. The Qing Court and Peoples of Central and Inner Asia: Representations of Tributary Relationships from the Huang Qing Zhigong tu // Managing frontiers in Qing China : the Lifanyuan and Libu revisited / Schorkowitz D., Chia N. ed. – Leiden ; Boston : Brill, 2017.
9. Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М-Л. АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. – 382 с.
10. Борубашов Б.И. История государства и права Кыргызской республики: учебник. Т. 1. – Бишкек, 2015. – 358 с.
11. Думан Л. И. Аграрная политика цинского (манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века / Ответственный редактор В. М. Алексеев. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. – 256 с.
12. Brophy, D., Onuma, T. The Origins of Qing Xinjiang: A Set of Historical Sources on Turfan. Tokyo: University of Tokyo Press, 2016.
13. Сагути Тоору. Сэйтё: сихай-ка-но Торуфан (Турфан под властью Цинской династии) // То:ё: гакухо:, дайрокудзю: кан, дайсан-ён го:, 1979 (佐口透。清朝支配下のトルファン // 東洋学報、第六十卷第三・四号、1979)
14. Плоских М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. – 393 с.
15. Абаева Т.Г. Границы древнего Болора // СНВ. Вып. 16, 1975, Памир. – с.158-168.
16. Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв. Документы и материалы. Книга 1-2. М. Наука. 1989
17. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т.2. Бишкек, 2003. – с.94,99,101-102.
18. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII- первая половина XIX в.) (автореферат кандидатской диссертации). – Новосибирск, 1983.
19. Ежегодник Ферганской области. Т. 2, Вып. 1903
20. Владимирцов, Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Изд-во: Л.: Академия наук СССР, 1934.
21. Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII—XIX веках. Монография. - Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. - 480 с.
22. Пастухов А.М. Ойратская политика Цяньлуна // Вестник Калмыцкого инсти-

тута гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2009, вып.2.

23. Синь Тан шу. цз.217b.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Mayackij D. I. Tradicionalizm i novatorstvo: ksilograficheskij pamyatnik «Huang Qing zhi gong tu» i ego mesto v serii kitajskih al'bomov, posvyashchennyh «dannikam» [Traditionalism and Innovation: Xylograph Edition of "Huang Qing zhi gong tu" and its role in the series of Chinese albums of tributaries of the governing dynasty] // XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V.V. Bartol'da (1869-1930). SPb.: Karo, 2019.– P.111-114.
2. Mironova T. S. Specifika antropologicheskogo i etnograficheskogo sodержaniya kitajskogo ksilograficheskogo al'boma «Izobrazheniya dannikov pravyashchej dinastii Cin» (XVIII v.) [The specifics of the anthropological and ethnographic content of the Chinese woodcut album "Images of tributaries of the ruling Qing dynasty" (XVIII century)]/ In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V.V. Bartol'da (1869-1930). SPb.: Karo, 2019. P.114-116.
3. Haritonova A. M. Izuchenie ksilograficheskogo pamyatnika «Izobrazheniya dannikov pravyashchej dinastii Cin» v Rossii i Evrope [Study of the xylographic monument "Images of tributaries of the ruling Qing dynasty" in Russia and Europe]/ In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V. V. Bartol'da (1869-1930). SPb.: Karo, 2019. P. 119-122.
4. Cherevko M. V. Harakter svedenij o narodah YUgo-Vostochnoj Azii v cinskom al'bome «Huan cin chzhi gun tu» [The nature of the information about the peoples of Southeast Asia in the Qing album "Huang Qing Zhi Gong Tu]. In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V.V. Bartol'da (1869-1930). SPb.: Karo, 2019. P.122-124.
5. Samojlov N. A. Evolyuciya predstavlenij o kitajskom miroporyadke i dannicheskoy sistemy v epohu Cin [The evolution of ideas about the Chinese world order and tributary system in the Qing era]. In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V.V. Bartol'da (1869-1930). SPb.: Karo, 2019. P.116-117.
6. Somkina N. A. «Huan cin chzhi gun tu» kak istochnik svedenij o Central'noj Azii v XVIII veke ["Huang Qing Zhi Gong Tu" as a Source of Information on Central Asia in the 18th Century]. In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V. V. Bartol'da (1869-1930). SPb.: Karo, 2019. P.117-119.
7. Mayackij D. I. Problema identifikacii gosudarstv «Da-xiyang-guo» i «Xiao-xiyang-guo» v «Izobrazheniyah dannikov pravyashchej dinastii Cin» [The problem of identifying the states of "Da-Xiyang-guo" and "Xiao-Xiyang-guo" in "Images of tributaries of the ruling Qing Dynasty"]/ In: Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. No 8 (185). P. 23–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.408
8. Hostetler, L. The Qing Court and Peoples of Central and Inner Asia: Representations of Tributary Relationships from the Huang Qing Zhigong tu // Managing frontiers

- in Qing China : the Lifanyuan and Libu revisited / Schorkowitz D., Chia N. ed. – Leiden; Boston : Brill, 2017.
9. Bichurin N. YA. [Iakin]. Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena. – M-L. AN SSSR, Institut etnografii im. Mikluho-Maklaya, 1950. – 382 p.
  10. Borubashov B.I. Istoriya gosudarstva i prava Kyrgyzskoj respubliki: uchebnik [History of State and Law of the Kyrgyz Republic: a textbook]. V. 1. – Bishkek, 2015. – 358 p.
  11. Duman L. I. Agrarnaya politika cinskogo (manchzhurskogo) pravitel'stva v Sin'czyane v konce XVIII veka [The agrarian policy of the Qing (Manchu) government in Xinjiang at the end of the 18th century] / ed. V. M. Alekseev. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. – 256 p.
  12. Brophy, D., Onuma, T. The Origins of Qing Xinjiang: A Set of Historical Sources on Turfan. Tokyo: University of Tokyo Press, 2016.
  13. Saguti Tooru. Sejtyo: sihaj-ka-no Torufan [Turfan under the rule of the Qing Dynasty]. In: To:yo: gakuho:, dajrokudzyu: kan, dajsanyon go:, 1979 (佐口透。清朝支配下のトルファン // 東洋学報、第六十卷第三・四号、1979)
  14. Ploskih M. Kirgizy i Kokandskoe hanstvo [Kyrgyz and Kokand Khanate]. Frunze, 1977. – 393 p.
  15. Abaeva T.G. Granicy drevnego Bolora [Borders of the ancient Bolor]. In: SNV. Vyp. 16, 1975, Pamir. – pp.158-168.
  16. Mezhdunarodnye otnosheniya v Central'noj Azii. XVII-XVIII vv. Dokumenty i materialy [International relations in Central Asia. XVII-XVIII centuries]. Vol.1-2. M. Nauka. 1989
  17. Materialy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana [Documents and materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. T.2. Bishkek, 2003.
  18. Kuznecov, V.S. Cinskaya imperiya na rubezhah Central'noj Azii (vtoraya polovina XVIII- pervaya polovina XIX v.) [The Qing Empire on the borders of Central Asia (second half of the 18th – first half of the 19th century)] (avtoreferat kandidatskoj dissertacii). – Novosibirsk, 1983.
  19. Ezhegodnik Ferganskoj oblasti [Yearbook of the Ferghana Region]. T. 2, Vyp. 1903
  20. Vladimircov, B.YA. Obshchestvennyj stroj mongolov. Mongol'skij kochevoj feodalizm [The social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism]. Izd-vo: L.: Akademiya nauk SSSR, 1934.
  21. Hafizova K.SH. Stepnye vlastiteli i ih diplomatiya v XVIII—XIX vekah [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII-XIX centuries]. Monografiya. - Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 2019. - 480 s.
  22. Pastukhov A.M. Ojratskaya politika Qianglong'a [Oirat policy of Qianlong]. In: Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. Elista, 2009, vyp.2.
  23. Xin Tang shu. vol.217(II)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD **Nadezhda Somkina**

Department of Chinese Philology

Saint-Petersburg State University

199034 St.Petersburg, Universitetskaya Emb., 11

Russia

somkina@yandex.ru

Принята к публикации: 12.12.2019 г.

Submission Date:2019.12.12

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ НА ФИЛИППИНАХ**INTER-CONFESSIONAL CONFLICT IN PHILIPPINES**

Халиков Радик Ильфатович

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Rkhalikov911@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию межконфессионального конфликта филиппинского населения, ход которому был дан несколько столетий назад и который до сих пор не теряет своей актуальности из-за исторических ошибок, допущенных в самом его начале, а также подстрекаемый ошибками правительства современных Филиппин. Рассматриваются исторические предпосылки появления конфликта, выделяются важнейшие моменты в его формировании, а также проводится анализ современного его состояния и даны рекомендации по его прекращению.

Ключевые слова и фразы: Филиппины, межконфессиональный конфликт, ИГИЛ, терроризм, ЮВА, АТР.

Для цитирования: Халиков Р.И. Межконфессиональный конфликт на Филиппинах. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(4): 108-117

ABSTRACT

In this article, we will talk about the religious conflict of the Filipino population, which began several centuries ago, and still does not lose its relevance because of the historical mistakes made in its beginning, as well as instigated by the mistakes of the government of the modern Philippines. The historical background of the conflict is considered, the most important moments in its formation are highlighted, as well as the analysis of its current state and recommendations for its termination are given.

Key words and phrases: Philippines, religious conflict, ISIS, terrorism, Southeast Asia, Asia-Pacific region.

For citation: Khalikov R.I. Inter-confessional conflict in Philippines. Modern oriental studies. 2019; 1(4): 108-117

ВВЕДЕНИЕ

После грандиозной победы коалиции стран над самопровозглашенным «государством» ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ), его разгрома на занятых им ранее территориях, а с недавних пор и полного его «обезличивания» путем уничтожения всех важнейших фигур все чаще можно услышать о том, что в связи со своим поражением, сторонники исламистов отказались от реализации своих идей. По мнению представителей коалиции, придерживающихся подобной точки зрения [4,13], все радикальные исламисты, участвовавшие в конфликте, либо уничтожены, либо попали в руки официальной власти и теперь несут наказание в соответствии с законом. При этом, утверждающие о «полном разгроме», в большинстве своем, упускают тот факт, что за весь период своего существования ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ) сумел выстроить огромную инфраструктуру, которая гарантировала им не только постоянные финансовые и материальные поступления, но и человеческие, взяв под свое крыло большое количество средних или мелких террористических организаций, присягнувших на верность их халифу и его идеям [3,11].

И хотя ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ) как государство и организация фактически прекратила свое существование, она оставила после себя большое количество последователей, разбросанных по всему миру. Так, активные сторонники, поддерживающие ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ), уже проявили себя на африканском континенте, где на территории малоразвитых государств участвуют в разных вооруженных конфликтах [2]. Их деятельность также распространяется на Европу: Англия, Германия и Франция совсем недавно стали жертвами спящих ячеек, где помимо

«классического» способа совершения своих «операций», как это было во Франции в 2015 году [18], используют и неочевидные способы, например, теракт в Германии с использованием транспортного средства [8] или кухонные ножи для своих нападений в Англии [15]. Совсем недавно очаги вооруженных столкновений, спровоцированные сторонниками радикальных исламистов, вспыхнули и на территориях стран Азии [3, 17]. И если деятельность на территории Африки и Европы может быть обусловлена происхождением их бойцов, историческим противостоянием или идеологическими мотивами, то на ситуации в Азии стоит остановиться поподробнее. Особый интерес для исследования представляет государство Филиппины, входящее в юго-восточную часть Азии, и в последнее время ставшее самым большим источником для появления, распространения и реализации своих новых идей остатками разгромленного ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ).

МАТЕРИАЛЫ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ

Главным обстоятельством, по которому выбор ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ) пал именно на Филиппины, видится в наличии исторического противостояния населения, движимого религиозными, социальными и этническими различиями и их закономерными, характерными последствиями. Современные Филиппины - квинтэссенция всего вышеперечисленного уже на протяжении продолжительного времени. Точкой отсчета для эскалации конфликта на Филиппинах можно считать либо период с которого началось распространение ислама на его территориях, либо начало 70-х годов 20 века, когда была сформирована первая координированная оппозиционно настроенная организация «Национально-освободительный фронт моро».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для выяснения причин развития современного межконфессионального конфликта на Филиппинах следует обратиться к двум важным историческим моментам, которые произошли на этой территории.

Путь мусульманской религии на территории современных Филиппин был начат еще в X в. [9], когда прилегающие к торговым путям прибрежные территории стали вести свои дела с торговыми кораблями, шедшими с преимущественно мусульманскими торговцами или исследователями. Местное население, для которых торговое ремесло было одним из основных занятий, с восхищением и уважением относилось к пришедшим из других стран торговцам, для которых торговля была частью их духовной жизни. На протяжении долгого времени пока велась торговля, местное население, попав под влияние купцов, стало постепенно перенимать их религию. Здесь стоит отметить не столько их увлечение ритуалами, духовной составляющей учения, сколько прагматический характер данного шага, ведь мусульманские торговцы с куда большим энтузиазмом шли на торговлю со своими единоверцами [9].

Распространение нового учения в конце концов пришло и на более многочисленное, но менее богатое население южной части архипелага. Как и их богатые соседи, они стали воспринимать ислам как неотъемлемый атрибут богатого и успешного человека. Такой неоднозначный вывод, к которому пришли на Филиппинах, можно объяснить тем, что мусульманская религия потворствовала торговле и считала её одним из достойных дел [5]. В скором времени,

прибрежные районы стали обрастать мусульманскими общинами, пока в конечном итоге мусульманское население по своей численности не превзошло остальное и стало самым многочисленным конфессиональным большинством.

С тех пор началось духовное развитие местной общины, попытка построить собственные государственные образования, развивающиеся по пути ислама, с его духовной жизнью и законодательством – «шариатом».

Впервые построить собственное государство на основе ислама удалось прибывшему на территорию Филиппин Сайед Абу Бакру, который женился на дочери местного правителя и, унаследовав власть, стал строить государство, в качестве примера используя опыт арабских стран: государственной религией стал ислам, а главным источником закона стал разработанный на основе Корана законодательный свод [1].

В тоже время, мусульманские власти стали проявлять первые признаки дискриминации в их отношении к представителям немусульманского населения – в соответствии с их религией, все равны перед Богом и поэтому содержать рабов значило нарушать установленные предписания, но правители считали, что данное правило распространяется лишь на их единоверцев, а людей, которые не исповедуют ислам, следует брать в плен и превращать в своих рабов [14].

Вышеописанные явления – один из первых признаков межконфессионального расслоения общества на территории Филиппин, подрыв его социальных устоев. Некогда существовавшее в мире население, рука об руку занимающееся одними и теми же делами, теперь суще-

ствовало по разные стороны, разделяемое «правильной» или «неправильной» верой в Бога. Факт допущения подобных действий со стороны правителей можно считать одним из факторов формирования противостояния, так остро вспыхнувшего в последнее время. Со временем влияние ислама лишь увеличивалось на южную часть Филиппин, где постепенно стали появляться все новые и новые султанаты.

Новой вехой межконфессионального раскола можно считать пришествие на территорию Филиппин испанских колонизаторов, приплывших к ее берегам в 1570-х гг. с целью расширения своего влияния на территории Юго-Восточной Азии [6].

Прибывшие конкистадоры руководствовались не только политическими и экономическими мотивами, но также и выступали от лица Папы Римского, неся на новые земли христианскую религию [6]. Чередясь между успешными и провальными попытками колонизаторов занять как можно большую территорию архипелага, испанцы в конце концов смогли установить свое правительство на определенных территориях и начали проводить политику по превращению Филиппин в стабильную и мощную административную единицу.

Испанский заход на новую территорию осуществлялся в соответствии с программой ее освоения, как и говорилось ранее, включавшей в себя религиозный аспект: Испания и Ватикан договорились на взаимовыгодных условиях проповедовать на территории Филиппин «правильную религию» [6]. Для этих целей начали прибывать новые миссионеры с целью обращения филиппинцев в новую веру и дальнейшей пропаганды

среди них главенствующей роли Испанской империи. Процесс христианизации коренного населения архипелага шел затруднительно, но постепенно набирал обороты – по мере увеличения количества миссионеров и их знаний о народе, количество новообращенных росло из года в год, в конечном итоге приведя к тому, что практически каждый филиппинец, живший на территории Филиппин в 16 веке, являлся христианином [6].

Испанская и христианская экспансия Филиппин сопровождалась постоянными стычками с мусульманским населением южной части архипелага, поддерживаемых прилегающими мусульманскими правителями с территории современных Малайзии и Индонезии [6]. Войска мусульманской части населения, даже уступая по оснащению вооруженным отрядам колонизаторов, в открытых боях храбро бились за свою независимость и давали отпор завоевателям, затрудняя их продвижение по острову, или часто устраивали набеги на подконтрольные им территории, устрашая население.

В конечном итоге, после того как Испанская империя смогла объявить Филиппины частью своей колонии, заняв весь архипелаг, мусульманское население оказалось в меньшинстве – лишь малая часть в процентном соотношении относилась к последователям ислама. Регионы, занятые происламскими настроенными султанатами, заметно уступали в своем развитии территориям, которые контролировались испанским местным правительством и христианской церковью, постепенно возвращая в головах представителей обеих конфессий зерно противостояния.

Одним из самых важных шагов для укрепления противостояния разделенного народа стало решение правительства по изъятию земель из общин и переводу их в государственное владение [6]. С этих пор владеющие ранее землей крестьяне могли лишь арендовать её. Можно сказать, что с момента прихода христианства и испанской империи на территорию Филиппин среди населения начался резкий переход к обществу, где большую роль стала играть денежная составляющая и умение конкурировать в новой среде. В таких условиях мусульманское население не могло конкурировать с христианским, которое в короткие сроки не только смогло адаптироваться к новым изменениям, но и по сути своей получало привилегии от колониального правительства, что в итоге усилило раскол между конфессиями острова.

Из всего вышеуказанного можно сделать вывод, что Испанская корона, пришедшая на остров для разрешения своих геополитических проблем и желая нажиться, смогла усилить возникшее ранее противостояние между мусульманским и немусульманским населением, обратив последних в свою веру и начав строить новое общество без оглядки на интересы исламской части островов.

Современные же межконфессиональные отношения на территории государства Филиппины представляют из себя ожесточенное противостояние, на протяжении уже почти 50 лет сопровождаемое вооруженным конфликтом между радикальными оппозиционно настроенными мусульманскими группировками и центральной властью, представляемой христианским большинством.

Началом конфликта принято считать 1970-ые года, когда на территориях южной части государства, где проживает мусульманское меньшинство, возникает «Национально-освободительный фронт моро», где «моро» – общее название мусульманской части населения, данное им испанскими завоевателями [6]. Главной целью данной организации было названо создание отдельной автономии в составе Республики Филиппины или отдельного государства на территориях южных островов [16]

Деятельность данной организации в период с 1972 по 1976 гг. можно охарактеризовать как партизанскую: участниками совершались вылазки, направленные на достижение насильственного отчуждения островов от государства, устрашение местного населения и истощение армии Республики Филиппины [16]. Хотя и ведущая свою партизанскую вооруженную деятельность, данная организация по большей части была похожа на неофициальную политическую партию, главным требованием которой было признание суверенитета, как уже говорилось выше, южных островов под руководством мусульманской общины [16].

Их принадлежность к политической партии выдает и то, что при реальной возможности прекратить боевые действия, дискредитировать национальную борьбу за автономию в глазах официальной власти и народа Филиппин и обсудить реальные условия, по которым региону будет представлена автономия, – глава организации сразу же дал свое добро на начало переговоров.

Соглашение между «НОФМ» и правительством Филиппин было достигнуто на террито-

рии государства Ливия, в городе Триполи при посредничестве Муаммара Каддафи, в 1976 году. По условиям соглашения, мусульманские провинции получали право на автономию, самоуправление, создание собственной системы образования, управление экономикой региона, законодательство и полицию [21].

Данное соглашение и сам факт его подписания дали понять, что решение конфликта мирным путем между враждующими сторонами возможно и стороны готовы работать над этим.

Но как бы то ни было, в дальнейшем будут подписаны еще два соглашения об автономии региона: «Соглашение в Джидде» 1986-1989 гг. [12] и «Окончательное соглашение о мире» от 1996 года, оба сыграют важнейшие роли в урегулировании конфликта с мусульманской оппозицией, осуществив все условия из «Трипольского соглашения» [7].

Также, одной из главных сторон в современном межконфессиональном конфликте является «Исламский освободительный фронт море» - организация, подчеркивающая свою приверженность исламу и требующая создания современного «халифата» на территории Филиппин [9]. Пересечение интересов этих двух оппозиционных группировок не случайно – «ИОФМ» является отделившейся от «НОФМ» организацией, которая выразила свое несогласие в связи с попыткой заключить мирное соглашение с властью в 1976 году [9].

В период своей деятельности «ИОФМ» не раз проводила акции, направленные против мирного населения или бойцов филиппинской армии. Так, одним из самых известных случаев во-

оруженного противостояния стало их нападение на филиппинских морских пехотинцев, в ходе которого армия Филиппин потеряла 14 бойцов [19]

В данный момент вооруженная деятельность группировки «ИОФМ», как и в случае с «НОФМ», прекратилась из-за достижения мирного соглашения с официальной властью и частичного выполнения их требований – выделение отдельной автономной области для филиппинских мусульман [20].

Но стоит отметить, что достижение мирных соглашений с основными радикально настроенными группировками не смогло предотвратить новой волны эскалации межконфессионального конфликта.

Мелкие группировки, отколовшиеся от двух наиболее значимых оппозиционных организаций, так и не смогли пойти на уступки, решив продолжать свою борьбу за создание отдельного исламского государства на Филиппинах. Главными носителями радикального ислама и насильственного способа борьбы за независимость с недавних пор стали организации «Абу Сайяф» и «Мауте», подконтрольные ИГИЛ (организация запрещенная на территории РФ) [3], получившие известность после их недавней акции – нападения и последующей шестимесячной осады города Марави, на территории мусульманской автономии, где в ходе ожесточенных боев военные и мирное население понесли большие потери, город был почти полностью разрушен и на неопределенный срок полностью эвакуирован [17].

Шестимесячную осаду Марави уже сейчас можно считать одним из важнейших событий

в истории межконфессионального конфликта на Филиппинах, наряду с принятием жителями ислама и поздней их христианизацией. Ведь если до этого конфликт происходил строго в рамках филиппинских народностей, заинтересованных в создании своей собственной автономии либо в рамках единого государства, либо сосуществующего с Филиппинами, то сейчас ход межконфессиональной войны принял неожиданный поворот. В почти угасший конфликт, продолжающийся не одну сотню лет, вклиниваются не только мелкие вооруженные формирования, чьи мотивы обусловлены их происхождением, но и остатки ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ), помогая принявшим присягу верности их халифу материальными и, что еще важнее, человеческими ресурсами, зачастую не имеющими ничего общего с островным государством.

ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ) уже давно выбрал Филиппины как новую территорию для формирования нового фронта своих действий – не только боевого, но и идеологического, призывая остатки своих сторонников направляться туда и продолжать свою борьбу. Уже сейчас можно увидеть последствия данного решения: вышеназванная осада города Марави, которая привела к огромному количеству жертв, провокационные видеозаписи с места боевых действий и призывающие всех сторонников радикальной организации присоединиться к ним [17], а также совершение терактов на территориях, где проживает мусульманское большинство, как знак того, что они уже находятся рядом [10]. Главной причиной, по которой выбор пал именно на Филип-

пины, как уже говорилось ранее, можно назвать наличие большого количества исторических, идеологических и социальных проблем, на которых идеологи «джихада», как оказалось, планируют сыграть и разжечь новое пламя радикальных восстаний на территории современного мира вообще, а не только филиппинского архипелага или Юго-восточной Азии.

ВЫВОДЫ

На данный момент, после случившейся череды терактов, Филиппинам придется решать, как противостоять тому, чтобы горький опыт боевых действий в Сирии и Ираке не повторился на их территории. И одним из самых очевидных решений будет, пожалуй, попытка присоединиться к международной коалиции против ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ), приглашение иностранных специалистов для того, чтобы те поделились своим опытом в борьбе с террористами или, в случае ухудшения ситуации, просьба той самой международной коалиции стран включиться в борьбу с местными сепаратистами.

Также стоит и сказать о том, что правительству стоит вести борьбу не только с радикальными исламистами, уже готовыми к началу открытого столкновения с официальным правительством, или их скрытыми ячейками, но и проводить политику примирения двух враждующих конфессий. Государству стоит разработать программу, которая одинаково сможет интегрировать в управление страной религиозные группы, избегая дальнейшего обострения их отношений, позаботиться об их одинаковом доступе ко всем благам и правам, прописанным в конституции, сократить суще-

ствующий разрыв и объединить многочисленный народ Филиппин трудиться и бороться за светлое будущее своей страны рука об руку.

ЛИТЕРАТУРА

1. АБУ БАКР // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016) [Электронный ресурс]: https://bigenc.ru/world_history/text/661765# (Дата обращения: 08.12.2019)
2. «Исламское государство» захватило город в Африке [Электронный ресурс]: https://lenta.ru/news/2019/01/15/islamic_town/ (Дата обращения 08.12.19)
3. Исламские экстремисты объявили о создании провинции "халифата" ИГ на Филиппинах [Электронный ресурс]: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2576780> (Дата обращения 08.12.19)
4. Российский Генеральный штаб заявил о полном освобождении Сирии от террористов ИГИЛ [Электронный ресурс]: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12153928@egNews (Дата обращения 08.12.19)
5. Торговля в Исламе [Электронный ресурс]: <http://islam.ru/content/economica/30931> (Дата обращения 08.12.19)
6. Левтонова Ю. О. История Филиппин. Краткий очерк.; Главная редакция восточной литературы издательства "Наука".М. 1979. 296 с.
7. Final agreement on the implementation of the 1976 Tripoli Agreement between the Government of the Republic of the Philippines (GRP) and the Moro National Liberation Front (MNLF) [Электронный ресурс]: <https://peacemaker.un.org/philippines-implementingtripoli96> (Дата обращения: 08.12.2019)
8. Germany attacks: What is going on? [Электронный ресурс]: <https://www.bbc.com/news/world-europe-36882445> (Дата обращения 08.12.19)
9. Hernandez, Mary Beatrice. The philippines' moro conflict: The problems and prospects in the quest for a sustainable peace. Ph.D. dissertation. Georgetown University, 2017, 117 p.
10. ISIS Bombing of Cathedral in Philippines Shows Group's Reach Into Asia [Электронный ресурс]: <https://www.nytimes.com/2019/01/28/world/asia/isis-philippines-church-bombing.html> (Дата обращения: 08.12.2019)
11. Islamic State recognizes new Central Africa Province, deepening ties with DR Congo militants [Электронный ресурс]: <https://thedefensepost.com/2019/04/30/islamic-state-new-central-africa-province/> (Дата обращения 08.12.19)
12. Jeddah Accord [Электронный ресурс]: <https://peacemaker.un.org/philippines-jeddahaccord87> (Дата обращения: 08.12.2019)
13. Joint Statement by the Political Directors of the Global Coalition to Defeat ISIS [Электронный ресурс]: <https://www.state.gov/joint-statement-by-the-political-directors-of-the-global-coalition-to-defeat-isis/> Дата обращения 08.12.19)

14. Kathleen Nadeau, *The Greenwood Histories of the Modern Nations: The History of the Philippines*. Westport, CT: Greenwood Press, 2008, 160 p.
15. London attack: 12 arrested in Barking after van and knife attack [Электронный ресурс]: <https://www.bbc.com/news/uk-40148737> (Дата обращения 08.12.19)
16. Mapping Militant Organizations. "Moro National Liberation Front." Stanford University. Last modified May 2019 [Электронный ресурс]: <https://cisac.fsi.stanford.edu/mappingmilitants/profiles/moro-national-liberation-front> (Дата обращения: 08.12.2019)
17. Marawi one year after the battle: a ghost town still haunted by threat of Isis [Электронный ресурс]: <https://www.theguardian.com/global/2018/may/22/marawi-one-year-siege-philippines-ghost-town-still-haunted-threat-isis> (Дата обращения: 08.12.2019)
18. Paris attacks: What happened on the night [Электронный ресурс]: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34818994> (Дата обращения 08.12.19)
19. Philippine Military Reports 14 Marines Killed by Muslim Insurgents [Электронный ресурс]: https://www.nytimes.com/2007/07/12/world/asia/12philippines.html?_r=0 (Дата обращения 08.12.19)
20. Philippine peace breakthrough [Электронный ресурс]: <https://www.bangkokpost.com/print/391473/> (Дата обращения: 08.12.2019)
21. Tripoli Agreement [Электронный ресурс]: <https://peacemaker.un.org/philippines-tripoliagreement76> (Дата обращения: 08.12.2019)

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Abu Bakr (2016) Great Russian encyclopedia. Electronic version. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/661765#
2. «Islamic state» captured city in Africa. URL: https://lenta.ru/news/2019/01/15/islamic_town
3. Islamic extremists have announced the creation of a province "caliphate" of ISIS in the Philippines. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2576780>
4. The Russian General Staff announced the complete liberation of Syria from ISIS terrorists. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12153928@egNews
5. Trade in Islam. URL: <http://islam.ru/content/economica/3093>
6. Levtonova Y. O. *History Of The Philippines. Brief history;* The Main editors of Eastern literature of the publishing house "Science". М. 1979. 296 p.
7. Final agreement on the implementation of the 1976 Tripoli Agreement between the Government of the Republic of the Philippines (GRP) and the Moro National Liberation Front (MNLF). URL: <https://peacemaker.un.org/philippines-implementingtripoli96>
8. Germany attacks: What is going on? URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-36882445>

9. Hernandez, Mary Beatrice. The philippines' moro conflict: The problems and prospects in the quest for a sustainable peace. Ph.D. dissertation. Georgetown University, 2017, 117 p.
10. ISIS Bombing of Cathedral in Philippines Shows Group's Reach Into Asia. URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/28/world/asia/isis-philippines-church-bombing.html>
11. Islamic State recognizes new Central Africa Province, deepening ties with DR Congo militants. URL: <https://thedefensepost.com/2019/04/30/islamic-state-new-central-africa-province/>
12. Jeddah Accord. URL: <https://peacemaker.un.org/philippines-jeddahaccord87>
13. Joint Statement by the Political Directors of the Global Coalition to Defeat ISIS. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-by-the-political-directors-of-the-global-coalition-to-defeat-isis/>
14. Kathleen Nadeau, The Greenwood Histories of the Modern Nations: The History of the Philippines. Westport, CT: Greenwood Press, 2008, 160 p.
15. London attack: 12 arrested in Barking after van and knife attack. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-40148737>
16. Mapping Militant Organizations. "Moro National Liberation Front." Stanford University. Last modified May 2019. URL: <https://cisac.fsi.stanford.edu/mappingmilitants/profiles/moro-national-liberation-front>
17. Marawi one year after the battle: a ghost town still haunted by threat of Isis. URL: <https://www.theguardian.com/global/2018/may/22/marawi-one-year-siege-philippines-ghost-town-still-haunted-threat-isis>
18. Paris attacks: What happened on the night. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34818994>
19. Philippine Military Reports 14 Marines Killed by Muslim Insurgents. URL: https://www.nytimes.com/2007/07/12/world/asia/12philippines.html?_r=0
20. Philippine peace breakthrough. URL: <https://www.bangkokpost.com/print/391473/>
21. Tripoli Agreement. URL: <https://peacemaker.un.org/philippines-tripoliagreement76>

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Radik Khalikov, Bachelor student

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

Rkhalikov911@gmail.com

Submission Date: 2019.12.10.

Принята к публикации: 10.12. 2019 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И КНР

PROSPECTS FOR SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S
REPUBLIC OF CHINA

Акимова Валерия Гертовна

Студентка 1 курса магистратуры ИМО КФУ,

zvg1997@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные перспективные направления научно-технического сотрудничества России и Китая, включая как уже развитые направления, так и потенциальные сферы сотрудничества, обосновывается необходимость углубления данного взаимодействия и затрагиваются факторы, препятствующие эффективному диалогу двух стран в сфере науки и техники.

Ключевые слова: *Россия и Китай, стратегическое партнерство, научно-техническое сотрудничество, перспективные направления, инновационные технологии.*

Для цитирования: *Акимова В.Г. Перспективы научно-технического сотрудничества РФ и КНР. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1 (4): 118-121*

Сотрудничество между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в сфере науки и техники имеет важное значение в контексте развивающихся между данными странами отношений стратегического партнерства. В условиях ужесточения политики США и европейских государств в отношении России и Китая, сближение этих стран в научно-технической сфере отвечает нынешним политическим реалиям и потребностям национальной безопасности.

ABSTRACT

The article deals with the main promising avenues of scientific and technical cooperation of Russia and China, including both already developed areas and potential areas of cooperation. It defines the need to deepen cooperation and addresses factors impeding the effective dialogue between the two countries in the field of science and technology.

Key words: *Russia and China, strategic partnership, scientific and technical cooperation, promising avenues, innovative technologies*

For citation: *Akimova V.G. Prospects for scientific and technical cooperation of the Russian Federation and The People's Republic of China. Modern oriental studies. 2019; 1(4): 118-121*

На определение перспектив данного взаимодействия влияют особенности научно-технических потенциалов двух государств. Высокий уровень развития фундаментальных наук в России, а также прочные позиции страны в сфере космоса, тяжелой промышленности и военных разработках способствуют углублению научно-технического сотрудничества между РФ и КНР. Отличительной чертой Китая является наличие значительного опыта осуществления прикладных исследований, разви-

тия легкой промышленности, информационно-коммуникационных технологий, искусственно-го интеллекта и т.д. [4, с.197] Следовательно сотрудничество двух стран в научной сфере является взаимодополняемым.

Ключевым направлением российско-китайских отношений по-прежнему остается сотрудничество в сфере энергетики, которое хотя и свидетельствует об ограниченности российско-китайского взаимодействия трудоемкими и ресурсными отраслями, в то же время способно выйти на новый уровень. В условиях проявления импульса в отношениях России и Китая (с 2013 г.), может активнее развиваться такая сфера, как производство и реализация сжиженного природного газа, а также строительство нефтеперерабатывающих предприятий в КНР. Одновременно, необходимость реформирования китайской энергетики с целью избавления от угольной зависимости открывает для России новые перспективы сотрудничества в энергетической сфере. Наиболее выгодными в этом отношении проектами являются действующий нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан, позволивший снизить затраты на реализацию совместного российско-китайского проекта «Сила Сибири» (поставки газа начнутся уже в декабре 2019 г.), строительство 4-го энергоблока Тяньваньской АЭС (3-й запущен в 2017 г., а пуск 4-го планируется в 2019 г.), а также проект по строительству совместного нефтеперерабатывающего завода в г. Тяньцзинь (будет запущен в конце 2019 г.). [4, с.192]

Одной из перспективных сфер научно-технического сотрудничества КНР и РФ принято считать космическую индустрию. К настоящему времени страны разработали такие проекты, как совместное производство приемника для спутников «Бэйдоу» и «ГЛОНАСС» (в рамках инициативы «Один пояс – один путь») на базе совместного соглашения 2018 г.; создание космических ракет-носителей и ракетных двигателей, совместное

исследование Луны и дальнего космоса, мониторинг космического мусора и т.д. [5] Рассматривается также проект создания совместной орбитальной станции главным образом на базе российских технологий и китайских финансов.

Важнейшим направлением российско-китайских отношений является военнотехническое сотрудничество. В 2018 г. доля Китая от общего портфеля заказов российской оборонной промышленности составила около 14,4% (6,5 млрд. долл. США). Между двумя странами действует ряд соглашений в сфере производства продукции военного и двойного назначения. Например, существуют контракты на поставку в КНР российских зенитных ракетных комплексов С-400, истребителей Су-35 и др., ведутся переговоры о разработке тяжелого вертолета, а также продвигается проект создания широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета С929. На фоне растущей закрытости военно-технического сотрудничества двух стран, что вызвано соображениями безопасности, можно ожидать распространение данного вида сотрудничества на новые, более чувствительные сферы. [2, с.24-28]

Учитывая, что Россия и Китай относятся к числу государств с недостаточно защищенным киберпространством, перспективными направлениями взаимодействия двух стран является проведение совместных исследований в данной области, использование возможностей Интернета с целью улучшения качества экономического взаимодействия (например, совместная реализация «цифрового Шелкового пути»), а также повышение защищенности объектов критической инфраструктуры и информационно-коммуникационных сетей.

РФ и КНР необходимо уделять больше внимания сотрудничеству в сфере инновационных технологий для улучшения своих позиций

на мировой арене в условиях ухудшающихся отношений с США и усиливающихся ограничений на передачу технологий. Важным направлением в данной области является развитие технологии искусственного интеллекта. В 2017 г. китайским руководством заявлен План по развитию искусственного интеллекта нового поколения, который предполагает становление Китая как лидера по всем направлениям соответствующей технологии уже к 2030 г. Россия в 2017 г. также объявила о намерении активизировать усилия в развитии технологии искусственного интеллекта. Следовательно, сотрудничество в данном направлении имеет значительные перспективы. [3, с.45-48]

Другими направлениями российско-китайского научно-технологического сотрудничества, отвечающими национальным интересам России и Китая, считаются медицина, новые и высокие технологии, машиностроение, авиастроение, телекоммуникации, судостроение, а также совместное внедрение научно-технических разработок в производство и др.

Взаимодействие в научной сфере может реализовываться в формате «технологического альянса»: по мере развития сотрудничество переходит к формированию законченного инновационного цикла – от проведения исследований и разработок до организации производства. Если российско-китайское сотрудничество будет развиваться по данной модели, это позволит сократить отставание КНР от мировых держав в авиакосмической, оборонной и других сферах и улучшить сегодняшнее неустойчивое положение РФ на рынке высокотехнологичных товаров и услуг, порожденное медленным развитием инновационной сферы и недостаточными ее финансированием. [4, с.189]

В связи с этим перед Россией стоит серьезная задача по решению как внутренней, так

и внешней проблемы недостаточного и непропорционального финансирования, без решения которой результативность научно-технического сотрудничества России и Китая сомнительна.

При оценке перспектив российско-китайского научно-технического взаимодействия необходимо учитывать, что поддержка китайских и российских инвесторов является необходимым условием для роста экономики приграничных регионов двух стран. Дальний Восток, Хабаровский, Забайкальский край и другие регионы Дальневосточного федерального округа имеют необходимые условия для взаимовыгодного сотрудничества с компаниями из Китая. Например, на китайские компании приходится 30% от общего числа иностранных инвестиций в территории опережающего развития Дальневосточного региона и свободный порт Владивосток. [3, с.95] Перспективность научно-технического сотрудничества в данном направлении определяется тем, что развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая отвечает приоритетам российского руководства и китайской концепции построения общества средней зажиточности к 2020 г. Однако существуют и сдерживающие факторы, к которым относятся недостаточное развитие межрегиональных связей между приграничными регионами двух стран, как следствие отсутствие эффективных коммуникаций, а также усложненность бюрократических процедур (таможенное оформление и др.).

На современном этапе Китай последовательно реализует курс на превращение страны из мирового «сборочного цеха» в государство с современной высокотехнологичной промышленностью. В связи с этим расходы на НИОКР страны возрастают с темпами, опережающими темпы экономического роста: с 2016 по 2017 г. они возросли на 9,4 % (до 221 млрд. долл. США) против увеличения темпов роста ВВП за тот же

период на 6,7 %. [1, с.13] Если России, в свою очередь, удастся обеспечить выход научно-технической сферы на качественно-новый уровень (главным образом за счет повышения затрат на развитие науки и их грамотное распределение), то темпы экономического роста страны значительно увеличатся, а зависимость от экспорта энергоресурсов может сократиться. В этой связи сотрудничество в научной сфере станет более перспективным для обеих стран, что обеспечит переход от взаимодополняющего сотрудничества к стратегическому партнерству в научно-технической сфере.

Итак, несмотря на имеющиеся недостатки, развитие научно-технического сотрудничества РФ и КНР имеет большой потенциал. Высокий уровень и интенсивность политического диалога стран должны быть сбалансированы сотрудничеством в сфере науки и техники, в первую очередь развитием инновационных технологий, а также их коммерческой реализацией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бергер Я.М. Становление Китая как глобальной инновационной державы // Проблемы Дальнего Востока – 2017. – №2. – С. 12-23.
2. Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2017. – 167 с.
3. Российско-китайский диалог: модель 2018: доклад № 39/2018 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2018. – 243 с.
4. Цуй Чжэн. Научно-техническое сотрудничество РФ и КНР в контексте инновационного развития стран БРИКС. – Москва, 2016. – 214 с.
5. Россия и Китай договорились о совместных исследованиях Луны [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20180928/1529570015.html> (дата обращения 05.11.2019).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Berger, Ya.M. (2017) Stanovlenie Kitaya kak globalnoy innovatsionnoy derzhavy [The emergence of China as a global innovation power]. Problemy Dalnego Vostoka. № 2. pp. 12-23.
2. Luzyanin, S.G., Zhao, H., eds. (2017) Rossiysko-kitayskiy dialog: model 2017 [Russian-Chinese dialogue: 2017 model] In: Ivanov I.S. (ed.): report No. 33/2017. Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow: NP RIAC. 167 p.
3. Luzyanin, S.G., Zhao, H., eds. (2018) Rossiysko-kitayskiy dialog: model 2017 [Russian-Chinese dialogue: 2018 model] In: Ivanov I.S. (ed.): report No. 39/2018. Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow: NP RIAC. 243 p.
4. Cui, Zheng (2016) Nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo RF i KNR v kontexte innovatsionnogo razvitiya stran BRIKS [Scientific and technical cooperation between the Russian Federation and People's Republic of China in the context of the innovative development of the BRICS countries] Moscow: MAX Press. 214 p.
5. Russia and China have agreed on joint exploration of the Moon [Electronic resource]. Mode of access: <https://ria.ru/20180928/1529570015.html>. – Date of access: 05.11.2019)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Akimova Valeria Gertovna

First-year student master degree,
Institute of International Relation
zvg1997@mail.ru

Принята к публикации: 18.11.2019 г.

Submission Date: 2019.11.18.

ОБРАЗ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В СБОРНИКЕ ПАК ВАНСО «ДОБРАЯ ПОКХИ»

THE ARTISTIC IMAGE OF AN ELDERLY PERSON IN PARK WANSUH 'S
STORYBOOK "GOOD POKHI"

Хузина Алина Ильшатовна

Эскина Эвелина Евгеньевна

Кафедра алтаистики и китаеведения

Институт международных отношений

Казанского федерального университета

khuzinaalina27@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Характерной особенностью Пак Вансо было то, что она не показывала свое отношение к персонажам или же описанным ситуациям, ее еле заметное мнение можно было увидеть лишь в конце рассказа, через мысли и чувства самого героя. Пак Вансо дает возможность читателям без какого-либо давления выработать свою точку зрения о происходящем в книге. Именно по этой причине в статье была поставлена задача кратко проанализировать образ пожилого человека в сборнике Пак Вансо «Добрая Покхи», а также изменить мнение молодого поколения о пожилых людях, опять и знания которых обесцениваются. Статья направлена на то, чтобы сломать устоявшийся образ пожилого человека, полного тоски и грусти, озлобленности и депрессии. Сборник «Добрая Покхи» нужно прочитать как минимум несколько раз за жизнь - в молодости и в преклонном возрасте, когда уже в полной мере можно было бы ощутить переживания пожилых людей. Читая сборник, анализируя образы героев, читатель может ответить на интересующие и волнующие его вопросы о будущем, о старости и быстротечности времени, о ценности молодости.

Ключевые слова: Пак Вансо «Добрая Покхи», пожилой человек, образы героев, женщины.

Для цитирования: Хузина А.И., Эскина Э.Е. Образ пожилого человека в сборнике Пак Вансо «Добрая Покхи». *Современные востоковедческие исследования*. 2019; 1(4): 122-125

ABSTRACT

A characteristic feature of Pak Vanso was that she did not show her attitude to the characters or the situations described, her barely noticeable opinion could be seen only at the end of the story, through the thoughts and feelings of the characters themselves. Park Vanso enables readers to develop their point of view about what is happening in the book without any pressure. For this reason, the article was given the task of briefly analyzing the image of an elderly person in Pak Vanso's storybook "Good Pokhi," as well as changing the opinion of the younger generation about older people, whose knowledge and knowledge is depreciating. The article aims to break the established image of an elderly person, full of longing and sadness, bitterness and depression. The collection "Good Pokhi" should be read at least several times in one's life - in youth and old age, when one could already fully experience the experiences of older people. Reading the storybook, analyzing the images of characters, the reader can answer questions of interest and concern about the future, about the old age and transience of time, about the value of youth.

Key words: Park Wansuh, "Good Pokhi", elderly person, artistic image, women.

For citation: Khuzina A.I., Eskina E.E. The artistic image of an elderly person in Park Wansuh 's storybook "Good Pokhi". *Modern oriental studies*. 2019; 1(4): 122-125

Корейская литература пережила очень многое за весь период своего становления. Весь этот путь был настолько стремителен, что сложно поверить в то огромное множество уже существующих современных корейских литературных произведений. Несмотря на быстрое развитие, корейская литература не шаблонно перенимала европейские литературные традиции и жанры, а создала нечто свое, совершенно не похожее.

Современная корейская литература несет в себе симбиоз восточной традиции, присущей корейским произведениям еще с древности, а также определенные каноны европейской литературы. Все это мы можем увидеть в творчестве Пак Вансо, чья роль в современной корейской литературе имеет огромное значение. Её творчество нетипично, многообразно и притягивает к себе внимание людей разных возрастов.

Пак Вансо - писательница, в творчестве которой главенствующие позиции занимал вопрос новых отношений в потребительском обществе, в котором исчезают грани между хорошими и плохими людьми, а также лживость и алчность среднего класса. Пак Вансо, как и ее произведения, является живым воплощением несокрушимой силы духа. Особенной чертой творчества писательницы является то, что все ее персонажи реальны, они прожили свою жизнь, у них есть определенный багаж знаний и навыков, но, не смотря на это, они все еще продолжают чувствовать жизнь и берут от нее то, что им действительно нужно.

Пак Вансо не останавливалась на какой-либо одной теме в своем творчестве. Она писала о падении общественного порядка из-за иностранных держав и войн, отсталости корейского капитализма, жизни граждан и проблем жен-

щин, а также взгляда на жизнь и смерть пожилых людей. Пак Вансо не просто рассказывает о проблемах различных аспектов корейского общества в 1990-х годах, войне или еще о чем-то, писательница говорит своим читателям о жизни в военное время. Она рассказывает о смерти родных, о том, как ночами люди заходили в оставленные дома, в надежде найти что-то из еды. В произведениях Пак Вансо нет четких понятий «жизнь» и «смерть», «молодость», «старость» - все это является лишь обыденными понятиями, которые не имеют той обычной для нас молчаливой торжественности. Пак Вансо пишет о течении жизни, она не стремится придать своим героям каких-то величественных или героических качеств, ее герои люди, просто люди, которые хотят жить, которые думают о совершенно обыденных вещах. Произведения Пак Вансо о людях, со всеми их пороками, грехами, тайнами.

Таким является сборник рассказов «Добрая Покхи», состоящий из 9 небольших рассказов. Во всех рассказах присутствует, свойственный для автора легкий драматизм, на смену которого приходит счастливый, хотя и иногда немного грустный конец.

Персонажи каждого рассказа проходят через определенные испытания, с помощью которых Пак Вансо будто бы проникает в глубины души каждого героя, оголяя скрытые пороки и темные стороны каждого из них. Делая это, писательница не использует иронию или сарказм, она лишь дает описание действиям, мыслям и чувствам героя.

«Его дом» («그 남자 네 집») - второй рассказ в сборнике «Добрая Покхи», в котором повествование идет также от лица женщины

преклонных лет. По пути к дому подруги и находясь в гостях, женщина прирается воспоминаниям о своей молодости. Еще до начала Корейской войны ее семья жила в том же районе, что и ее подруга сейчас. Здесь женщина и встретила «его», своего первого возлюбленного. Этот мужчина жил в большом уютном доме в национальном стиле. Отношения этих людей развивались в период ожесточенной борьбы севера и юга, но, не смотря на все тяготы жизни, их отношения были светлыми и прекрасными. Когда жизнь страны и людей начала налаживаться, отношения возлюбленных охладели, и женщина вышла замуж за другого мужчину. Все эти воспоминания были теплыми и немного грустными, они помогли понять женщине, что все, что произошло в прошлом, было именно так как и должно было быть. Женщина поняла, что в молодости, она была словно птица, которая выбирает партнера по гнезду, ей хотелось иметь свой маленький, но уютный и надежный уголок, чтобы растить там потомство. Но оба их дома в то время были обречены, как и отношения бывших возлюбленных.

Почти все рассказы сборника «Добрая Покхи», написаны от лица женщин, которым почти семьдесят лет, их жизнь уже подходит к концу, а долг перед собой и обществом выполнен сполна. Они все еще продолжают чувствовать себя, как и прежде, лишь иногда осознавая быстротечность времени.

После прочтения сборника «Добрая Покхи», у молодого читателя может измениться мнение о пожилых людях, которых зачастую ни во что не ставят и уже списывают со счетов. Хотя на самом деле их душа еще полна сил и готова бороться с тяготами жизни. Большинство героев сборника это люди, чья молодость

пришла на время корейской войны, они пережили послевоенные голодные годы, усердно трудились всю жизнь, чтобы поставить на ноги своих детей, и сейчас, достигнув 60-70 летнего возраста, в гармонии и радости проводят время с детьми и внуками. Это состояние знакомо Пак Вансо не понаслышке, потому что свои произведения писательница создавала, когда ей было уже далеко за 70. Именно благодаря Пак Вансо в корейской литературе стало возможным выделить литературу пожилых, в которой можно наблюдать мудрость, терпимость и понимание, которое приходит к человеку лишь с возрастом. Герои Пак Вансо - старики, которые смотрят на мир с нежностью и легким чувством ностальгии по прошлому, по молодости. В таком возрасте люди уже не так противостоят судьбе, они покоряются ей и живут, плывя по течению. Пожилые люди, зачастую, встречают конец своего пути спокойно, с полным чувством выполненного долга.

Прожив долгую жизнь, накопив определенный багаж опыта и знаний, пожилые люди представляют собой особо ценный пласт общества. Да, внутренний мир и мировоззрение стариков может быть весьма своеобразно, они могут не иметь ничего общего с активной жизненной позицией молодых, их неукротимым желанием показать себя, но они могут научить и передать нам правила жизни, помочь обрести зрелые и серьезные взгляды на мир. Пожилые люди в наше современное время, это люди, представляющие интеллигентную прослойку общества, с четким чувством самоопределения.

Образ большинства героинь Пак Вансо трудно назвать традиционным, они зачастую чем-то не удовлетворены, поэтому действуют активно, стремятся к изменению своей жизни,

к переосмыслению какого-либо этапа своей жизни. Автор показывает истинную сущность героинь, раскрывая перед нами их прошлое, рассказывая о переломных моментах, которые и повлияли на жизни героев.

Таким образом, в рассказах Пак Вансо затрагивается проблема внутреннего мира пожилого человека. Пак Вансо наделяет своих героев разными типами характеров, но часто встречающийся тип персонажа – человек с сильным характером, способный управлять семьей, изменить установленный порядок. В целом рассказы этого сборника имеют одну общую черту – светлый финал. Художественный стиль Пак Вансо весьма отличается от облегченной манеры повествования современных молодых авторов. Пак Вансо умело ставит границы между первостепенно важным и второстепенным, а также в передаче чего-то конкретного и абстрактного. Возможно, это и является отличительной чертой реализма Пак Вансо.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ли Сан Юн. Женщины в рассказах Пак Вансо // Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 8. – СПбГУ. Санкт-Петербург, 2005. С. 52-67.
2. Пак Вансо. Добрая Покхи: рассказы.- 2007. – 302 с.- С. 17/ 박완서소설집 «친절한 복희씨»// 문학과지성사- 2007. – 302 с. (Пак Вансо сосольчип, - 2007. – 302с.).
3. Герман Ким. Корейская литература. - Новейшая зарубежная литература. Алматы: Жибек жылы, 2011.- 193 с.
4. Пак Вансо "Добрая Покхи: рассказы/ Пак Вансо; пер. с корейского Лидии Азариной. - М.:ЛУч, 2014.- С.16

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Li San Yun. Zhenshchiny v rasskazah Pak Vanso // Vestnik Centra korejskogo yazyka i kul'tury. Vypusk 8. – SPbGU. Sankt-Peterburg, 2005. S. 52-67.
2. Pak Vanso. Dobraya Pokkhi: rasskazy.- 2007. – 302 s.- S. 17/ 박완서소설집 «친절한 복희씨»// 문학과지성사- 2007. – 302 с. (Pak Vanso sosol'chip, - 2007. – 302s.).
3. German Kim. Korejskaya literatura. - Novejshaya zarubezhnaya literatura. Almaty: Zhibek zhyly, 2011.- 193 s.
4. Pak Vanso "Dobraya Pokkhi: rasskazy/ Pak Vanso; per. s korejskogo Lidii Azarinoj. - M.: Luch, 2014.- S.16

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Huzina Alina Ilshatovna

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

khuzinaalina27@gmail.com

Eskina Evelina Evgenevna

Student of Kazan Federal University

Принята к публикации: 21.11.2019 г.

Submission Date: 2019.11.21

**ИНТЕРВЬЮ С СЭНСЭЕМ ЙОШИДА НОБУМАСА:
ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МАСТЕРА****INTERVIEW WITH SENSEI YOSHIDA NOBUMASA:
PART I. THE WAY OF THE MASTER**

Лестев Антон Евгеньевич,

Эйдинов Денис Наримович,

Асеев Роман Георгиевич,

Нобумаса Йошида,

Nihon Den JuJutsu Academy Ju-Toku-Juku

Japan

АННОТАЦИЯ

Внимание читателей журнала «Современные востоковедческие исследования» представляется эксклюзивное интервью с легендой японского будо – сэнсэем Йошида Нобумаса (9 дан дзю-дзюцу, 9 дан айкидо). Интервьюирование является признанным научным методом в культурологии, позволяющим получить как эксклюзивную информацию от первоисточника, так и его личную интерпретацию исторических событий, свидетелем которых он был. Интервью у сэнсэя Н. Йошида было взято в стенах клуба боевых искусств «Фурудэра додзё» во время летнего международного семинара по Дзю-Току-Дзюку Дзю-Дзюцу 2019 года. В интервью также принимали участие: Эдзава Кацуми (6 дан дзю-дзюцу), Роман Георгиевич Асеев (руководитель клуба боевых искусств «Фурудэра додзё»), Денис Наримович Эйдинов (главный редактор «Aikibudo Today», руководитель клуба боевых искусств «Тэнсин»), Антон Евгеньевич Лестев (к.и.н., инструктор клуба боевых искусств «Тэнсин»), Елена Сергеевна Денисова (переводчик с японского языка).

Ключевые слова: боевые искусства, история Японии, воинская культура, дзю-дзюцу, дзюдо, будо, Ёсэйкан.

Для цитирования: Йошида Н., Асеев Р.Г., Эйдинов Д.Н., Лестев А.Е. Интервью с сэнсэем Йошида Нобумаса: Часть I. История становления мастера. *Современные востоковедческие исследования.* 2019; 1(4): 126-131

ABSTRACT

An exclusive interview with the legend of Japanese budo - Sensei Yoshida Nobumasa (9th dan ju-jutsu, 9th dan aikido) is presented to the readers of the journal "Modern Oriental Studies". Interviewing is a recognized scientific method in cultural studies, allowing you to receive both exclusive information from the source and his personal interpretation of historical events that he witnessed. Sensei N. Yoshida was interviewed at the Furudera Dojo martial arts club during the 2019 summer international seminar on Ju-Toku-Juku Ju-Jutsu. Also in interview took part: Ezawa Katsumi (6th dan ju-jutsu), Roman Georgievich Aseev (head of the Furudera Dojo martial arts club), Denis Narimovich Eidinov (editor-in-chief of Aikibudo Today, head of the Tenshin martial arts club), Anton Evgenievich Lestev (Ph.D., instructor of the Tenshin martial arts club), Elena Sergeevna Denisova (translator from Japanese).

Key words: martial arts, history of Japan, military culture, ju-jutsu, judo, budo, Yoseikan.

For citation: Yoshida N., Aseev R.G., Eidinov D.N., Lestev A.E. Interview with Sensei Yoshida Nobumasa: Part I. The way of the master. *Modern oriental studies.* 2019; 1(4): 126-131

Рис. 1. Эдзава Кацуми, Йошида Нобумаса, Елена Сергеевна Денисова.

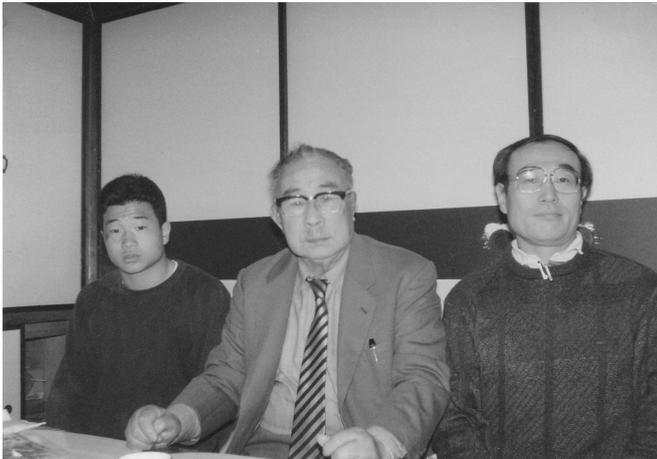
Эйдинов Д.: в 2016 году в России было открыто представительство японской академии традиционного дзю-дзюцу «Дзю-Току-Дзюку», основанной сэнсэем Йошида Нобумаса. Российское представительство возглавил Роман Георгиевич Асеев, который сегодня принимает нас в гостях в своём клубе боевых искусств «Фурудэра додзё». Пользуясь случаем приезда сэнсэя Йошида в Россию, мы хотели бы поговорить и узнать о том жизненном пути, который прошёл сэнсэй в боевых искусствах.

Йошида Н.: Я родился в далеком 1941 году в семье, которая занималась производством инвентаря (будогу), оборудования и приспособлений для занятий боевыми искусствами. Моя семья занимается этим ремеслом уже четвертое поколение. Я был старшим сыном. В силу своей работы я начал очень тесно общаться с представителями различных боевых искусств, главным образом в префектуре Айти. С десяти лет я начал изучать кэндо (путь меча) в школе под названием Овари Ягю у сэнсэя Сукунэ. С 15 лет я также стал заниматься дзюдо. Получается, с детских лет я занимался двумя видами боевых искусств. После я поступил в университет в префектуре Сидзуока. И в 1959 году я пришёл к сэнсэю Мотидзуки в Ёсэйкан. Там, в основном, преподавалось дзюдо. Все годы, которые я учился в университете, я был главой клу-

ба дзюдо. Все студенческие годы я прозанимался дзюдо. В 1963 году я переехал в Токио, уже устроившись на работу. Через несколько лет я вернулся в Сидзуока и пришел на постоянное обучение к Мотидзуки сэнсэю в качестве ути-дзэси. В этом додзё я провёл 3,5 года, изучая различные виды боевых искусств: айкидо, дзюдо, каратэ, Катори Синто-рю. После того как прошли 3,5 года моего обучения, я перешёл непосредственно к преподаванию. В дальнейшем я сменил несколько мест пребывания, жил и в Нагоя, и в Токио, и каждый раз я открывал собственный додзё, где и преподавал. Тем временем Мотидзуки сэнсэй основал международную организацию айкибудо, одной из целей которой было распространение различных видов будо по всему миру. Я работал в офисе этой организации одним из руководителей. Конечно, основными руководителями этой организации были Мотидзуки сэнсэй и Сугино сэнсэй – именно они отвечали за айки направление и за Катори Синто-рю, но при этом, поскольку цель была в распространении не только этих направлений, но и других единоборств, то они привлекали к деятельности организации передовых представителей других будо. Я там проработал 20 лет. Вот та история, которую я мог бы рассказать на сегодняшний день.

Рис. 2. Сэнсэй Мотидзуки Минору демонстрирует технику с мечом.

Рис. 3. В центре сэнсэй Мотидзуки Минору, справа сэнсэй Йошида Нобумаса.

Рис. 4. Слева сэнсэй Мотидзуки Минору, справа сэнсэй Йошида Нобумаса.

Лестев А.: Сэнсэй, хотелось бы вернуться к Вашему детству и спросить, как война повлияла на развитие боевых искусств и как она отразилась на Вашей семье?

Йошида Н.: Детство было сложное, отец погиб на войне на острове Сайпан. Как я уже говорил, моя семья изначально занималась изготовлением различного инвентаря для боевых искусств. После войны Япония попала под американскую оккупацию, и американские власти запрещали всё, что связано с истинно японским и, тем более, воинским. Поэтому всё наше имущество было конфисковано. Детство было очень бедное и скромное, частенько нечего было есть.

Лестев А.: Были ли те, кто продолжал практиковать будо несмотря на запрет Главного командующего союзных держав в Японии Дугласа Макартура?

Йошида Н.: Конечно, люди продолжали заниматься, просто это не было в виде додзё, не было открытым, но скрыто для себя и в узком кругу продолжали заниматься. И вот в 1948 году, т.е. через 3 года после окончания войны, – мне тогда было семь лет, я как раз пошёл в школу, – вот именно тогда в некотором ограниченном виде разрешили снова заниматься будо. Соответственно, уже можно было

не прятаться как раньше, и залы начали постепенно открываться.

Лестев А.: Как Вы решили заняться кэндо? Вы сами выбрали эти тренировки или это была школьная программа?

Йошида Н.: Это не было моим непосредственным желанием. На самом деле мой отец занимался кэндо, он погиб на войне, когда ему было всего 28 лет. Его учитель по кэндо обратился ко мне, чтобы я начал практиковать под его руководством и тем самым продолжил дело отца. Мне тогда было всего 10 лет, я был еще совсем ребёнком. В это время власти как раз разрешили заниматься будо. Вот так всё совпало.

Лестев А.: Как Вы впервые познакомились с сэнсэем Мотидзуки Минору? Почему Вы выбрали этого мастера в качестве учителя?

Йошида Н.: Я поступил в университет в Сидзуока. Поскольку всё имущество нашей компании конфисковали, и продолжать эту коммерческую деятельность было сложно, то я поступил на медицинский факультет. К тому времени я уже начал заниматься дзюдо. Один из моих знакомых порекомендовал мне Мотидзуки сэнсэя, сказал, что он отличный мастер, а его додзё находится как раз в том районе, где я учился. Это было в 34 году эпохи Сёва.

Рис. 5. Сэнсэй Йошида Нобумаса демонстрирует технику на Антоне Лестеве.

Лестев А.: Сэнсэй, Вы стали ути-дэси сэнсэя Минору Мотидзуки, каково Вам было в этой роли? Известно, что ути-дэси это особенный ученик.

Йошида Н.: Сэнсэй очень обо мне заботился, я ему очень обязан. Он заботился обо всём, даже об обычной повседневной жизни, обо всём, что мне было нужно. И он относился ко мне практически как к своему сыну. В Ёсэйкан я поступил в 1959 году, когда мне было 18 лет. Я изучал фармацевтику в университете. Денег в семье не было, поскольку отец погиб на войне, и меня воспитывала одна мама,

к тому же мы не могли вести нашу коммерческую деятельность. Я пришёл к Мотидзуки сэнсэю и рассказал о своём положении как есть, что денег у нас совсем нет, платить ни за занятия, ни за проживание я не могу, но я очень хочу заниматься дзюдо. С этого и началось наше знакомство с сэнсэем Мотидзуки. Все четыре года моего обучения в университете он обо мне заботился, начиная с того, что кормил меня, обеспечивал всем необходимым, помогал найти подработку. После окончания университета я перебрался в Токио, потому что устроился работать в фармацевтическую компанию. Какое-то время я изучал дзюдо в Кодокане, но продолжал поддерживать связь с Мотидзуки сэнсэем. Он неоднократно говорил мне, что сейчас дзюдо изменилось, оно становится спортом, вместо того, чтобы сохранять изначальный дух. В конечном итоге я принял решение оставить работу и перебрался обратно в Сидзуока, вернувшись в школу Мотидзуки сэнсэя. После чего я два с половиной года обучался в качестве ути-дэси. Начиная с 18 лет, всё время, сколько мы были знакомы с сэнсэем Мотидзуки – он всегда относился ко мне как к сыну. У нас были очень близкие отношения. С другими учителями у меня были другие отношения.

Лестев А.: Может быть, сэнсэй вспомнит какие-нибудь примечательные случаи из жизни с сэнсэем Мотидзуки? Может быть, он присутствовал при создании новых ката или даже участвовал в этом?

Йошида Н.: Каждый день был интересен! Каждый день было что-то новое. Как раз в этот период я познакомился с Аланом Флоке, который сейчас во Франции преподаёт айкибудо. Мы с ним примерно одного возраста.

Продолжение следует...

NOBUMASA YOSHIDA BUDO CAREER

1941 3/7 — Birth at Nagoya-city, Japan. As four generations of a long established Budo-shop.

1944 — Father die in the second world war at Sai-pan island.

1952 — At age of eleven entrance to Kashima-doj, studied Kendo.

1955 — Start studying Judo at age of 14.

1959 — Admitted to Shizuoka pharmaceutical colledge. Entrance to Yoseikan. Studied Judo from Minoru Mochizuki

1960 — Promotion in rank Judo 2 Dan Became a captain of Univ.' Judo Club.

1963-1965 — Graduate from Univ., obtained license as a pharmacist. Trainig Judo at Kodokan, Tokyo.

1968-1971 — Became Uchideshi of Sensei Minoru Mochizuki in Yoseikan with my wife. Studied Karate, Katori-shintouryu, Judo, Aikido, Kobudo, etc.

1970 — Promotion in Rank Aikido 3 Dan.

1971 — Established my Aikido dojo at Iwakura-city in Aich.

1973 — Yoseikan Budo clinic at Saigon in South Vietnam with Sensei Minoru Mochizuki.

1974 — Promotion in Rank Aikido 4 Dan.

1977 — Promotion in Rank Katori Shinto ryu 5Dan from M. Mochizuki.

1986 — Promotion in Rank Aikido 6 Dan.

1987 — Vice president of IFNB – International federation of Nippon Budo.

1996 — Award a prize Budo Distinguished Service Medal from IFNB.

1996 — Yoseikan Budo clinic in Provence, Fr. With Hiroo Mochizuki.

1999 — Sept. IFNB clinic in Italy with Syoji Sugiyama.

2000 — Eatablished Seifukai, Became a Vice president.

2003 — Promotion in Rank Aikido 8 Dan and Nihon Jujuts 8 Dan.

2003 — Died Sensei Minoru Mochizuki age of 96 at Provance Frn.

2008 — Seifukai clinic in Perth ,Australia.

2009 — Promotion in Rank Aikido 9 Dan and Nihon Jujutsu 9 Dan.

2011 — Established Ju-Toku-Juku Academy of Nihon-den-Jujutsu.

April 17 — Authorized to successor of Minoru Mochizuki by Tetuma Mochizuki.

2014 — Ju-Toku-Juku clinic in Moscow.

Established Russia Academy of Japan Traditional Culture – “Nihon Dentou-Bunkain Russia”

2015 — Published DVD on Seifukai Aikido.

2015 — Ju-Toku-Juku clinic in Moscow.
2015 — Ju-Toku-Juku clinic in Moscow.
2016 — Established Russia Branch of Ju-Toku-Juku
2017 — Ju-Toku-Juku clinic in Moscow.
2018 — Ju-Toku-Juku clinic in Moscow.
2019 — Ju-Toku-Juku clinic in Moscow.

КАРЬЕРА ЙОШИДА НОБУМАСА В БУДО

1941 3/7 — Рождение в городе Нагоя, Япония, в семье, торгующей на протяжении четырёх поколений инвентарем для занятий будо.
1944 — Отец умер во Второй мировой войне на острове Сайпан.
1952 — В возрасте одиннадцати лет поступил в Касима-додзё, где изучал кэндо.
1955 — Начал изучать дзюдо в 14 лет.
1959 — Поступил в фармацевтический колледж Сидзуока. Поступил в Ёсэйкан, где начал изучать дзюдо у Мотидзуки Минору.
1960 — Получил 2-й дан в Дзюдо. Стал капитаном университетского клуба дзюдо.
1963 ~ 1965 — Окончил университет, получил лицензию в качестве фармацевта. Изучал дзюдо в Кодокане, Токио.
1968 ~ 1971 — Вместе с женой стал ути-дэси сэнсэя Мотидзуки Минору в Ёсэйкан. Изучал каратэ, Катори Синто-рю, дзюдо, айкидо, кобудо и др.
1970 — Получил 3-й дан Айкидо.
1971 — Основал своё додзё Айкидо в городе Ивакура в Айхе.
1973 — Семинар Ёсейкан Будо в Сайгоне (Южный Вьетнам) с Сэнсэем Мотидзуки Минору.
1974 — Повышен в ранге айкидо до 4-го дана.
1977 — Повышен в ранге Катори Синто рю до 5-го дана сэнсэем Мотидзуки Минору.

1986 — Повышен в ранге айкидо до 6-го дана.
1987 — Становится Вице-президентом МФЯБ – Международной федерации японского будо.
1996 — Награжден медалью за выдающиеся заслуги в Будо от МФЯБ.
1996 — Семинар Ёсэйкан Будо в Провансе, (Франция) с Мотидзуки Хироо.
1996 — Сентябрьский семинар МФЯБ в Италии с Сугиямой Сёдзи.
2000 — Становится вице-президентом созданного Сэйфукай.
2003 — Повышение в ранге Айкидо до 8-го дана и японского Дзю-Дзюцу до 8-го дана.
2003 — Сэнсэй Мотидзуки Минору умер в возрасте 96 лет в Провансе, Франция.
2003 — Семинар Сэйфукай в Перте, Австралия.
2009 — Повышение в ранге айкидо до 9-го дана японского Дзю-Дзюцу до 9-го дана.
2011 — Создана Академия Дзю-Току-Дзюку Нихон-дэн-дзюдзюцу.
17 апреля 2011 — Авторизован в качестве преемника Мотидзуки Минору его наследником Мотидзуки Тэтума.
2014 — Семинары Дзю-Току-Дзюку в Москве. Создана Российская Академия Традиционной Культуры Японии – «Nihon Dentou-Bunkain Russia»
2015 — Опубликован DVD по айкидо Сэйфукай.
2015 – 2016 — Семинар Дзю-Току-Дзюку в Москве.
2016 — В России открыто отделение Дзю-Току-Дзюку.
2017 – 2019 — Семинары Дзю-Току-Дзюку в Москве.

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ**

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании
**«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА ЯЗЫКЕ
НАПИСАНИЯ СТАТЬИ

ФИО (полностью)1, ФИО (полностью)2 и т.д.
Место работы1, Место работы2 и т.д.
электронный адрес (первого автора)

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: слово(5-7)

Abstract (на языке написания статьи)

Text

Key words: word (5-7), на языке написания статьи

Для цитирования: ФИО. Название статьи
(курсивом). Современные востоковедческие исследова-
ния. Год публикации; Том (Номер выпуска):

Образец на русском: Магдеев Р.Р., Халиуллина
А.А. Динамика экономических отношений между
Россией и Японией: основные мотивы. Современ-
ные востоковедческие исследования. 2019; 1(2):

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. Dy-
namics of economic relations between Japan and
Russia: basic motives. Modern oriental studies.
2019; 1(2):

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(на усмотрение автора)

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Таблица 1. Название таблицы

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

ВЫВОДЫ

Текст

Рис. 2: Название диаграммы

ЛИТЕРАТУРА

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78–86.
2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

- Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.
4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M (2011). Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkova]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapkova]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkova, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Beloshapkova]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD Alfiya Alikberova

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

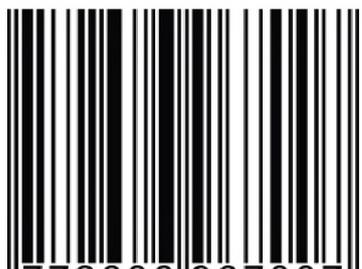
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia

alfikas@mail.ru

Принята к публикации: (фразу вписать, даты проставляет Редколлегия после получения рецензии)

Submission Date:

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >